ИНГУШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК им. Ч.Э. АХРИЕВА

ВЕСТНИК
Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

№ 1 – 2021

Научный журнал
Выходит два раза в год

МАГАС – 2021

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Барахоева Нина Мустафаевна, доктор филологических наук, профессор,
директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Агиева Лемка Тугановна, кандидат философских наук, ученый секретарь Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Арапханова Лейла Якубовна, кандидат политических наук, зав. отделом социально-политических исследований Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, доцент кафедры истории Ингушского государственного университета

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета:

Матиев Магометбашир Адамович – профессор ИнгГУ, кандидат филологических наук, заведующий отделом ингушского фольклора и литературы Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Члены редакционного совета:

Долгиева Марем Белановна, профессор ИнгГУ, кандидат исторических наук, заведующая отделом истории Ингушетии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук имени Ч.Э. Ахриева;

Киева Зуфира Хаджибикаровна – доктор филологических наук, заведующий отделом ингушского языка Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Кодзоев Нурдин Даутович – заведующий сектором культурно-исторического гаследия Ингушетии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им Ч.Э. Ахриева;

Накостоев Хаваш Алиевич – редактор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им Ч.Э. Ахриева;

Харсиев Борис Магомет-Гиреевич – кандидат философских наук, заведующий отделом ингушской этнологии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева;

Ялхароева Марем Ахметовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела ингушского фольклора и литературы Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аккиева Светлана Исмаиловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований (Кабардино-Балкарская Республика);

Албакова Фатима Юсуповна, доктор философских наук, профессор, ректор Ингушского государственного университета (Республика Ингушетия);

Албогачиева Макка Султан-Гиреевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии народов Кавказа МАЭ РАН (Кунсткамера);

Али Аскер, доктор юридических наук, доцент Карабюкского университета (Турция);

Алиева Севиндж Исравил-газы, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела «История Кавказа», Институт Истории Национальной Академии наук Азербайджана (Азербайджан);

Биттирова Тамара Шамсудиновна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела ингушского фольклора и литературы Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, ведущий научный сотрудник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований;

Габуниа Зинаида Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Кабардино-Балкарского государственного университета;

Гутов Адам Мухамедович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований КБНЦ РАН;

Джапуа Зураб Джотович, доктор филологических наук, профессор, академик, Президент АН Республики Абхазия (Республика Абхазия);

Жеребило Татьяна Васильевна, доктор педагогических наук, профессор (г. Грозный);

Казиева Альмира Магометовна, доктор филологических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ филологии, Пятигорский государственный лингвистический университет (г. Пятигорск);

Магомедханов Магомедхан Магомедович, доктор исторических наук, заведующий отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии (Республика Дагестан);

Мартазанов Арсамак Магомедович, доктор филологических наук, профессор (Республика Ингушетия);

Мартазанова Ханифа Магамедовна, доктор филологических наук, профессор (Республика Ингушетия);

Танкиева Лидия Хусеновна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела ингушского фольклора и литературы Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева;

Цороева Марет Гайсултановна, доктор этнологии, доктор истории религий (Франция).

Содержание

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Акиева П. Х. Ретрансляция юбилейных дат «добровольного вхождения» северокавказских народов в состав России в новейшее время 5

Горюшина Е. М. Город как мемориальный ландшафт вооруженных действий....17

Долгиева М. Б., Горчханова Л. З. Японц Арскиевич Абадиев − сильный духом сын ингушского народа....23

Дударов А.-М. М. Некоторые штрихи к вопросу изучения аланской этничности....26

Кариева Ф. А. Боевые башни Ингушетии....31

Кодзоев Н. Д. Село Базоркино в период гражданской войны (1917-1920 гг.)....36

Сефербеков Р. И. Этнокультурные процессы в городах Дагестана в контексте социокультурных трансформаций в России в конце XX – начале XXI века....43

ПОЛИТОЛОГИЯ

Арапханова Л. Я. Магас – столица Ингушетии. Историография вопроса....51

Костоев З. И. Влияние Первой русской революции на национальную политику России на Северном Кавказе (на примере Ингушетии)....54

Садулаева Т. Б. Политические предпочтения как объект политологического исследования....59

ЭТНОЛОГИЯ и ЭТНОГРАФИЯ

Агиева Л. Т. Этикет приветствий и прощаний в ингушском обществе....61

Сагов Р. З. Вопросы историографии ингушей в контексте проблем этнической истории нахских народов....81

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Биттирова Т. Ш. Поверяя время словом: творчество Раисы Дидиговой (к юбилею поэта)....89

Галаева Ж. Б. Периодизация проникновения общественно-политических неологизмов в ингушском языке....95

Евлоева А. М., Бекова М. Р. Зязиков Бахьаудина «Къоаночо дийцар» яхача дувцара т1а къаман денал гойтар....97

Евлоева А. М., Кулбужева М. О. Чахкиев Са1ида «Иштта мара» яхача романа турпалий аматаш (Боскари Берди)....100

Мартазанова Х. М., Евлоева А. М. Дега мерзаш декаду поэзи (Горбакова Макшарипа Лидай кхолламах)....103

Мартазанова Х. М., Котиева З. М. Гойгов І.-Хь. исбахьален-публицистически очеркайи статьяйи тематика....106

Мартазанова Х. М., Котиева З. М. Гойгов Іаддал-Хьамида дувцарашка кхалсага амат....109

Хадзиева А. А. Штрихи к творческому портрету Вышегурова Магомеда Султановича....113

Хадзиева А. А. Очерк жизни и творчества Бориса Магомет-Гиреевича Харсиева....120

Ялхароева М. А. Черкесские мотивы в творчестве Аслана Куазо....127

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

Салогуб А. М., Арсельгова М. А. Управление социальной ответственностью научного учреждения на принципах модели тройной спирали....130

ПЕДАГОГИКА

Барахоева Ж. М. Повышение речевой культуры студентов вузов 134

СЛОВАРИ

Киева З. Х. Материалы к «Толковому словарю ингушского языка» (предварительные публикации).....139

Хайрова Р. Р. Материалы к «Толковому словарю ингушского языка» (предварительные публикации).....143

РЕЦЕНЗИИ

Патиев Я. С. Об истории Горской Республики. Книга Т. Матиева «Горское национальное движение в революциях и гражданской войне на Северном Кавказе (1917-1921)». (Назрань, 2020. 402 с.) 149

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Поздравляем с юбилеем Висин-Гирея Хасановича Танкиева **.....152**

НАШИ АВТОРЫ 153

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ.....154

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

РЕТРАНСЛЯЦИЯ ЮБИЛЕЙНЫХ ДАТ «ДОБРОВОЛЬНОГО ВХОЖДЕНИЯ» СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ НАРОДОВ В СОСТАВ РОССИИ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Акиева П.Х.

Аннотация. В статье на примере современного официального оформления «юбилейных дат» в кавказских республиках, показаны неоднозначные подходы, различные трактовки и формулировки исторического процесса включения Кавказа в орбиту влияния царской России. Согласно негласному алгоритму, сформированному в советское время и используемому современным региональным руководством, политически корректные даты проходили апробацию на уровне региональных конференций с последующим официальным оформлением через местные представительные органы власти.

Предложенное М.М. Блиевым разграничение истории царской колонизации региона на этапы (первый – время налаживания русско-кавказских отношений и подписания договоров о вхождении и второй, собственно, фактическое установление российской власти, включающий события Кавказской войны и администрирование региона), позволило исторически обосновать политические запросы советского времени. Кавказская война, таким образом, переводилась на внутриполитический уровень, социальный протест горцев дробился и упрощался, а одна из форм борьбы с колонизаторами – набеги – стали трактоваться «генетической» предрасположенностью горцев. Результатом внедрения и развитие данных идей явилась конфликтная ситуация в кавказском регионе, сложившаяся в конце XX века (применительно к Ингушетии – митинг 1973 г.).

Подвергшаяся академической критике концепция была реанимирована властными органами в первое десятилетие XXI в. как возможная альтернатива всплеску национализма. Навязывание темы «добровольности» со всевозможными вариациями («вхождение», «единение»), трансляция юбилейных дат есть политическое желание завуалировать нерешенные проблемы национальной политики советского и постсоветского времени. Необходимо признать невозможность использования памяти о Кавказской войне как примера «добровольного» единения/вхождения северокавказских народов в состав России.

Политические реалии последних лет показывают продолжение советской тактики корректирования исторически удобных формулировок и событий в северокавказских субъектах Российской Федерации. Так, в статье показана ошибочность официальной даты «добровольного вхождения» ингушей в состав России. В статье доказывается, что договор 1770 года и подобные ему договоры, подписанные различными обществами середины XVIII – начала XIX вв., нельзя трактовать как акты «добровольного единения» («вхождения»/«подданства») народа. Считаем, что используемые термины не являются полновесными, не соответствуют характеру присоединения региона к России, а выборка дат отсчета и сегодня основывается, исходя из политических запросов власти.

Сегодня историческая память о Кавказской войне и ее последствиях остается замкнутой административными границами республик, в части республик она эмоционально перекрывается трагедией депортаций, постсоветскими войнами и конфликтами. Учитывая, что в народно-освободительном движении в той или иной степени были задействованы практически все кавказские народы, что окончание Кавказской войны и подавление движения приходится на 21 мая 1864 года, автор говорит о возможности признания всеми северокавказскими республиками этой даты, как официального времени окончательного покорения Кавказа.

Ключевые слова: идеологические установки, добровольное вхождение, единение, включение, горский экспансионизм, дружба народов, Кавказская война, народно-освободительное движение горцев Кавказа, национальная политика, корректировка событий и дат.

RETRANSMISSION OF THE ANNIVERSARY DATES OF THE «VOLUNTARY INCLUSION «OF THE NORTH CAUCASIAN PEOPLES TO RUSSIA IN MODERN TIMES

Annotation. In the article using the example of the modern official registration of "anniversary dates" in the Caucasian republics, the article shows the ambiguous approaches, different interpretations and formulations of the historical process of including the Caucasus in the orbit of influence of tsarist Russia. According to an unspoken algorithm formed in Soviet times and used by the modern regional leadership, politically correct dates were tested at the level of regional conferences, followed by official registration through local representative authorities.

M. M. Bliev's proposal to distinguish the history of the tsarist colonization of the region into stages (the first-the time of establishing Russian-Caucasian relations and signing treaties of entry, and the second, the actual establishment of Russian power, including the events of the Caucasian war and the administration of the region), allowed to historically justify the political demands of the Soviet time. This made it possible to historically substantiate the political needs of the Soviet times. Thus, the Caucasian war was transferred to the internal political level, the social protest of the mountaineers was fragmented and simplified, and one of the forms of struggle against the colonialists - raids - began to be interpreted as a "genetic" predisposition of the mountaineers. As the result of the introduction and development of these ideas was a conflict situation in the Caucasian region that developed at the end of the 20th century (in relation to Ingushetia - a uprising in 1973). The concept, which was subjected to academic criticism, was revived by the authorities in the first decade of the 21st century as a possible alternative to the surge of nationalism. Imposing the topic of "voluntariness" with all kinds of variations ("entry", "unity"), broadcasting anniversaries is a political desire to cover up the unsolved problems of national policy of the Soviet and post-Soviet times. It is necessary to recognize the impossibility of using the memory of the Caucasian War as an example of "voluntary" unity / entry of the North Caucasian peoples into Russia.

The political realities of recent years show the continuation of the Soviet tactics of correcting historically convenient formulations and events in the North Caucasian constituent entities of the Russian Federation. Thus, the article proves the fallacy of the official date of the "voluntary entry" of the Ingush into Russia. The article proves that the treaty of 1770 and similar treaties signed by various societies in the mid-XVIIIth - early XIXth centuries cannot be interpreted as acts of "voluntary unity" ("entry" / "citizenship") of the people. We believe that the terms used are not objective, do not correspond to the nature of the region's annexation to Russia, and the sample of reference dates is still based on political requests.

Today, the historical memory of the Caucasian War and its consequences remains closed by the administrative borders of the republics, in some republics it is emotionally overlapped by the tragedy of deportations, post-Soviet wars and conflicts. Considering that practically all Caucasian peoples were involved in the people's liberation movement to one degree or another, that the end of the Caucasian War and the suppression of the movement falls on May 21, 1864, the author offers the opportunity to recognize this date by all the North Caucasian republics as the official time of the final conquest Caucasus.

Key words: ideological attitudes, voluntary entry, unity, inclusion, mountain expansionism, friendship of peoples, the Caucasian war, the people's liberation movement of the Caucasus mountaineers, national policy, adjusting events and dates.

В 2020 году Республика Ингушетия отметила 250-летие добровольного вхождения Ингушетии в состав России. Основанием для отсчета праздничной даты считается договор марта 1770 года, подписанный возле селения Ангушт [Постановление Народного Собрания Республики Ингушетия от 25 марта 2004 года №68], когда ингушские старшины присягнули на верность Е.И.В. уполномоченному гусарского полка капитану Дегостий [*Бутков П. Г.,* 1869, с. 695].

Власти субъекта ежегодно проводят торжественные мероприятия, посвященные этой дате, которая, на наш взгляд, не имеет исторического обоснования. Подобные договора, подписанные различными обществами середины XVIII – начала XIX вв., нельзя трактовать как акты добровольного «единения» («вхождения» / «подданства») ингушского народа.

История выстраивания отношений между Россией и кавказскими народами является важ-

ной проблемой отечественного кавказоведения. Подходы и трактовки процесса присоединения укладывались в заданные идеологические рамки того или иного времени. Если в дореволюционной историографии акцент делался на «завоевание», то в советской – политический вектор менялся от разрушительной военной экспансии царской России до концепции «наименьшего зла» и «присоединения / вхождения». В современной историографии не сформирован единый подход, продолжают существовать крайние оценочные суждения [*Максимчик А.Н.,* 2010, *с. 261;* Журтова А.А., Максимчик А.Н., 2017, с. 16]. [1]

Одним из весомых инструментов актуализации политически корректного прошлого в советское время были исторические юбилеи. В процессе поиска дат, подходящих нарративам идеологии поствоенного времени («советский патриотизм», «дружба народов» и т.д.), руководством союзных и автономных республик предпочтение отдавалось «юбилеям установления советской власти или "добровольного присоединения" к России» [*Тихонов В. В.*, 2017, с. 108]. В частности, «добровольное присоединение» кавказских народов, активно пропагандируемое с начала 1960-х годов, укладывалось в концепцию 1936 года (И.В. Сталин, А.А. Жданов и С.М. Киров), согласно которой устанавливалось рассматривать присоединение Украины и Грузии к России «наименьшим злом», нежели включение в состав Польши или Турции [Постановление жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3-го и 4-го классов средней школы по истории СССР, 1946, с. 37].

Так, следуя запросам управленцев советского времени, стала формироваться историография присоединения Кавказа к России. Ведущую роль в практике вписывания исторических фактов сближения, в частности, Кабарды и Московского царства, в концепцию «наименьшего зла» и нарратив «дружбы народов», сыграл Г.А. Кокиев [Кокиев Г.А., 1946, с. 51].[2] В отношении балкарцев, карачаевцев и черкесов (а также ногайцев и абазин) Е.А. Алексеева, И.Х. Калмыков и В.П. Невская называют середину XVI века, как время принятия русского подданства [Алексеева Е. П., Калмыков И. Х., Невская В. П., 1957, с. 13]. В своей работе 1957 года авторы отмечают, что присоединение Черкесии и Кабарды явилось результатом деятельности посольств 1552, 1555 и 1557 годов [Алексеева Е. П., Калмыков И. Х., Невская В. П., 1957, с. 14]. В ставшем юбилейным для республики 1957 году, когда местные партработники добились официального закрепления даты «добровольного присоединения», были реабилитированы балкарцы, а республике вернули название Кабардино-Балкарская АССР [Тихонов В.В., 2017, с. 108].

В том же 1957 году был отменен Указ Президиума Верховного Совета СССР об упразднении Чечено-Ингушской АССР [Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 года «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР»]. В новые границы республики не вошла территория Пригородного района (прародина ингушей), отошедшая республике Северная Осетия. Взамен к ЧИАССР отошли несколько районов Ставропольского края (Наурский, Каргалинский и Шелковской) [Вачагаев М., 2009, с. 166]. Возвращавшиеся из депортации ингуши и чеченцы столкнулись с проблемой «неготовности властей к столь быстрому и массовому их приезду, что привело к первым столкновениям в Чечено-Ингушетии» [Вачагаев М., 2009, с. 166]. Переселенцы, в основном из Украины и Центральных частей России, отрицательно относились к восстановлению республики, выказывали недовольство процессом возвращения депортированных на свою историческую родину, так как не желали возвращать недвижимость и имущество ингушей и чеченцев, коими 13 лет безвозмездно пользовались. Проблема усугублялась кадровыми ущемлениями и культурной дискриминацией в течение всего времени существования ЧИАССР (вплоть до первой половины 1980-гг.) [Вачагаев М., 2009, с. 167]. Следующая конфликтогенная проблема была связана с правовыми ограничениями ингушей, связанные с запретом на их воз-

[1] Например, исследователь А.Н. Максимчик, раскрывая историографию вопроса присоединения Северного Кавказа к России, предлагает различные мнения, которые политизируются, «идеологически конфликтуют и создают дискуссионное поле», привести к «концептуальной интеграции». Он предлагает рассматривать семантическое содержание понятий, используемых учеными в определении характера присоединения. Причем содержательный контекст им ставится в зависимость от «федерального» и «регионального» ранжирования ученых. Таким образом, А.Н. Максимчик выделяет «государственно-идеологический ("добровольное вхождение", "российскость"), этно-эмоциональный ("завоевание", "геноцид", "оккупация") или рационально-критический ("военно-политический союз", "подданство", "протекторат")» контекст присоединения

[2] За точку отсчета присоединения Кабарды к Московскому княжеству Кокиев Г.А. предлагал принять 1588 г.

вращение в прежние места пребывания, расположенные в родовых селах Пригородного района, которые были распределены между осетинами из Южной Осетии, ограничение прописки, запрет на куплю-продажу жилых строений и др. [Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1956 г. «О снятии ограничений по спецпереселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны»; Постановление №183 от 5 марта 1982 г. Совета Министров СССР «Об ограничении прописки граждан в Пригородном районе Северо-Осетинской АССР»; Постановление ВС СО АССР от 14 сентября 1990 г. о запрете прописки граждан, купли-продажи домов и другой собственности на праве личной собственности на территории республики].

С начала 80-х годов XX века партийной бюрократией Чечено-Ингушской АССР была поставлена задача найти приемлемую дату, иллюстрирующую давнюю дружбу ингушей и чеченцев с Россией. Такая необходимость возникла вследствие нарастания межэтнических трений, причины которых неоднократно излагались в письмах ингушской интеллигенции в ЦК КПСС (Н.С. Хрущеву в 1956 г. [Из письма представителей ингушского народа Н.С. Хрущеву с просьбой разрешить вернуться на родину, Л. 12, 18-21; Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация, 1994-2004: документы, материалы, комментарии, 2004, с. 305-310], весной 1972 года «О нарушениях ленинской национальной политики КПСС в Чечено-Ингушской АССР» от 27 ингушей-коммунистов [О нарушениях ленинской национальной политики КПСС в Чечено-Ингушской АССР, с. 13-28], в декабре 1972 г. от представителей ингушской интеллигенции «О судьбе ингушского народа» [Письмо в ЦК КПСС «О судьбе ингушского народа»] и другие документы, направляющиеся в партийные организации [Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация, 1994-2004: документы, материалы, комментарии, 2004, с. 310-351, 357-365, 369-382]). Рефреном этих обращений было признание бесправного положения ингушей, как в г. Грозном, так и в г. Владикавказ, а также требование возвратить Пригородный район.

Активный прессинг властей на авторов писем, обвинения их в национализме и выражении мнения лишь небольшой части ингушского народа вылилось в массовый митинг ингушей в Грозном в январе 1973 года. Разогнав мирное выступление, власть стала активно бороться с «националистическими проявлениями, реакционным мусульманским духовенством и враждебными экстремистскими элементами» и усилила «интернациональное воспитание» [Письмо в ЦК КПСС председателя Комитета Государственной Безопасности при Совете Министров СССР Андропова].

«Термин “присоединение”, благодаря своей всеохватности, устроил подавляющее большинство исследователей-кавказоведов» [Магарамов Ш.А., 2013, с. 5-9]. В начале 1950-х годов концепция «присоединения» дополняется новой идеологической задачей придания процессу «преимущественно мирного» характера, прогрессивности [Агаджанов С.Г., 1995, с. 7] и благотворности вхождения северокавказского региона в состав Российской империи. Так разработка исторической концепции «о добровольном вхождении» стала одним из значимых элементов партийной работы в ЧИАССР.

Научное обоснование процесса добровольного сближения северокавказских народов с России началось с работы М.М. Блиева [Блиев М.М, 1970]. 21 – 22 сентября 1978 г. на всероссийской научной конференции региональным партийным руководством была поставлена задача – исследование тесной и «нерушимой дружбы… русского народа с народами Кавказа [Вопросы истории и исторической науки Северного Кавказа и Дона, 1980, с. 9].

Реализация партийной задачи в отношении ингушского и чеченского народов осложнялась несколькими обстоятельствами. Во-первых, наличием ряда фактов дачи присяги. Так, например, ингушские старшины присягали представителям военной администрации в период с середины XVIII – XIX вв. в 1756 г., 1757 г., 1760 г., 1762 г., 1770 г., 1783 г., 1810 г. [Кодзоев Н.Д., 2015, с. 20]

Во-вторых, данные присяги давались от имени того или иного общества, ведь ни Чечня, ни Ингушетия не представляли собой единое политическое образование. Для ингушских и чеченских обществ было характерно тейповое управление и родовая организация, основанная на военно-демократических принципах социальной жизни. Традиционная эгалитарная организация данных обществ исключала возможность развития феодализма в классическом европейском смысле [*Робакидзе А. И.*, 1978]. Обладая этно-

специфической структурой мировоззрения с высокой степенью правовой саморегуляции [Акиева П.Х., 2014, с.124] , судьбоносные решения здесь принимались специальным органом управления – Советом страны (Мехка кхел). Ему были делегированы полномочия исполнительной и судебной власти всеми обществами [Сеидов И.М., 1968; Сеидов И.М., 1972; Тотоев Ф.В., 2009, с. 206]. В результате отсутствия единоначалия в виде монархии или княжеского правления, характерного для России или других европейских стран, стали возможными многочисленные присяги, даваемые отдельными ингушскими и чеченскими старшинами. Поэтому заявления о подданстве, понимаемые как союз или покровительство, могли даваться по нескольку раз или одновременно двум соперничавшим державам [Кудрявцев А.В., 1996, с. 97; Ахмадов Я.З., 1995, с. 59; Агаджанов С.Г., 1995, с.9-10 и др.]. По этому поводу известный кавказовед Л.И. Лавров писал, что присяга практически не приводила к «вхождению края в состав Российской империи», к тому же в XVIII веке не все общества Чечено-Ингушетии ее давали [Цит. по: Карпов Ю.Ю., 2010, с. 27].

Надо понимать, что каждая сторона действовала принятыми в обществе законными средствами, руководствовалась своими интересами и моральными принципами. Договоры этого времени подписывались в поисках определенных, важных именно в данный момент, выгод. Ориентация народов Северного Кавказа на Россию существовала, но одновременно была ориентация и на Крым, Иран, Турцию [Ахмадов Я.З., 1995, с. 33].

Присяги в верности устраивали Россию, пока не стало ясно, что близок конец Кавказской войны. Подавление народного сопротивления перевело «кавказский вопрос» из внешнеполитической проблемы во внутреннее дело России [Аккиева С. И., 2015, с. 135]. «В конце 50-х годов XIX века, когда поражение Шамиля было уже очевидно и стало ясно, что покорение горцев – дело скорого времени, царизм мог уже спокойно довести до конца свои колонизаторские планы в отношении горцев: именно в это время начинается широкий захват горских земель, изоляция и покорение горских народов путем постройки крепостей и укреплений» [Парова Л., 1999, с. 360-361]. Освободительная борьба Шамиля длилась до 1859 года, до покорения его последней крепости Гуниб, затем она велась на территории западных адыгов вплоть до 1864 года [История народов Северного Кавказа (конец *XVIII – 1917 г.),* 1988, с. 196-201].

Следующая, не менее значимая проблема, состояла в необходимости каким-нибудь образом обойти тему Кавказской войны, включающую все военные действия Российской империи и события колонизации региона. Идеологема СССР «дружбы народов» исключала трактовку русского народа как завоевателя или колонизатора Кавказа [Савельев А. Е., 2011]. С другой стороны, довлела концепция «антиколониального» характера движения угнетенных трудящихся против союза местных и русских эксплуататоров [Дзамихов К.Ф., 2014, с. 38].

Кавказская война, как вооруженный конфликт между братскими народами, входила в столкновение с партийно-идеологическими установками. В результате, имевшие место идеологические ограничения изучения завоевательных действий периода Кавказской войны (1817 – 1864 гг.) породили расплывчатость ее содержательной составляющей [Гапуров Ш.А., Бугаев А.М., Черноус В.В., 2014, с. 90-100]. Учеными отмечается догматический подход к интерпретации источников, породивший глубокий кризис изучения Кавказской войны [Лапин В.В., 2006, с. 8], отсутствие до начала 1980-х годов фактологической истории событий Кавказской войны [Дзамихов К.Ф., 2014, с. 38].

Технически обойти эти обстоятельства помогла концепция М.М. Блиева, который предложил разделить период XVIII – XIX вв. на два этапа: первый, связанный с налаживанием русско-кавказских отношений, и второй, собственно, фактическое установление самодержавной власти [Блиев М. М., 1970.]. Так стало возможным отнесение событий второго периода, т.е. первой половины XIX в. (колониальная политика и национально-освободительные движения), к внутреннему делу России [Шнирельман *В.А*., 2006]. В результате народно-освободительное движение народов Северного Кавказа превратилось в «экспансию горцев» против русских земель. С точки зрения М.М. Блиева, общественные системы народов Северного Кавказа соответствовали эпохе военной демократии, основной элемент хозяйственный жизни которых был связан с набегами.

Эта концепция позволила нивелировать зависимость исследований от вопроса о колонизации и освободительном характере движения горцев [Дзамихов К.Ф., 2014, с. 38]. Предложение было

подхвачено и расширено В.Б. Виноградовым и С. Ц. Умаровым, которые объявляли «антироссийские сепаратистские выступления некоторых ханов и других местных феодалов, социальные восстания и движения широких народных масс за свои права против горских эксплуататоров…, напряженность и открытые столкновения в связи с практикой частых набегов горцев друг на друга и на российские поселения и города в бассейне Терека» внутренним делом России, так как «речь идет не о внешней войне России за овладение Кавказом» [Виноградов В.Б., Умаров С.Ц., 1983, с. 9].

Данный подход позволил народно-освободительное движение горцев не только упростить до уровня гражданской, но и раздробить социальный протест горских народов, его вооруженную борьбу на отдельные «выступления», «восстания», «движения» и «набеги», объяснявшиеся «трудностями “притирания”, органического совмещения» социально-экономических реальностей Российской империи и мелких сельских обществ горцев. Он позволил говорить о Кавказской войне [Фадеев Р.А., 2003][1] в кавычках, с приставкой «так называемая» [Виноградов В.Б., Умаров С.Ц., 1983, с. 9].

Научные подходы М. М. Блиева и В. Б. Виноградова были положены в основу идеологической работы Чечено-Ингушского обкома КПСС. Внедрение концепции добровольного вхождения чеченцев и ингушей в состав России началось на вышеупомянутой всесоюзной конференции в сентябре 1978 г., где А.В. Власов, отметив перспективность подхода М. М. Блиева, призвал обратить внимание на факты дружбы и тесные связи русского народа с народами Кавказа [Власов А.В., 1978, с. 7-10]. В следующем году В.Б. Виноградовым и С.Ц. Умаровым была подготовлена «Справка-обоснование празднования 200-летнего юбилея вхождения Чечено-Ингушетии в состав России», в которой назывались конкретные даты вхождения Чечни – январь 1781 г. и Ингушетии – 1770 г. 14 июля Власов А.В. озвучил справку на очередном пленуме Чечено-Ингушского обкома КПСС, а в октябре 1979 года в Грозном была проведена Всероссийская научная конференция, где обсуждались проблемы добровольного вхождения Ингушетии и Чечни в Россию [Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX в.), 1982], определения прогрессивных последствий процесса [Блиев М.М., 1982, с. 241-248] и отсутствия иного пути развития для местных народов [Ахмадов Ш. Б., 1982, с. 248-253]. Итогами конференции стали рекомендации рассматривать интеграцию всех народов региона в Российскую империю в контексте мирной и добровольной [История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 года, 2001].

Попытки высказать иное мнение преследовались, «травле подверглись такие историки, как М.Н. Музаев, А.З. Вацуев, Я.З. Ахмадов, Х.А. Акиев, Я.С. Вагапов, Х.С. Ахмадов и др.» [Шнирельман *В.А*., 2006; История и историки, 1995, с. 32]. Торжественные мероприятия были совмещены с 60-летием образования Чечено-Ингушской АССР и проведены в 1982 году. Концепция «200-летия добровольного вхождения чеченцев и ингушей в состав России», как и «легенда о горском экспансионизме, созданные М.М. Блиевым и В.Б. Виноградовым», стали одной из причин обострения национального вопроса в республике [Ахмадов Я.З., 1995, с. 56-57].

Исторической наукой еще в эпоху перестройки была признана несостоятельность выдвинутой В.Б. Виноградовым и С.Ц. Умаровым версии о «добровольном вхождении» Ингушетии и Чечни в состав России [Журтова А.А., Максимчик А.Н., 2017, с. 40; Исаев С-А. А., 2012, с. 69]. Распад СССР освободил исследователей от идеологических догматов, и официально принятая версия «о добровольном вхождении» была отвергнута большинством ученых. Однако последовавший за ним всплеск национализма 1990-х годов XX века заставил властные органы реанимировать теорию добровольного присоединения северокавказских народов к России [Кузьминов А.А. Черноус В.В., 2017, с. 12].

Тема «добровольности» с вариациями «вхождение», «единение», «присоединение» снова возникла в первое десятилетие XXI в. В частности, в Ингушетии о ней вспомнили с подачи И.А. Дахкильгова [Кодзоев Н.Д., 2015], который с 1996 г. периодически озвучивал 1770 год как дату добровольного единения / вхождения ингушей в состав России, в различных вариациях, в течение девятнадцати лет [Дахкильгов И.А.1996; Дахкильгов И.А., 2004*; Дахкильгов И.А.*, 2010]. Далее, по отработанному в советское время алгоритму региональными чиновниками дата была проведена через круглый стол [Республика Ингушетия.

[1] Термин «Кавказская война» (без определения смысла этого термина) был впервые введен в научный оборот Р.А. Фадеевым в его работе «Шестьдесят лет Кавказской войны», вышедшей в 1860 году.

Историки уточнили дату добровольного вхождения Ингушетии в состав России за круглым столом] и научно-практическую конференцию «Единение Ингушетии с Россией – историческая необходимость» под эгидой Ингушского НИИ и Ингушского государственного университета [*Саитов В.,* 2004]. Следующим этапом стало принятие 25 марта 2004 г. Народным Собранием РИ Постановления № 68 «О дате единения Ингушетии с Россией». Затем в 2009 году издается Указ Президента РИ Евкурова Е-Б. Б. о праздновании 240-летия «добровольного вхождения» Ингушетии в состав России [Указ №51 «О праздновании 240-летия добровольного вхождения Ингушетии в состав России от 10 марта 2008 г.]. Заметим, что в соседней Чеченской Республике в 2008 году были проведены торжественные мероприятия в честь 420-летия «установления добрососедских отношений» между Россией и Чечней [Распоряжение Правительства Чеченской Республики от 31 июля 2008 года N 354-р «О проведении праздничных мероприятий, посвященных 420-й годовщине установления добрососедских отношений между Россией и Чечней»].

Очевидна разница исторического контекста этих официальных дат: если в Ингушетии одна из присяг ингушских старшин Ангуштинского общества взята за основу «вхождения / единения» всего ингушского народа с Россией, то в Чечне – посольство 1588 года в Московское княжество под предводительством Батай-мурзы официально транслируется как «налаживание добрососедских отношений».

Возникает вопрос – почему отправной датой празднования в Ингушетии берутся события 1770 г., а в Чечне – события 1588 г. датой шертования Ших-мурзы Окоцкого? Ведь, если в отношении Ингушетии имеются аналогичные данные 1589 г. – шертование предводителя ингушского общества Ларс в Дарьяльском ущелье Салтана-мурзы [История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца *XVIII* века, 1988, с.347] // кистинца (ингуша) Дудара [Акиева П.Х., 2016, с. 90], то и отсчет следовало бы начать с этой даты. Почему Чеченская Республика отмечает праздник «установления добрососедских отношений между народами России и Чечни», что исторически более объективно, а Республика Ингушетия (как и Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Республика Адыгея) по настоящее время – «добровольное вхождение»?

Считаем, что взятие за основу установления отношений ингушей с Россией дату шертования в 1589 году на верность военно-политическому союзу, предполагает официальное признание факта принадлежности данной территории «предводителю ингушского общества Ларс» [История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца *XVIII* века, 1988, с.347] Салтану-Мурзе, крупному феодалу, контролировавшему Дарьяльский проход [Гутнов Ф.Х., 2012, с. 60], подтверждением того факта, что весь район «Военно-Грузинской дороги входил в сферу древнейшего расселения ингушских племен» [Генко А.Н., 1930, с. 696]. А такое допустить было нельзя. Ведь о Ларсе, как об осетинском владении, русские источники заговорили только в XVIII веке [Дударов А-М.М., Акиева П.Х., 2019]. Точно также, как нельзя обойти принадлежность сегодня де-факто места, где была дана ингушскими старшинами присяга на верность в 1770 году – склон Барт-Босе, как и всей территории расселения общества Ангушт – тот самый Пригородный район, за возвращение которого ингуши в январские дни 1973 г. вышли на митинг – Северной Осетии-Алании.

Навязывание праздников о «добровольном вхождении» кавказских народов есть желание завуалировать нерешенные проблемы. Нежелание власти исправлять свои ошибки, как в советском прошлом, так и в настоящем, иллюстрирует если не растерянность, то однобокость современной национальной политики в России.

Логика исторических событий, вкупе с моральным долгом перед погибшими и воевавшими с колониальной властью горцами, диктуют необходимость принять дату присоединения ингушского народа 25 мая 1858 г. – время последнего крупного восстания Назрановского общества. Также как датой присоединения чеченцев официально признан июнь 1959 года, когда были подавлены последние очаги сопротивления на территории Чечни и в апреле 1859 года разорена резиденция Шамиля – аул Ведено [Присоединение Чечни к России в 1859 году]. Соответственно, понятие «вхождение» ингушских обществ в состав России не имеет исторического обоснования.

Национально-освободительное движение на Северо-Восточном Кавказе, закончившееся пленением имама Шамиля 25 августа 1859 года, продолжилось в черкесских горах Северо-Западного Кавказа и было подавлено 21 мая 1864 года. В исторической памяти Кабардино-Балкарии, Ка-

рачаево-Черкесии и Адыгеи явлением коммеморации стало учреждение Дня памяти жертв Кавказской войны [Постановление Верховного совета Кабардино-Балкарской ССР N 977-XII-B jт 7 февраля 1992 г. «Об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в годы Русско-Кавказской войны»]. В данном случае акцентируется не столько сама война, сколько факт геноцида адыго-абхазских народов, который стал последствием поражения в Кавказской войне. При этом попытки «его признания на федеральном уровне безрезультатны» до настоящего времени [Урушадзе А.Т., 2018, с. 106].

В Дагестане, Чечне и Ингушетии тема насильственного изгнания в исторической памяти и политическом дискурсе не так активна, причем в последних двух республиках она эмоционально перекрыта трагедией депортаций, постсоветскими войнами в Чечне и осетино-ингушским конфликтом 1992 г. Однако это ничуть не умаляет степень мухаджирства из числа местного населения в ходе и по окончании Кавказской войны. Точно так же, как различная степень участия чеченских и особенно ингушских обществ в событиях Кавказской войны не должны стать основанием для занижения или исключения их роли в национально-освободительном движении.

Сведения о нескольких государственных деятелях-наибах имамата Шамиля из числа ингушей (Асирко-Мухамад оглы – Кистинский наиб; Бурсак Бузуртанов-Мохлой; Дударов – наиб в Галашках и Мухаммад из Ингушетии, который являлся в одно время муфтием Ичкерии) [Дударов А-М.М., 2016, с. 288-297], являются одной из иллюстраций активного участия ингушей в Кавказской войне. В русле народно-освободительной войны против царизма следует рассматривать Яндырские восстания 1825 г. под руководством Джембулата Цечоева и 1833 года во главе с Джанхотом Азаматовым, а также крупное Назрановское восстание 1858 года.

Действительно, открытые выступления ингушей против царской администрации носили спорадический характер в виду их искусственного разделения. Созданные казачьи станицы Сунженская, Тарская, Фельдмаршальская и Аки-Юртовская были расположены в «сердце Ингушетии, разъединяя собой горную и плоскостную Ингушетию» [Бутаев К., 1923, с.30]. Благодаря цепи казачьих станиц, созданных в рамках завершения строительства Сунженской части Кавказской укрепленной линии, продолжавшегося в период с последней четверти XVIII в. до 50-х годов XIX в., была парализована военная и экономическая взаимопомощь между горными и равнинными ингушами.

В такой ситуации ингушские селения, располагавшиеся в предгорной и равнинной зонах, имели большую подконтрольность царской администрации и становились заложниками любых военных выступлений горцев.

Линия укреплений территориально отрезала горных ингушей от равнинных, тем самым создав два лагеря пророссийской и прокавказской ориентации. Данная разделенность ингушского общества стала стираться с появлением учения Кунта-Хаджи Кишиева. Учение обратило в ислам именно ту часть ингушей, которая находилась «в некоем замешательстве относительно своих религиозных убеждений» [Албогачиева М., 2011, с.139], и сыграла решающую роль в принятии ислама Назрановским обществом, которое долгое время оставалось на стороне царизма.

Ситуация ингушей усугублялась перманентными переселениями, перераспределением земельного фонда в пользу казачества, приведшими к необходимости вынужденной аренды ингушами у казаков еще недавно своих же земель и экономическому разорению. По мере строительства Кавказской Линии от Каспия до Азова постепенное заселение переселенцами из России горских земель, а также их раздача под военные поселения и казачьи станицы только укрепляли позиции самодержавной власти.

Если кордонные военные укрепления в понимании горцев были чем-то временным, то формирование станиц, со своей хозяйственной и культурной жизнью, транслировало регулярность и постоянство. «Сами горцы привыкли считать навсегда для них потерянною ту землю, которая отошла под казачьи станицы» [ГАРФ. Ф.730. Оп. 1. Д. 21. Л. 110], она словно «растение, которое вписывается в землю корнями и понемногу застилает и схватывает все поле» [Потто В.А., 1991, с. 284]. В такой ситуации, единственно возможным в условиях колонизации стали набеги, как средство партизанской войны с различными диверсионными актами [Демин А.М., 199, с. 108], как местная «традиция ведения войны» [Ходарковский М., 1999, с. 20], сложившаяся в условиях отсутствия политических форм организации общества и регулярной армии [Гапуров Ш.А., 2003, с. 28].

Таким образом, в понимании отношений подчинения и подданства «нужно учитывать раз-

личия во взглядах на присоединение к России и на статус пребывания в ее составе у русских властей и у присоединенных народов» [Трепавлов В.В., 2007, с. 155]. Считаем, что здесь стоит говорить о насильственном присоединении Кавказа к России во второй половине XIX века в значении установления границ, административной и государственной власти царской России.

Политические реалии последних лет показывают продолжение советской тактики корректирования исторически удобных формулировок и событий в северокавказских субъектах Российской Федерации. Необходимо признать невозможность использования памяти о Кавказской войне как примера «добровольного» единения / вхождения северокавказских народов в состав России.

Освобождение от старых идеологических рамок, признание трагических фактов колонизации и решение законсервированных территориальных конфликтов позволит сделать существенный шаг в процессе современного национального строительства в регионе. Сегодня историческая память о Кавказской войне остается замкнутой административными границами республик Северного Кавказа [Урушадзе А.Т., 2018, с. 108]. Учитывая, что в народно-освободительном движении в той или иной степени были задействованы практически все кавказские народы, что окончание Кавказской войны и подавление движения приходится на 1864 год, верным было бы вести отчет годовщин покорения региона с этой даты всем горским народам вместе. Ведь даже сами участники Кавказской войны, а точнее «Русско-Горской», русские офицеры и солдаты отмечали 21 мая 1864 года, как «день воспоминания покорения Кавказа» [РГИА. Ф. 547. Оп.1. Д. 986. Л.1.].

Литература

1. Агаджанов С.Г. Основные проблемы истории образования и развития многонационального Российского государства // История и историки. / Под ред. И.Д. Ковальченко. М. 1995. С.6-15
2. Абрамов Я. Кавказские горцы // Дело. №1. 1884 // URL: http.: www. apsnyteka.org (Дата обращения 11.10.2019)
3. Акиева П.Х. Основы саморегуляции ингушского общества // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. №166. СПб. 2014. С.122-126
4. Акиева П.Х. О политической роли владетеля Ларса Салтана-мурзы в налаживании отношений с Московским государством в XVI веке // Ингушетия в контексте научных проблем и перспектив изучения Кавказа: материалы международной научной конференции 17 марта 2015 г. Назрань. 2015.
5. Аккиева С. И. Российская политика на Кавказе в конце XVIII – XIX вв. // 245 лет вхождения Ингушетии в состав России: время, события, люди: Материалы Всероссийской научной конференции 17 марта 2015 г. Назрань. 2015. С. 132-138
6. Албогачиева М. Этнография и история ингушского народа в письменных источниках конца XVIII – первой трети XX вв. СПб. 2011.
7. Алексеева Е. П., Калмыков И. Х., Невская В. П. Добровольное присоединение Черкесии к России. Черкесск. 1957.
8. Ахмадов Я.З. Проблемы присоединения народов Чечено-Ингушетии к России // История и историки /Под ред. И.Д. Ковальченко. М. 1995.С.32-33, С. 56-59
9. Ахмадов Ш. Б. Историография вхождения Чечено-Ингушетии в состав России // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX в.): Материалы Всероссийской научной конференции, 2-3 октября 1979 г., г. Грозный. 1982. С. 248-253
10. Блиев М.М. О времени присоединения народов Северного Кавказа к России // Вопросы истории. 1970. № 7. С. 4356
11. Блиев М.М. Историография проблемы присоединения народов Северного Кавказа к России // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX в.). Материалы Всероссийской научной конференции 2-3 октября 1979 г. Грозный. 1982. С. 241-248

12. Бутаев К. Общественные течения среди горцев Северного Кавказа // Жизнь национальностей. Кн.2. М. 1923.
13. *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Ч.I., СПб. 1869.
14. Вачагаев М. Реабилитация народов Северного Кавказа: основные проблемы чеченцев и ингушей в период с 1957-го до начала 1990-х годов // Кавказ и глобализация. Т.1. Вып.1. 2009. С. 164-170
15. Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX в.) // Материалы Всероссийской научной конференции, 2-3 октября 1979 г. Грозный. 1982.
16. Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Вместе – к великой цели. Грозный. 1983.
17. Власов А.В. Исторические исследования – на уровень современных требований // Истоки великой дружбы / Под ред. А.И. Тацитова. Грозный. 1978. С. 7-10
18. Вопросы истории и исторической науки Северного Кавказа и Дона //Материалы Всероссийской научной конференции 21-22 сентября 1978 года, г. Грозный. Вып.2.Грозный. 1980.
19. Гапуров Ш.А. К вопросу о «набеговой системе горцев» // Известия Вузов. Северо-кавказский регион. Серия «Общественные науки». №4. 2003. С. 27-33
20. Гапуров Ш.А., Бугаев А.М., Черноус В.В. К 150-летию окончания Кавказской войны: о хронологии, причинах и содержании // Научная мысль Кавказа. 2014. № 4. С. 90-100
21. Гутнов Ф.Х. Обычное право осетин. Ч.1. Адаты тагаурского общества (список Норденстренга. 1844 г.) Владикавказ. 2012.
22. Генко А.Н. Из культурного прошлого Ингушетии. Записки Коллегии востоковедов. T.V. Л. 1930.
23. Дагестан в составе России: Исторические корни дружбы народов России и Дагестана // Региональная науч. конференция, 26-27 нояб.1987 г. Махачкала. Дагест. филиал АН СССР. 1987.
24. Дахкильгов И.А. Ангушт // Газета «Сердало» от 28 мая 1996 г.
25. Дахкильгов И.А. Шли в подданство не из принуждения. Магас. 2004
26. Дахкильгов И.А. 240 лет нерушимого единства Ингушетии и России. Магас. 2010.
27. Демин А.М. Казаки в Кавказской войне 1817-1864 гг. //Казаки в войнах России М. 1999.
28. Дударов А-М.М., Акиева П.Х. Новые страницы из истории Кавказа (или тайна рода Дудара-Мохлой). М. 2019.
29. Дударов А-М.М. Ингушское общество в эпоху Кавказской войны: наибы Шамиля из числа ингушей // XL Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения. СПб. 2016. С. 288-297 // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-150-4 (Дата обращения 11.01.2020)
30. Дзамихов К.Ф. Кавказская война и ее интерпретация в отечественной историографии и в общественном сознании: черкесский взгляд // Северо-кавказский юридический вестник. №1. 2014. С. 37-46
31. Журтова А.А., Максимчик А.Н. Историография Российско-кавказских отношений в XVI – XIX в.: два подхода к осмыслению проблемы. Владикавказ. 2017.
32. Ингуши. Депортация, возвращение, реабилитация: 1994-2004: документы, материалы, комментарии // Авт.-сост. Я.С. Патиев. Магас. 2004.
33. Исаев С-А. *А.* Присоединение Чечни к России. Аграрная политика и народные движения в крае в XIX веке. Грозный. 2012.
34. История Дона и Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 года / По ред. Самариной, А.В. Щербины. Ростов-на-Дону. 2001 // URL:http://hist.ctl.cc.rsu.ru/Don_NC|XVI-XIXbeg/Koncepc_istoriogr.htm (Дата обращения: 14.07.2020)
35. История и историки. М.1995.
36. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца *XVIII* века. Отв. ред. В.Б. Питровский. М. 1988.
37. История народов Северного Кавказа (конец *XVIII – 1917 г.)*. Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М. 1988.

38. Карпов Ю.Ю. Леонид Иванович Лавров – ученый и гражданин // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках: Сборник статей к 100-летию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. СПб. 2010. С. 3-10
39. Кудрявцев А.В. Чеченцы в восстаниях и войнах XVII – XIX веков // Вестник Евразии. 1996. №1. С. 95-110
40. Кодзоев Н.Д. К вопросу о дате вхождения Ингушетии в состав России // 245 лет вхождения Ингушетии в состав России: время, события, люди / Материалы Всероссийской научной конференции 17 марта 2015 года. Назрань 2015. С. 16-39
41. Кокиев Г.А. Русско-кабардинские отношения в XVI –XVIII вв. // Вопросы истории. 1946. №10.
42. Кузьминов А.А. Черноус В.В. Два взгляда на проблему Российско-кавказских отношений в XVI – XIX веках или размышления о книге Журтова А.А. Максимчик А.Н. Историография российско-кавказских отношений в XVI – XIX в.: два подхода к осмыслению проблемы: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. 440 с. // Научная мысль Кавказа. 2018. №1. С. 7-14
43. Лапин В.В. Кавказская война // Кавказ и Россия – прошлое и настоящее. СПб. 2006.
44. Магарамов Ш.А. Присоединение Дагестана к России: традиционные и новые концепции изучения проблемы // Вестник института ИАЭ. 2013. №4. С. 5-9
45. Максимчик А.Н. Полемика вокруг присоединения Северного Кавказа к России в современной историографии // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып.5. Минск. 2010. С. 253-261
46. Вопросы истории и исторической науки Северного Кавказа и Дона // Материалы Всероссийской научной конференции 21-22 сентября 1978 года. Вып.2. Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. Грозный. 1980.
47. О нарушениях ленинской национальной политики КПСС в Чечено-Ингушской АССР // Письмо в Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза от группы коммунистов Чечено-Ингушской АССР /Справедливость (Нийсо). Бюллетень Чечено-Ингушского Народного Фронта содействия перестройке. №3 марта 1989 г.
48. Парова Л. Восстание ингушей 1858 года // Ингушетия и ингуши. Т.1. Назрань-Москва. 1999.
49. Письмо в ЦК КПСС «О судьбе ингушского народа». Февраль - ноябрь 1972 года // URL: http:// ghalghay.com›…письмо-в-цк-кпсс…судьбе-ингушского… (Дата обращения 30.07.2020)
50. Письмо в ЦК КПСС председателя Комитета Государственной Безопасности при Совете Министров СССР Андропова 27 декабря 1973 г. исх. №32/7-А //URL:https://www.sovsekretno.ru/articles/prikazano-ne-voroshit-istoriyu/ (Дата обращения 03.02.2020)
51. Потто В.А. Два века Терского казачества. Ставрополь. 1991.
52. Присоединение Чечни к России в 1859 году. Справка // URL: http:// ria.ru›20090613/173840349.html (Дата обращения 07.07.2020)
53. Республика Ингушетия. Историки уточнили дату добровольного вхождения Ингушетии в состав России за круглым столом // URL: http://www.regions.ru/news/1416787 (Дата обращения 4.07.2020)
54. Робакидзе А.И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Советская этнография. №2. 1978
55. Савельев А. Е. Новые подходы к определению термина «Кавказская война» в отечественной историографии // Актуальные вопросы истории, этнографии и антропологии. Материалы международной заочной научно-практической конференции 10 мая 2011 г. // URL: http://sibac.info (Дата обращения: 10.10.2019)
56. *Саитов В.* Мы выбрали правильный путь // *Газета «Сердало». От 2 марта 2004 г. №25 (9400)*
57. Сеидов И.М. Мехк-кхел (Совет страны) у нахов в прошлом // Кавказский этнографический сборник. Т.II. Очерки этнографии горной Ингушетии. Тбилиси. 1968.
58. Сеидов И.М. Общественный быт вайнахов XIX – нач. XX века. Автореф. дис… канд. ист. Н. Тбилиси. 1972
59. Тихонов В.В. История лоббирования руководством Кабардинской АССР 400-летия «добровольного присоединения к России» // Новейшая истории России. 2017. №4 (21), С. 107-114 // URL: http.: //doi.org/10.21638/11701/spbu24.2017.408 (Дата обращения 12.07.2020)

60. Тотоев Ф.В. Общественный строй Чечни (вторая половина XVIII – 40-е гг. XIX в.) Нальчик. 2009.
61. Трепавлов В.В. «Добровольное вхождение в состав России»: торжественные юбилеи и историческая действительность // Вопросы истории. 2007. №11. С. 155-163
62. Урушадзе А.Т. Помнить – нельзя – забыть. Кавказская война в исторической памяти адыгов и российском пространстве коммеморации // Политическая наука. 2018. №3. С. 129-156
63. Фадеев Р.А. Кавказская война. М. 2003.
64. Ходарковский М. В королевстве кривых зеркал (основы российской политики на Северном Кавказе до завоевательных войн XIX в.) // Чечня и Россия: общества и государства. М. 1999. С.20-37
65. Шнирельман В.А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке М. 2006 // Сага о добровольном вхождении // URL: http://mydocx.ru›2-81562.html (Дата обращения 09.01.2020)
66. Архивные источники
67. ГАРФ. Ф.730. Оп. 1. Д. 21. Л. 110.
68. РГИА. Ф. 547. Оп.1. Д. 986. Л.1.
69. РГАНИ. «Из письма представителей ингушского народа Н.С. Хрущеву с просьбой разрешить вернуться на родину». Ф. 5. Оп.31. Д. 56. Л. 12, 18-21
70. Нормативно-правовые акты
71. Постановление Народного Собрания Республики Ингушетия от 25 марта 2004 года №68 «О дате единения Ингушетии с Россией» // base.garant.ru›34301749/ (Дата обращения 29.07.2020)
72. Постановление Верховного совета Кабардино-Балкарской ССР N 977-XII-В. От 7 февраля 1992 г. «Об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в годы Русско-Кавказской войны» // URL:http:/ www.elot.ru/index.php?=com_content&task=view&idItemid=5 (Дата посещения 07.07.2020)
73. Об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в годы Русско-Кавказской войны: Постановление / Верховный совет Кабардино-Балкарской СССР. Нальчик. 1992 г. 7 февраля 1992 г. / URL:http:// www.elot.ru/index.php?=com_content&task=view&idItemid=5 (Дата посещения 07.07.2020)
74. Постановление жюри Правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник для 3 и 4-го классов средней школы по истории СССР //К изучению истории. М. 1946. С. 31-38
75. Постановление ВС СО АССР от 14 сентября 1990 г. о запрете прописки граждан, купли-продажи домов и другой собственности на праве личной собственности на территории республики // Справка Генпрокуратуры об обстоятельствах возникновения осетино-ингушского вооруженного конфликта, его развития и роли в нем федеральных органов власти и управления / URL: http: old.memo.ru›d/23201.html (Дата обращения: 13.01.2021)
76. Распоряжение Правительства Чеченской Республики от 31 июля 2008 года N 354-р «О проведении праздничных мероприятий, посвященных 420-й годовщине установления добрососедских отношений между Россией и Чечней» // URL:http: grozny-inform.ru›news/politic/8978/ (Дата обращения 6.07.2020)
77. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 года «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР» // URL: http://www.libussr.ru/ (Дата обращения 14.07.2020)
78. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1956 г. «О снятии ограничений по спецпереселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны»
79. Постановление №183 от 5 марта 1982 г. Совета Министров СССР «Об ограничении прописки граждан в Пригородном районе Северо-Осетинской АССР»
80. Указ №51 «О праздновании 240-летия добровольного вхождения Ингушетии в состав России от 10 марта 2008 г.// URL:http:// ingushetia.ru›document/011617/ ingushetia.ru›document/011617/ (Дата обращения 6.07.2020)

УДК 32:008.2; 323.22

ГОРОД КАК МЕМОРИАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ ВООРУЖЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Горюшина Е.М.

Аннотация. В статье приводится обзор ключевых работ по изучению городского пространства как мемориального ландшафта вооруженных действий. Фундаментальные исследования, раскрывающие сложность и многомерность коллективной памяти в условиях войн и конфликтов, относятся к продолжительным и значимым событиям XX в. – Первая мировая и Вторая мировая войны, которые все еще оказывают непосредственное влияние на формирование национальных нарративов памяти в странах-участниках сражений. Особое внимание уделяется тем научным работам, которые изучают городские пространства, подверженные разрушениям в результате недавних ближневосточных конфликтов – Бейруту и Хомсу. В условиях Кавказа рассмотрены те исследования, которые затрагивают мемориальный ландшафт Тбилиси и Грозного.

Ключевые слова: городское пространство, коммеморация, коллективная память, вооруженный конфликт, война, конфликт, коммеморативные практики, город, память

THE CITY AS A MEMORIAL LANDSCAPE OF ARMED ACTION

Goryushina E.M.

Abstract. The article provides an overview of key works on the study of urban space as a memorial landscape of military operations. Fundamental studies revealing the complexity and multidimensionality of collective memory in the context of wars and conflicts refer to long-term and significant events of the 20th century – The World War I and The World War II, which still have a direct impact on the national memory narratives formation in the participating countries. Particular attention is paid to those academic works exploring urban spaces that are prone to destruction as a result of the recent conflicts in the Middle East – Beirut and Homs. In the conditions of the Caucasus, those studies are considered that affect the memorial landscape of Tbilisi and Grozny.

Keywords: urban space, commemoration, collective memory, armed conflict, war, conflict, commemorative practices, city, memory

В последние десятилетие в отечественной науке активно развивается междисциплинарное направление, посвященное изучению городского пространства как мемориального ландшафта вооруженных действий [Горнова, 2020]; [Егоров, 2019]; [Бачков, 2017]; [Кринко, Хлынина, 2014]; [Стрельникова, 2011, 2012]; [Лапшов и др., 2011]. Большая часть этих исследований основана на теории «мест памяти» П. Нора [Нора, 1999], конфликтах идентичности и их представленности в городской культуре памяти. При этом зарубежные ученые пытаются переосмыслить влияние двух мировых войн на городской ландшафт и его архитектуру как способ отражения травматичной коллективной памяти. Подобная разница в методологическом восприятии является целью данной статьи – осуществить обзор ключевых зарубежных исследований по теме.

Особое внимание видению города как мемориального пространства вооруженных действий уделено профессором М. Конелли, который подверг сомнению идею о том, что Первая мировая война и ее долгосрочные последствия все еще воспринимаются британским обществом как бесполезная трата жизни [Conelly, 2002]. На основе детального рассмотрения городских районов Лондона с широким спектром религиозных, экономических и социальных отличий ученый показывает, как оставшиеся в живых смогли примириться с последствиями войны, для чего они создали свою собственную историю событий. Конелли относится к историкам-функционали-

стам [Смирнова, 2014], называвшим военные мемориалы Первой мировой войны конструкциями государственной манипуляции, целью которых является передача иллюзорного образа войны и «отвлечение внимания от критики британского социального и политического устройства послевоенных лет» [Смирнова, 2014, с. 96].

Отражение памяти о Второй мировой войне и ее последствиях нашло место в работе У. Блэкера [Blacker, 2019], специалиста в области современной польской, русской и украинской литературы и культуры, который также фокусируется на взаимосвязи городского пространства и культурной памяти. В частности, автор изучает проблему (вынужденного) перемещения миллионов людей по всей Восточной Европе в результате войн, депортаций и перекраивания государственных границ. Он обращает внимание на то, как перемещенные жители заполняли города и населенные пункты следами «чужой» культуры; эти беженцы придерживались официальной политики забвения, национальных нарративов о новых послевоенных режимах и увековечивания памяти победителей во Второй мировой войне. Блэкер обнаруживает, что только совсем недавно некогда «другое прошлое» было воспринято и учтено как часть местной культурной памяти. Поэтому он исследует официальные идеологии, народную память, литературу, фильмы, процессы увековечивания памяти в условиях развития туризма. Ученый убежден, что взаимосвязь между городским пространством, культурной памятью и идентичностью в Восточной Европе все чаще становится вопросом не только исключительно культурной политики, но также космополитизации памяти.

В своей работе «Текст о городе после катастроф: город, читающий в городе послевоенной Восточной и Центральной Европы» Блэкер обращается к проблеме памяти не только как составной части общественной жизни, но и как особенности ее функционирования в городском пространстве, актуализируя интерпретации коллективной памяти в условиях трансформации города [Blacker, 2020]. Сложность и многомерность этого явления он подчеркивает не столько в привычном для антрополога методологическом поле, сколько в литературоведческой практике: для него литературное поле действует как средство накопления источников памяти, несмотря на изменения городского ландшафта. Для города, как полагает исследователь, травматический опыт имеет особое значение, которое может быть отражено не только в процессе разрушения объектов архитектуры. Пример XX века и его масштабные войны свидетельствуют о различных случаях видоизменения воспоминаний в контексте трагического прошлого: Киев, Львов, Вроцлав, Калининград и ряд других городов во время Второй мировой войны претерпели трансформацию привычного городского ландшафта вплоть до полного разрушения. Они были восстановлены, но память о прошлом городском пространстве наряду с физической реконструкцией зданий и улиц была видоизменена или нивелирована.

По данной теме известны и другие работы, раскрывающие послевоенные особенности функционирования памяти в городском ландшафте: Ш. Кестелу [Kesteloot, 2012], утверждающая, что в населенных пунктах Бельгии с наибольшим демографическим ростом в период с 1918 по 1970 гг. память о войне приобретала индивидуальное, а вовсе не коллективное измерение; Ж.-Л.Коэн [Cohen, 2011], который проанализировал строительство сооружений для возвеличивания памяти о Второй мировой войне (работа рассчитана в большей степени на архитекторов и на историков архитектуры, но в любом случае призвана сохранить память о войне посредством архитектурных сооружений); группа исследователей из Уппсальского университета под руководством Э. Эльфверссон [Elfversson, Gusic, Höglund, 2019], которая основывается не только на послевоенной логике развития человечества, но и на особенностях городского пространства; исследователи А. Станичич и М. Сиякович [Staničić, Šijaković, 2019], утверждающие, что восстановление социальных отношений на фоне разрушенных или поврежденных зданий редко является предметом внимания специалистов при проектировании устойчивого городского пространства, пострадавшего в результате вооруженного конфликта или стихийного бедствия.

Память о недавних ближневосточных конфликтах и их последствиях отражена в исследованиях А. Савалха [Sawalha, 2010], К. Ларкина [Larkin, 2010] которые проводят реконструкцию памяти Бейрута в послевоенное время. Другой город в центре западной Сирии, административный центр одноимённой мухафазы Хомс, подвергается анализу в работе А. Аззуз [Azzouz, 2019].

Однако наиболее известное исследование последних двух десятилетий по этой теме принадлежит Р. Бевану «Разрушение памяти: архитектура на войне» [Bevan, 2007]. Автор задается вопросом о том, насколько нация способна идентифицировать себя через ландшафт и строения. Разрушенный купол мечети в Ираке, разбомблённые англиканские соборы в Британии времён Второй мировой, наконец, разрушенные в сентябре 2001 года Башни-близнецы – когда в ходе войны или иного конфликта страдают здания (настолько символически нагруженные) оказывается, что речь идёт о чём-то куда большем, чем просто разрушенная постройка. Беван полагает, что такого рода акты разрушения направлены на то, чтобы не просто сломить дух нации, но уничтожить её культурную память, а затем и её саму.

Автор извлекает из мировой истории те вооруженные конфликты и войны, в которых разрушение архитектурных памятников приобретало чрезвычайно крупный масштаб, начиная с разрушения Кортесом ацтекских городов и заканчивая ковровыми бомбардировками Дрездена и Токио во время Второй мировой, а также разрушениями в результате межэтнической войны в Югославии (1991-1995, 1998-1999 гг.). За разгромом зданий Беван видит войну культур и физический акт насилия, направленный на народ в целом. Ученый заявляет, что физический геноцид и культурный геноцид взаимосвязаны, поэтому он призывает включить последний в список преступлений, подлежащих наказанию по нормам международного права.

Беван полагает, что за формированием новой, равно как и за фальсификацией старой истории и национальной идентичности покоренных народов скрывается настоящая цель завоевателей – строительство сооружений, являющихся частью так называемой войны с архитектурой. Подобный вид войны вовсе не случаен, и, скорее всего, – обдуманная политика принудительного забвения.

Однако рассуждения о городском ландшафте как о пространстве вооруженного конфликта появились задолго до начала самой масштабной и кровопролитной войны в истории человечества XX века. Немецкий, а впоследствии американский психолог К. Левин внес значительный вклад в изучение восприятия и феноменологии поля битвы, или условного ландшафта войны. Ученый проводит различие между географической локацией и полем поведения человека, исследуя такие категории, как «граница», «зона» и «положение» (имеется в виду дислокация) с целью проверки жизненного пространства, состоящего из различных физических элементов и их атрибутов [Lewin, Blower, 2009].

Пройдя через Первую мировую войну, Левин тесно связал свою профессиональную деятельность с берлинской школой гештальт-психологии в 1920-х гг. Его часто называют отцом социальной психологии, которая легла в основу изучения исторической памяти и особенно антропологии войны и вооруженного конфликта.

Вернувшись туда, где Левин был во время войны, исследователь обнаруживает, что спустя время и уже после завершения активной фазы конфликта один и тот же ландшафт воспринимается совершенно по-другому. Уже здесь появляется идея психологического обоснования ландшафта во время войны и после нее: не существует исключительно одной физической местности для войны; локация может быть воспринята и интерпретирована в зависимости от индивидуальных особенностей воспринимающего (участника или очевидца насилия). Военные действия воссоздают происходящие события в одном ключе, а мирная жизнь может быть интерпретирована совершенно иным образом: Левин говорит, в частности, об особенностях ландшафта в условиях войны, пограничной зоне изучаемого поля военных действий, местах потенциальной опасности, оказывающих непосредственное влияние на восприятие ландшафта и его дальнейшую интерпретацию.

Несмотря на то, что многие исследователи сместили фокус внимания на современные вооруженные конфликты, Первая мировой война все еще продолжает формировать политическую культуру и коллективную память в странах-участниках. Ее влияние отражается в государственных праздниках, выражении национальной самобытности и отношении населения к войне и миру. Это, безусловно, относится к Австралии, где День АНЗАК (25 апреля) по-прежнему является культурным маркером в календаре. Официально День АНЗАК отмечался с 1916 года (в Новой Зеландии – с 1920 г.). Изначально дата включала день памяти австралийцев и новозеландцев, погибших в Первой мировой войне. После Второй мировой войны 25 апреля в Австралии и Новой Зеландии вспоминают своих граждан, погибших во всех войнах и военных конфликтах с участием этих стран.

Память о сражениях на Западном фронте и в Галлиполи на Дарденеллах со временем была закреплена в коммеморативных актах австралийцев [Hoffenberg, 2001]. По какой причине миф об АНЗАКе остался настолько символически устойчивым в коллективной памяти Австралии, в то время как общество подверглось значительным переменам? Проанализированные Хоффенбергом личные источники – дневники, письма, стихи и размышления военного времени – свидетельствуют о сильной связи военного опыта Австралии с широко распространенными идеями и образами австралийского пейзажа и коллективного прошлого. Чем больше писатели и создатели мифов описывали сражения и поля военных действий как взаимодополняющие, а иногда и зеркальные отражения ключевых австралийских достопримечательностей (таких, как необитаемая местность и залив Ботани), тем более значимым и доступным становился опыт войны [Reeves, 2015]. Не обладая собственной военной традицией, австралийцы осознали беспрецедентные ужасы Первой мировой войны, сравнив их с мифологизированными переживаниями миграции (очевидно, для закрепления их в коллективной памяти). Подобные национальные мифы не являются формами бегства от действительности, но они синтезируют опыт и воображение, объединяя не только население, но и позволяя интегрировать прошлое в современную культуру.

Если обратиться к Кавказу, то в последнюю декаду появляются комплексные исследования памяти в условиях постсоветского городского ландшафта Тбилиси (Грузия) [Коста, 2020]. Например, одной из примечательных работ по данной теме стало исследование К. Сторм «Нарративы гибкой памяти в физическом ландшафте: на примере города Тбилиси, Грузия» [Storm, 2019]. Автор полагает, что несмотря на все предпринимаемые меры постсоветской Грузии для освобождения места для национальных меньшинств в официальных нарративах идентичности после «Революции роз» в 2003 г., все последующие изменения в застраиваемом городском пространстве Тбилиси воплощают бессвязную концепцию «грузинскости» (термин Сторм). Исследователь убеждена, что хотя эти изменения и свидетельствуют о появлении определенных элементов гражданского общества, выстраивание нового Тбилиси носит преимущественно примордиалистский характер. После «Революции роз» 2003 г. М. Саакашвили в большей степени, чем его предшественники, начал активно преобразовывать архитектурное пространство на страновом уровне. Изменения отражали и пропагандировали определенные нарративы национальной идентичности, сосредотачиваясь в первую очередь на столице государства. Обращая особое внимание на развитие Тбилиси после 2003 г., автор выделяет три конкретных нарратива гибкой памяти, как оказавших наибольшее влияние с момента обретения независимости в 1991 г.: 1) иностранная агрессия и угнетение, 2) уникальность в древней истории страны, 3) возвращение Грузии на Запад. Эти нарративы наряду с другими нарративами общего происхождения, языка и веры, выборочно используются на практике органами власти Грузии таким образом, чтобы укрепить и узаконить положение титульной грузинской нации на территории многонационального государства. При этом немаловажным фактором является то, что в самом Тбилиси не сосредоточен нарратив о войне, так как в широком смысле война до сих пор ассоциируется с Великой Отечественной войной, принадлежащей советскому мемориальному пространству (парк Ваке как центральное место коммеморации с вечным огнем и ежегодными актами поминовения 9 мая). Впрочем, нарратив о Великой Отечественной войне с приходом Саакашвили к власти был подменен нарративом общеевропейского контекста – Второй мировой войной, как атрибутом приверженности европейского вектора развития страны.

Другим примером отражения конфликта в городском пространстве является город Грозный. В частности, В.Х. Тхакахов осуществил анализ карты города и её взаимосвязи с преобразованием символического пространства на Северном Кавказе. Автор считает, что современный Грозный представляет важнейшее пространство символической трансформации городской реальности в России. Существует определенная связь между изменениями городской топонимики и моделью новой чеченской идентичности. Грозный систематически теряет символы советской и коммунистической идентичности [Горюшина, 2020]. С точки зрения топонимики, нынешнее символическое пространство Грозного представляет собой симбиоз этнокультурных вайнахских символов (включая светские и религиозные), кавказские топонимов, этнонимов и урбанонимов; общероссийских символов, отражающих культурное наследие прошлого и, наконец, современных

российских политических и военных символов [Тхакахов, 2017].

Исследование городского пространства современного Грозного заставляет обратиться к пласту исследований, в которых фокус смещен на военную компоненту городского мемориального ландшафта. Так, в научном проекте, инициированном Лундским и Уппсальским университетами в 2017 г. и продолжающемся по настоящее время «Уязвимые города: предотвращение конфликтов в градостроительстве, восстановление городов и управление городским хозяйством» (Vulnerable Cities: Conflict Prevention in Urban Planning, Urban Regeneration & Urban Governance), центральное место отводится вооруженному конфликту как преимущественно городскому явлению. Шведские ученые рассматривают урбанистическое пространство в виде единого целого, где улицы – границы (фронтиры), площади – сосредоточение насилия, а соседние кварталы могут представлять собой места вражескую диспозицию, где террористические атаки затрагивают повседневную жизнь людей. Городские конфликты наподобие тех, что были в Сараево, Иерусалиме, Грозном, городская война на территории Ирака, особенно уличная война в сирийском Алеппо, в котором для хода войны были важны каждая улица и квартал, все четче оформляются в отдельное направление об урбанизации войны. При этом несмотря на значимость городского пространства для изучения вооруженного конфликта в отечественной и зарубежной литературе практически полностью отсутствуют многомерные исследования о том, как именно проявляются война и мир в городских условиях [Höglund, 2016].

Эти тезисы подтверждаются и другим анализом городской действительности, осуществленным бразильским исследовательским центром “Instituto Igarapé”. В его рамках Грозный находится в одном списке с другими городами, которым свойственно хроническое насилие: Абиджан, Багдад, Сьюдад-Хуарес, Газа, Гватемала, Кингстон, Наблус, Могадишо и Рио-де-Жанейро. Исследователи отталкиваются от того, что все эти города являются синонимами новой разновидности вооруженного конфликта и городского мемориального пространства.

В этом контексте следует выделить исследование Э. Хиллс о городских сражениях на улицах Грозного, которые она сравнивает по жестокости и последствиям со сталинградскими боями, отмечая сложность городских сражений в 1994-1995 гг., и одновременно подчеркивая уникальность грозненских боев для западной военной практики. С точки зрения Хиллс, штурм Грозного обнажил уязвимые места и тактические несовершенства федеральных войск. Она заключает: «…Грозный чрезвычайно важен как символ негативных итогов, которые последовали за окончанием военных действий – надо было избегать городских операций любой ценой» [Hills, 2004].

Анализ городского пространства Грозного как наиболее известного постсоветского символа вооруженных действий на Кавказе способствовало значительному расширению исследовательских рамок как для зарубежной военной отрасли, так и для отечественных разработок в области исторической памяти, требующей синтеза социальной психологии, антропологии, истории, политической науки и др.

Осуществленный обзор ключевых работ по данной теме позволяет определить многомерность города как мемориального пространства вооруженных действий.

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология» (17-18-01411) в 2021 г.

Литература

1. *Azzouz A.* A tale of a Syrian city at war: Destruction, resilience and memory in Homs // City. 2019. T. 23, N 1. C. 107-122.
2. *Bevan R.* The destruction of memory: Architecture at war. London: Reaktion books, 2007.
3. *Blacker U.* Post-catastrophic city text: the city reading in the city in the postwar East and Central Europe // City History, Culture, Society. 2020. N 8. C. 45-53.
4. *Blacker U.* Memory, the city and the legacy of World War II in East Central Europe: the ghosts of others. Routledge, 2019.
5. *Cohen J. L.* Architecture in uniform: Designing and building for the Second World War. Paris: Editions Hazan, 2011.

6. *Connelly M.* The great war, memory and ritual: commemoration in the City and East London, 1916-1939. Woodbridge: Boydell & Brewer, 2002.
7. *Elfversson E., Gusic I., Höglund K.* The spatiality of violence in post-war cities // Third World Thematics: A TWQ Journal. 2019. Т. 4, N 2-3. С. 81-93.
8. *Hills A.* Future war in cities: rethinking a liberal dilemma. United Kingdom: Psychology Press, 2004.
9. *Hoffenberg P. H.* Landscape, memory and the Australian war experience, 1915–18 // Journal of Contemporary History. 2001. Т. 36, N 1. С. 111-131.
10. *Höglund K. et al.* Armed conflict and space: exploring urban-rural patterns of violence // Spatializing Peace and Conflict. London: Palgrave Macmillan. 2016. С. 60-76.
11. *Larkin C.* Remaking Beirut: Contesting memory, space, and the urban imaginary of Lebanese youth // City & Community. 2010. Т. 9, N 4. С. 414-442.
12. *Lewin K.*, *Blower J.* The landscape of war // Art in translation. 2009. Т. 1, N 2. С. 199-209.
13. *Reeves K.* et al. (Eds.). Battlefield Events: Landscape, commemoration and heritage. Routledge, 2015.
14. *Sawalha A.* Reconstructing Beirut: memory and space in a postwar Arab city. Texas: University of Texas Press, 2010.
15. Staničić A., Šijaković M. (Re)building Spaces of Tolerance: A "Symbiotic Model" for the Post-War City Regeneration // Architecture and Culture. 2019. Т. 7, N 1. С. 113-128.
16. *Storm K.* Flexible memory narratives in the physical landscape: a case study of Tbilisi, Georgia // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 2019. Т. 27, N 2. С. 131-161.
17. *Бачков Е. А.* Жизнь горожан в экстремальных условиях войн XVI-XVIII вв. (на примере города Могилева) // Экстремальное в повседневной жизни населения России: региональный аспект (к 100-летию Русской революции 1917 г.). 2017. С. 187-193.
18. *Горнова Г. В.* Конфликты идентичности в коммеморативных практиках и городской культуре памяти // Визуальная антропология-2019. Город-университет: жизненное пространство и визуальная среда. 2020. С. 72-79.
19. *Горюшина Е.М.* Непримиримые нарративы «о другом»: изучение памяти о вооруженном конфликте в Чечне // Ideology and Politics Journal. 2020. N 2 (16). С. 279-302.
20. *Егоров В. А.* Этнополитические конфликты в разделенных городах // Конфликтология. 2019. Т. 14, N 1. С. 161-169.
21. *Коста А.Д.* Топонимия и проблемы памяти и идентичности в городском ландшафте постсоветского Тбилиси // Идеология и политика. 2020. N 1(15). С.2-26. doi: 10.36169/2227-6068.2020.01.00007
22. *Кринко Е. Ф., Хлынина Т. П.* Памятник на площади: жизнь в тени праздника // Современные проблемы сервиса и туризма. 2014. Т. 8, N 3. С.27-35.
23. *Лапшов В. С., Носков В.П., Рубцов И.В., Рудианов Н.А., Рябов А.В., Хрущев В.С.* Бой в городе. Боевые и обеспечивающие роботы в условиях урбанизированной территории // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2011. Т. 116, N 3. С.142-146.
24. *Нора П.* Проблематика мест памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17-50.
25. *Смирнова Т. А.* Особенности изучения исторической памяти и практик коммеморации Первой мировой войны в Великобритании 1918-1939 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 1, N 4. С.95-98.
26. *Стрельникова А. В.* «Места памяти» в городском пространстве // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2012. N 2(82). С.231-238.
27. *Стрельникова А. В.* Коллективная память в городском пространстве: места памяти об Афганской войне // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. N 6. С. 118-125.
28. *Тхакахов В. Х.* Карта города: символическая трансформация пространства на Северном Кавказе // Социологические исследования. 2017. Т. 5, N 5. С. 17-25.

ЯПОНЦ АРСКИЕВИЧ АБАДИЕВ − СИЛЬНЫЙ ДУХОМ СЫН ИНГУШСКОГО НАРОДА

Долгиева М. Б., Горчханова Л. З.

Аннотация. В статье рассматривается боевой путь отважного офицера Советской армии, первого командира 255-го отдельного Чечено-Ингушского кавалерийского полка – Японца Арскиевича Абадиева, чья жизнь является образцом мужества, стойкости и верности.

Ключевые слова: война, Победа, воины-ингуши, Сталинград, 255-й полк, мужество, награды.

YAPONS ARSKIEVICH ABADIEV - A STRONG-WILLED SON OF THE INGUSH PEOPLE

Resume: the article examines the combat path of a brave officer of the Soviet army, the first commander of the 255th separate Chechen-Ingush cavalry regiment - Japanese Arskievich Abadiev, whose life is an example of courage, stamina and loyalty.

Key words: war, Victory, Ingush warriors, Stalingrad, 255th regiment, courage, awards.

Прошло 75 лет со дня Победы в Великой Отечественной войне, а память возвращает нас к военным событиям тех лет, к тем, кто выстоял и победил в этой страшной войне, унесшей миллионы человеческих жизней.

Победа − это величайший подвиг тех, кто подарил нам мирную жизнь, а также преподал уроки мужества и высоты человеческого духа. Все народы Советского Союза встали на борьбу с фашизмом.

Огромный вклад в Великую победу внесли и представители Кавказа. Свою лепту в победу над врагом, безусловно, внесли и ингуши. Воины-ингуши воевали на всех фронтах Великой Отечественной войны, от Мурманска до Кавказа. Ингуши защищали Брест и Москву, сражались в Сталинградской битве, умирали от голода в блокадном Ленинграде, не давали прорваться противнику на Кавказ, участвовали в обороне Малгобека и т.д. Они являются для нас героями, их имена вписаны в историю страны.

Одним из таких был Абадиев Японц Арскиевич – герой Великой Отечественной войны. Он родился в 1906 году в селении Насыр-Корт в самой обычной крестьянской семье. С 1924 года началась военная служба Японца Арскиевича, именно с этого периода он служил в Красной армии. Чуть позже он поступил в Северокавказскую кавалерийскую школу горских национальностей им. С. М. Буденного. Интересная история была связана у Я. Абадиева с этим заведением. Дело в том, что в кавшколе Японц увидел плакат, где было написано: «Для советских курсантов дисциплина − основа достижения успеха». Позже сам Японц вспоминал, что: «Понял все, а что такое дисциплина − нет». Хотя, именно дисциплина сыграла основополагающую роль в его жизни. В 1930 г. Японца Абадиева направили командовать Ингушским кавалерийским эскадроном, дислоцировавшимся в г. Орджоникидзе. В этом же году Ингушским облисполкомом он награжден за добросовестную службу именным оружием − маузером.

Я.А. Абадиев гвардии подполковник, командир 255-го отдельного Чечено-Ингушского кавалерийского полка, командир 297 кавалерийского полка, 115 Кабардино-Балкарской дивизии

В период с 27 марта по 2 октября 1939 года Японц Абадиев возглавлял штаб 39-го кавалерийского полка Отдельной Кавалерийской бригады горских национальностей. В 1940 году он

уже в звании майора стал заместителем командира 107-го кавалерийского казачьего полка 12-й кавалерийской дивизии под Армавиром. По прибытию на фронт под Смоленском, Японц Абадиев был назначен заместителем командира 117-го тяжелого танкового полка. Государственный Комитет Обороны СССР стал формировать отдельные кавалерийские дивизии после тяжелых боев за Смоленск. Из танкового полка Японц Абадиев был отозван и назначен командиром 126-го полка 28-й кавалерийской дивизии, сформированной в г. Павлодар [1, с. 30].

Под руководством Японца Абадиева 126-й полк совершил стремительный рейд в район Сурск-Литовское и сумел остановить переправу через Днепр частей противника. За тяжелые днепровские бои он был награжден орденом «Красного Знамени». Безусловно, Японц заслужил эту награду, он действительно проявил себя мужественным и храбрым командиром. Начальник штаба 255-го Отдельного Чечено-Ингушского полка Мовлад Висаитов говорил о нем, как о человеке «безудержной храбрости, воли и решительности». Японц Абадиев был первым командиром 255-го Отдельного кавалерийского полка [2].

Майор Абадиев после 255-го полка командовал одним из полков 115-й Кабардино-Балкарской национальной дивизии, участвовавшей в обороне Сталинграда. 12 июня 1942 г. дивизия получает приказ выступить против 4-й танковой армии немцев. Позже Японц Абадиев вспоминал: «Этот бой, этот подвиг оценит только тот, кто видел это сражение-убийство своими глазами».

Возле станицы Константиновской было убито больше половины кавалеристов дивизии Японца, а сам Японц получил ранение и попал в госпиталь. Подлечился там, пробыл в резервных частях и даже успел прочитать лекции курсантам Военной академии им. Фрунзе и снова ушел на фронт [3, с. 350].

Вспоминая те ужасы войны, которые довелось испытать, Японц Абадиев рассказывал одну из самых трагических историй, дающих нам представление о масштабах сражений, и о силе человеческого характера. Кавдивизия под командованием Японца Абадиева на Курской дуге заняла оборону на одном из стратегических направлений. Но спустя какое-то время по телефону передали приказ отступать. Но Японц не поверил, так как очень часто диверсионная группа немцев присоединялась к полевому кабелю и давала ложные приказы от имени командования советских войск. На поле боя было 270 кавалеристов. Боеприпасов вовсе не осталось. Но Японц Абадиев не сдавался, он отдал приказ: «К лошадям!» Увидев всадников, фашисты остановились от удивления. Окружив их кольцом, немцы начали смеяться. Тогда Японц скомандовал разбиться поодиночке и прорываясь в промежутки между танками, атаковать веселящихся танкистов. Немцы этого не ожидали и были сражены наповал.

Когда они в составе 9-ти человек приехали в расположение отступившей дивизии, комдив приказал расстрелять Японца. И в этот период, до исполнения приговора подъехала «эмка», из которой вышел командующий армией К. Рокоссовский. Он приказал привести Абадиева и наградить героя орденом Ленина. Действительно, благодаря подвигу Японца удалось сдержать натиск противника в течение 4-х часов. Награду вручили через год после смерти Японца его сыну [4].

После окончания Великой Отечественной войны Японц Абадиев продолжил службу, где был командиром строительных батальонов, дислоцированных в городах Владимире, Рязани, Москве, Куйбышеве, в последнем из которых оставался жить вплоть до 1980-х годов. На кителе Японца − представительные награды: два ордена «Красного Знамени» и орден Отечественной войны. Дважды был представлен к высокому званию Героя Советского Союза, но в силу своей национальности не получил это звание.

Умер Японц Абадиев в 1985 году. Похоронили его под Насыр-Кортом, как и завещал, завернув в бурку. Пройдя самые тяжелые и кровавые битвы Великой Отечественной, Японц Абадиев показал себя мужественным, храбрым, воспитанным и сохраняющим душевное тепло человеком. Память об этом удивительном, честном, героическом человеке мы должны сохранить на всю жизнь и передать будущему поколению.

Литература и источники

1. Висаитов М. А. От Терека до Эльбы. Воспоминания бывшего командира гвардейского полка о боевом пути в годы Великой Отечественной войны. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1956. – 128 с.
2. Материал взят с сайта Государственного архива Республики Ингушетия. http://ingarchive.ru (Дата обращения: 13.12.2020 г., 15:10).
3. Мальсагов А. У. Ингуши в войнах России 19-20 гг. – М., 2012. – 350 с.
4. Информатор: Тибоева Маликат Даутовна, 1935 г. р., с. Майское.

НЕКОТОРЫЕ ШТРИХИ К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ АЛАНСКОЙ ЭТНИЧНОСТИ

Дударов А.-М. М.

Аннотация. В статье проводится, на основе анализа, критика заданного, еще с советского периода, благодаря политической конъюнктуре, вектора исследования истории кавказских алан сквозь призму ираноязычия. Говорится об игнорировании альтернативного, устоявшемуся в академической науке, взгляда ученой элиты кавказских национальных регионов на ряд спорных моментов в этих вопросах, в том числе и в вопросе отнесения аланов автохтонному нахскому этномассиву Центрального Кавказа.

Ключевые слова: яфетический мир, алановедение, Кавказ, алано-асская история, арийство, физический тип, политический запрос, панъевразийский суперэтнос.

Abstract. Based on the analysis, the article criticizes the vector of the study of the history of the Caucasian Alans through the prism of the Iranian language, which has been set since the Soviet period, thanks to the political conjuncture. It is said that the scientific elite of the Caucasian national regions ignores the alternative view, which is well-established in academic science, on a number of controversial points in these issues, including the question of attributing the Alans to the autochthonous Nakh ethnic group of the Central Caucasus.

Key words: japhetic world, Alanic studies, Caucasus, Alano-Assa history, Aryanism, physical type, political inquiry, pan-Eurasian superethnos.

В настоящее время накоплено огромное количество диссертаций, научных статей и монографий, посвященных аланской проблеме. Систематические научные изыскания данной проблематики начались в XX веке.

В этногенетической характеристике аланов, учитывая глубину их истории, в дореволюционной и советской историографии исследователи основное внимание уделяли археологическим и лингвистическим аспектам проблемы. Так, львиная доля исследований проводилась в области археологии. Реконструкция геополитической истории в контексте поздних кочевников «Великой Степи» привела к одностороннему прочтению истории аланов, к сложению восточноиранского кочевниковедения. Абсолютизация и придание исключительности данному подходу, вкупе с согласованностью политической конъюнктурой уже советского времени, надолго законсервировало в однообразной схеме научную мысль по проблеме алановедения.

Хотя многие исследователи XIX в. с осторожностью относились к вопросу этногенетического отнесения аланов к той или иной лингвистической группе языков, постепенно, с начала XX в., подавляющее значение приобрела концепция принадлежности сарматов и аланов к ираноязычному миру кочевников разных регионов Восточной Европы.

Не имея в древней хронике прямых сведений и, соответственно, не находя стойкой базы в вопросах отнесения аланов и сарматов к тем или иным этнолингвистическим группам, притягивая ираноязычие на место сугубо кавказско-предкавказского яфетического мира, где проживали десятки и более различных племен/народов, лишь часть из которых вела кочевой/полукочевой образ жизни, а другая – оседлый, сторонники ираноязычия алан и сарматов манипулировали (и сегодня продолжают манипулировать) фактами, относя древность сугубо кавказских племен то к ирано-, то к тюркоязычному кочевому миру.

Данные фальсификации происходят несмотря на мнение большей части ученых (на основании греко-римских источников) о том, что на рубеже двух эр на Северном Кавказе и в Предкавказье не наблюдается серьезных изменений этнического плана, [14:1985, с. 90] в том числе и в плане привнесения или же присутствия ираноязычного элемента здесь. Таким образом, «кроме разных толкований этнонимов *овс/ас* и *алан*, в основном неубедительных, нет каких-либо доказательств наличия в это время в предгорной зоне

Центрального Предкавказья… ираноязычного населения». [3:1984, с. 81]

Для изучения этнического состава населения Древнего Кавказа, в том числе и аланов, необходимо исходить с позиций научной объективности и непредвзятости. К сожалению, вопрос этот из чисто научной, за последние сто с лишним лет, перенесен в политическую плоскость. В основном это касается тех исследователей, которые стараются безосновательно всецело приписать алано-асскую историю одному из северокавказских народов – современным осетинам (не путать со средневековыми кавказскими овсами). При помощи приобретения «аланской идентичности» «она помогает» самым ярым поборникам ираноязычия аланов (впрочем, как и сарматов – *Авт*.) – осетинским интеллектуалам, «гордиться предками-завоевателями, принесшими на Северный Кавказ высокую культуру и создавшими там древнейшую государственность, которую осетины считают своим историческим наследием». Представляя свое положение, как морально разлагающееся и упадочное, решая хоть как-то компенсировать глобальные потери в языке и традиционной культуре, осетины с жадностью принялись искать свои древние корни, что возвращало им их исконных богов и героев и позволяло обращаться к моральным заветам древних предков, неизменно оказывающихся «арийцами» (аланами). [22:2015, с. 403]

В новейшей истории такой порядок вещей особенно появляется после развала СССР, ибо коммунистический режим не поощрял арийство, в связи с огромными потерями во время второй мировой войны, что в свою очередь не допускало «заигрываний» в вопросах подобного родства в научных кругах. Т.о. в советскую эпоху арийская основа в алановедении практически исчезает, или проявляется в завуалированной форме (Кокиев Г. А. [8:1944], Крупнов Е. И. [9:1947], Струве В. В. [17:1947], Тотоев М. С. [18:1967], Чомаев К. И. [21:1972], Читая Г. С. [20:1955], Пиотровский Б. Б. [15:1944], Скитский Б. В. [16:1944]).

Однако, при малейшем изменении политического курса в стране, последователи теории ираноязычия алан использовали любую возможность продвижения своей генеральной идеи. Так, после депортации кавказских народов В. И. Абаев, посетив в 1944 г. Сванетию и в 1945 г. Абхазию, вдруг находит много свано-осетинских лексических параллелей (при этом идет полное игнорирование сообщения Л. Мровели о нахском происхождении сванов), благодаря которым он переносит границы домонгольского периода осетин (дигорцев) до Сванетии и помещает центр Алании в верховья реки Кубани, размещая предков осетин на землях карачаевского и балкарского народов (отюреченных кавказских яфетических племен). И делается подобное «открытие», совершенно не упоминая карачаево-балкарский этнос, находящийся в депортации, хотя, как мы выше отметили, эти народы являются отюреченными аборигенами Кавказа.

Так по мнению Е. П. Алексеевой, «по своему физическому типу карачаевцы и балкарцы принадлежат к кавкасионскому варианту европеоидной расы, то есть к числу горцев, населяющих наиболее высокогорные районы, где и господствовала кобанская культура». [2:1963, с. 7] Благом для подобных абаевских исследований того времени послужило то, что вопрос с ними был решен бесчеловечным выселением этих народов с Кавказа. [1:1949, с. 291-308; 309-322] Интересно то, что после возвращения из депортации карачаево-балкарцев, в годы осуждения сталинизма, тот же В.И. Абаев исправляет свою «оплошность»: он неожиданно для многих кавказоведов делает полный разворот от прежнего своего «открытия» и находит «в языке карачаевцев и балкарцев… самый древний пласт – следы языка, на котором говорили племена, носители кобанской культуры». [2:1963, с. 8].

В наше время возникают новые проблемы для теоретиков ираноязычности аланов в кавказоведении. Так, в «условиях затяжного конфликта с грузинами на юге и с ингушами на востоке осетины нуждаются в образе воинственных и победоносных предков, помогающем им крепить солидарность и верить в грядущую победу над всеми своими врагами». [22:2015, с. 403]

Таким образом, кавказоведение в общем, и алановедение, в частности, ставится на службу политическим запросам осетинской науки нового времени. Подобная практика исследований, как ни странно, не получала должного критического внимания академической науки в советский период, соответственно, беспристрастности в подходах к исследованию аланской темы мы не видим и сегодня. Так, Туаллагов А.А из плеяды современных осетиноалановедов пишет, что «представители “нового направления” (имеется в виду ингушские и чеченские ученые – *Авт*.),

видимо, опираясь на наблюдения специалистов о собирательном характере термина “алан” в ряде нарративных источников, устранились от необходимого анализа сведений отдельно взятых источников…». [19:2014] Данный выпад скорее относится к самому автору и большей части других сторонников ираноязычности алан, в работах которых явно проглядывается устранение от того же анализа не только отдельных источников, но и большей части современных научных трудов. В том числе и устранение от таких высказываний раннесредневекового автора, что этноним «аланы» данный народ получил от гор. [12:1947]

Стоит отметить, что данной научной болезнью страдают и исследования русских авторов, которые, подчеркивая принадлежность аланов к арийству, тем самым «выявляют» общий с ними этнический корень и у славянских племен. Так Н.Н. Лысенко в своем объемном труде [11:209, с. 322] представляет аланов «панъевразийским суперэтносом» с «общеаланской идентичностью», а также «северной арийской цитаделью», ну и, разумеется, «пассионариями своего времени», из области «эпохообразующих наций». При этом он конструирует «кочевые империи», постулируя в современном периоде этнополитическую ответственность аланов и славян за Восточную Европу. Таким образом, русский народ оказывается главным геополитическим преемником «великой исторической миссии асов-аланов» как и современные осетины. [22:2015, с. 403]

Удивительно, что в исследованиях истории Аланского царства, значительная часть ученых практически не оставляет места для автохтонных народов Кавказа, имевших, надо сказать свои протоаланские государственные образования. Игнорируется такая существенная деталь, как расположение центральной части Кавказской Алании на территориях проживания нахского этноса, имеющего свою неповторимую материальную культуру (кобанскую – в античности, а также башенно-храмовую архитектуру средневековья). Игнорируется тот факт, что на территории проживания нахов не раз возникали и исчезали древние политические образования – Махли/Махелония (III – II вв. до н. э.), проходящая в грузинских древних источниках как Дзурдзукетия; Хон (III – IV вв. н. э.); Цанария (VII в. н.э. - ?); Алания (конец IX – 30-е годы XIII в.) Хотя, к примеру, на нахской основе страна Махелония этимологизируется как Солнечная Алания (*мах* – солнце, *ала* – алан, *н* – суффикс принадлежности род. п. в нахских языках).

Одним из доказательств алано-кавказской этнолингвистической общности, сделанных Е. П. Алексеевой на основе археологического материала Карачая, «связь и преемственность археологических культур – кобанской и аланской», которая «наблюдается не только в устройстве могильного сооружения, но и в инвентаре – вещи кобанского времени часто сходны с вещами средневековой аланской эпохи». [2:1963, с. 7] «Связь кобанского периода с последующими эпохами прослеживается не только на археологическом материале», но и на языковом». [4:1980]

Альтернативный, устоявшемуся в академической науке подходу, взгляд ученых национальных кавказских регионов, критикующих частичные сходства археологических элементов «кобанской» и «аланской» эпох, или наличие кавказского субстратного слоя в языке и культуре сарматов, аланов, двалов, овсов, к сожалению, либо игнорируются, либо подвергаются язвительной, уничижительной критике, граничащей с утратой чувства научного достоинства.

Известно, что один из маркеров этничности – язык, с течением времени и исторических особенностей жизни народа в тот или иной период может теряться, либо заменяется другой языковой основой. Языковые границы мобильны, в историческом прошлом человек мог изъясняться на нескольких языках, как правило сопредельных народов. Точно также, если люди изъясняются на одном языке, это еще не означает их этническое родство. Именно поэтому, часть тюркоязычных народов Северного Кавказа практически ничем не отличаются в антропологическом плане от других автохтонов данного региона. «По своему физическому типу карачаевцы и балкарцы принадлежат к кавкасионскому варианту европеоидной расы, то есть к числу горцев, населяющих наиболее высокогорные районы, где и господствовала кобанская культура, – утверждает Е. П. Алексеева. В языке карачаевцев и балкарцев В. И. Абаев проследил самый древний пласт – следы языка, на котором говорили племена, носители кобанской культуры». [2:1963, с. 8] Как мы выше отмечали, случилось подобное открытие в исследовании ученого уже после возвращения карачаево-балкарцев из депортации – взаимосвязь науки и политики в данном случае весьма наглядна.

Нельзя сбрасывать со счетов версию «о нахоязычности алан и, соответственно, их (аланов – *Авт*.) кавказском аборигенном происхождении и преемственности от племен кобанской культуры». [7:2016, с. 3] Нельзя исключать из наследственного аланского круга отуреченных, но имеющих кавказское культурное и антропологическое родство – карачаевцев, балкарцев и, возможно, даже кумыков.

Изучение истории средневековых кавказских аланов непосредственно лежит в русле научных изысканий по древней этнической карте и археологических культур Кавказа и прилегающих к нему обширных территорий. Есть немало письменных источников об этом народе в китайских, греческих, латинских, грузинских, армянских, арабских, персидских источниках.

Практически почти все источники в той или иной форме связывают алан с Кавказом, или же с областями вокруг него, прилегающими к нему полностью или частично: Предкавказьем, Причерноморьем, Подоньем, вокруг Каспийского моря, Поволжьем и т.д. Все рассматриваемые территории – ойкумена полного или частичного (разнопериодно) распространения кавказских яфетических лингвистических групп, т. е. нахских и родственных им других народов Кавказа, входящих в иберийско-кавказскую языковую семью: нахские, дагестанские, абхазо-адыгские и картвельские языки, [6:1978] имеющие, по Л. Мровели (грузинский историк, епископ XI в.), общее происхождение от Торгома / Таргамоса. [13:1979, с. 22]

Таким образом, заданный в советский-постсоветский период вектор исследования истории кавказских алан сквозь призму ираноязычия, обретший благодаря политической конъюнктуре в настоящее время форму догмата, не только не соответствуют основному принципу научного изыскания – объективности, но и создают нездоровую почву в научном мире, и, как следствие, в общественной среде.

Литература

1. *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М. – Л. АН СССР. 1949. Ч. 1.
2. *Алексеева Е. П.* Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. Черкесс, 1963.
3. *Арсанукаев Р.* Вайнахи и аланы. Аланы в раннесредневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный 1984.
4. *Вагапов Я. С.* Некоторые нахские топонимы и этнонимы с корнем А. (Этимологические заметки) // Вопросы вайнахской лексики. Грозный, 1980.
5. *Гаглойты Ю. С.* Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966.
6. *Исаев М. И.* О языках народов СССР. 1978 г.
7. *Кодзоев Н. Д.* Краткий очерк истории алан. Магас, 2016. *Кокиев Г. А*. Об одной фашистской фальсификации истории осетин. // Исторический журнал. 1944, №2-3.
8. *Кокиев Г. А*. Об одной фашистской фальсификации истории осетин. // Исторический журнал. 1944, №2-3.
9. *Крупнов Е. И.* Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. Нальчик: Кабгосиздат, 1947
10. *Крупнов Е. И.* О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный Чечено-Ингушское книжное издательство. 1961.
11. *Лысенко Н. Н.* 2009. Аланы против великих империй (Северные арийцы в системе геополитического противостояния Парфия-Рим). СПб.: Фонд Азии и Северного Кавказа «Ариана».
12. *Марцеллин Аммиан.* История. // Латышев В. В. История древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, №3.
13. *Мровели Леонти.* Жизнь картлийских царей. М., 1979.
14. *Наглер А. О., Чипирова Л. А.* К вопросу о развитии хозяйственных типов в древних обществах // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985.
15. *Пиотровский Б. Б.* Страницы моей жизни. СПб.: Наука, 1995.
16. *Скитский Б. В.* Из прошлого города Дзауджикау. // Социалистическая Осетия. 1944. 19 марта (№55).
17. *Струве В. В.* Арийская проблема. // Советская этнография. М.-Л.: АН СССР, 1947. Вып. 6-7.
18. *Тотоев М. С.* Выступление. // Происхождение осетинского народа // Под ред Х. С. Черджиева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство. 1967.

19. Туаллагов А.А. *Ингушская Алания и ингуши-аланы (от реальности к мифу и от мифа к реальности) //http://kvkz.ru/ Дата обращения 12.04.2014*.
20. *Читая Г. С.* О задачах кавказской советской этнографии. // Труды Института истории им. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР. 1955. Т. 1.
21. *Чомаев К. И.* О природе этнических предубеждений. // Вопросы национальной психологии / Под ред. С. М. Арутюняна. Черкесск: Карачаево-Черкесская областная типография, 1972.
22. *Шнирельман В. А.* Арийский миф в современном мире. Новое литературное обозрение. Москва; 2015.

УДК: 72.033

БОЕВЫЕ БАШНИ ИНГУШЕТИИ

Кариева Ф.А.

Аннотация. В статье описываются объекты культурного наследия горной Ингушетии – боевые башни со ступенчато-пирамидальной кровлей, дошедшие до настоящего времени в первозданном виде, но находящиеся под угрозой полного разрушения.

Annotation. The article describes the objects of the cultural heritage of mountainous Ingushetia - battle towers with a stepped pyramidal roof, which have survived to this day in their original form, but are under the threat of complete destruction.

Ключевые слова: ингушские зодчие, боевые башни, Ингушетия, ступенчато-пирамидальная крыша, каменное зодчество, реставрация.

Key words: Ingush architects, battle towers, Ingushetia, stepped pyramidal roof, stone architecture, restoration.

Боевые башни горной части Ингушетии со ступенчато-пирамидальной кровлей с конусообразным замковым камнем, дошедшие до нас в аутентичном виде, находятся на грани полного разрушения и безвозвратной потери. Этим обстоятельством подтверждается актуальность для исторической науки указанной проблемы.

В данной работе автор попытался показать величие и уникальность боевых башен, являющихся наиболее совершенными в архитектурном и техническом отношении сооружениями средневековой Ингушетии, обратить внимание на их крайне критическое состояние.

Уникальность боевых пирамидальных башен Ингушетии, оригинальность их архитектуры, высокое мастерство ингушских зодчих признавали такие крупные ученые, как выдающийся советский археолог и кавказовед Е.И. Крупнов [2], российский исследователь Кавказа Аркадий Гольдштейн [1], известный археолог, ученик Е.И. Крупнова М.Б. Мужухоев [4], ингушский археолог, этнограф, историк-кавказовед Дж.Ю. Чахкиев [5], и мн. др. «Ингушские боевые баши «воув» являются в подлинном смысле вершиной архитектурного и строительного мастерства древнего населения края. Они поражают простотой формы, монументальностью и строгим изяществом. Боевые башни Чечено-Ингушетии – высокие образцы техники и строительного искусства того времени. Несколько перефразируя Константина Симонова (Симонов К. Самолеты над башнями. «Правда», 3.VIII 1969 г. – К.Ф.), высоко оценившего сванские башни, можно сказать, что ингушские башни для своего времени были подлинным чудом человеческого гения, как для нашего столетия новые шаги человека в небо. Особенно величественны башни с пирамидально-ступенчатой крышей. Соотношением высоты и основания (10:1) ингушские башни резко отличаются от других кавказских башен» [2, с. 88].

«Поразительны оригинальность архитектуры и необычайно высокое мастерство средневековых строителей в этом глухом горном краю, почти не имевшем общения с внешним миром. Особенного искусства достигли ингушские зодчие. Это, очевидно, связано с более высокой в те времена материальной обеспеченностью ингушей, которая, в свою очередь, являлась следствием лучших природных условий занимаемых ими мест. Действительно, для развития культуры, в том числе эстетической, нужен соответствующий уровень жизни – хотя, конечно, уровень культуры не всегда и не обязательно пропорционален ему» [1, с. 247].

Аркадий Гольдштейн в издании «Башни в горах» говорит о том, что основными типами монументальных сооружений в горах центрального Кавказа являются жилые башни, боевые башни, гробницы и святилища, и что в Ингушетии выработался единый стиль архитектуры данных сооружений, для которых характерны компактность и лаконичность объема, сужающийся кверху силуэт, квадратный или прямоугольный план, каменная гребенчато-ступенчатая крыша, известковая обмазка с желтой покраской фасадов. «По производимому впечатлению эта архитектура представляется какой-то зловещей, что соответ-

ствует породившей ее духовной среде средневековья; в особенности это впечатление свойственно гробницам, о которых В.И. Марковин в своей работе пишет: «Честно говоря, становится как-то не по себе от их засилья, от их величественной холодности» [1, с. 247].

Архитектурные комплексы представлены разнообразием объектов. Ещё в прошлом веке советский археолог Л.П. Семёнов памятники Джейрахского района классифицировал на следующие группы:

1) памятники оборонительного характера: башни, замки, стоянки;

2) памятники религиозного характера: столпообразные святилища, храмы;

3) памятники погребального характера: памятные плиты и столбы, надземные и полуподземные склепы, пещерные погребения, подземные погребения [3, с. 5].

«Типичной особенностью каждого горного ингушского селения являются старинные многоэтажные башни – жилые и боевые. Благодаря своей значительной высоте, они бывают видны невооруженным взглядом на большом расстоянии; башни то группируются в селении, то бывают расположены в одиночку в его окрестностях, на возвышенных пунктах, имеющих стратегическое значение» [3, с. 6].

Далее Л.П. Семенов, рассказывая про башни, говорит: «Сложены они весьма искусно из дикого или грубо-тесанного камня, на извести. Стены покрыты снаружи облицовкой желтого цвета, кверху они суживаются. Основание башен прямоугольное (с равными и неравными сторонами). Кровля их различного рода; у жилых, более низкая, плоская; у боевых, высота которых достигает 25 метров, троякого рода: 1) плоская, с барьером, 2) плоская, с зубцами на углах, увенчанных иногда конусообразными камнями (Цори), 3) пирамидальная ступенчатая, с конусообразным замковым камнем (Джерах, Лежг, Эрзи, Салги, Хани, Лейлаг, Пуй, Таргим); обычное число ступеней кровли башен 13. В стенах башни устроены лазы, окна и узкие, несимметрично расположенные, бойницы. Нередко верхние окна башен бывают защищены навесными бойницами (машикули). На боевых башнях встречаются углубления в виде крестов (Хани, Таргим, Эгикал)» [3, с. 6].

По техническому состоянию на сегодняшний день объекты культурного наследия можно подразделить на следующие группы:

- крайне руинированные;

- руинированные постройки с сохранением основания и возможностью определения габаритов и первоначальных объемов;

- разрушенные и крайне аварийные постройки;

- частично разрушенные постройки;

- постройки в удовлетворительном состоянии.

Боевых башен, с сохранившимися на всю высоту ступенчато-пирамидальными крышами выявлено сорок один объект в следующих архитектурных комплексах:

1) В Джейраховском ущелье (ущелье Армхи): «Джейрах» - 1, «Ляжги» - 2, «Морч» - 1, «Хьамишки» - 2, «Эрзи» - 8;

2) В Чулхойском (Салгинском) ущелье: «Лялах» - 1, Хяни – 2, «Салги» - 1;

3) В Тумгойском ущелье: «Г1аппи» - 1;

4) В Галгаевском ущелье: «Эгикал» - 1, «Средний Озиг» - 1, «Нижний Озиг» - 1, «Верхний Лейми» - 1, «Нижний Кхарт» - 1;

5) В Горной Ассинской (Таргимской) котловине: «Таргим» - 4, «Хамхи» - 2;

6) В Цорей-Ламском горном перевале: «Меллер» - 1, «Керби» - 1, «Ний» - 4, «Пялинг» - 3;

7) В Гулойхийском ущелье: «Нижний Пуй» - 1, «Оздите» - 1.

Однако в позднем средневековье их было значительно больше. Так, например, Дж. Ю. Чахкиев в работе «Древности горной Ингушетии» описывает около полутора сотен разнокровельных, боевых башен различной степени сохранности [5].

Состояние сохранившихся объектов можно оценить в условно принятых границах от «удовлетворительного» до «крайне критического». К последним, например, относятся боевые башни архитектурных комплексов «Ний», «Таргим», «Меллер», «Г1аппи», «Лялах», «Нижний Пуй», «Пялинг», которые представляют серьезную угрозу разрушения и нуждаются в срочных, безотлагательных противоаварийных работах. Лучшей сохранностью обладают объекты, расположенные в труднодоступных местах, за многими из них мы имеем возможность наблюдать из-за своевременно проведенных реставрационных и восстановительных работ.

Архитектурный комплекс «Нижний Джейрах» легкодоступный, боевая башня расположена в восточной части сельского поселения с развитой дорожной сетью.

«Ляжги» расположен восточнее «Меллери», в комплексе сохранились две боевые башни. В поселке особо выделяется очень красивая 30-метровая 6-этажная боевая башня Хутиевых, имеющая квадратное основание, каменные навесные машикули-балкончики и пирамидально-ступенчатую крышу (13 сланцевых плит с венчающим крупным конусовидным камнем). Особенность конструкции этой башни – наличие четырехстороннего каменного ложного свода с гуртами не только на втором и шестом этажах, но дополнительно и на третьем. Это очень редкое явление для местной архитектуры» [5, с. 34]. Процесс реставрации второй боевой башни был начат Харсиевыми в 2006 году и завершен в 2010 году, тем самым положив начало реставрационным работам в горной Ингушетии.

В 1,2 км северо-восточнее «Ляжги», на отроге Столовой горы расположен живописный комплекс «Морч», на боевой башне которого были проведены восстановительные работы в 2013 году.

«Хьамишки» расположен в 600 метрах южнее «Морч», в комплексе находятся две отреставрированные боевые башни.

«Эрзи», один из крупнейших башенных поселков горной Ингушетии, возвышается на правом берегу реки Армхи в 900 метрах юго-восточнее «Хьамишк». В 2012-2015 гг. на комплексе были проведены реставрационные работы.

«Лялах», «Хяни», «Салги» расположены в небольшом Чулхойском (Салгинском) ущелье. «Лялах» – башенный поселок замкового типа находится в 600 м северо-восточнее «Хяни». Лялах состоит из трех сохранившихся замковых комплексов, которые включают в себя одну поврежденную и две сохранившиеся боевые башни. В «Салги» сохранились две боевые башни.

«Г1аппи» – башенный поселок замкового типа у вершины горного хребта, который возвышается над речкой Кяхк-Хи, в ущелье Мужиг, граничащим с Тумгойским ущельем, в нескольких километрах от границы с Грузией. Состоит из хорошо сохранившейся пятиэтажной боевой башни, шести полуразрушенных жилых башенных строений, объединенных посредством протяженной каменной оборонительной стены в единый замковый комплекс. От поселка раскрывается изумительная панорама на окрестности: горы Гайкомд (Цей-Лоам), виден вход в Ассинское ущелье, река Асса и расположенный на нем поселок Таргим. Также в зоне видимости поселки Цоли, Някист, Галушпи, Каштын, Кост, Гериты и Кяхк Нижний. С утра в хорошую погоду Гаппи отлично виден с Цей-Ламского перевала [7].

«Эгикал» – крупный башенный поселок на отроге горы Цей-Лоам, представлен множеством исторических объектов: боевые, жилые и полубоевые башни, разнотипные могильники, ядрообразный мавзолей, святилища. Также на территории Эгикала найдены остатки мегалитических циклопических жилищ, датируемых многими исследователями II-I тыс. до нашей эры. Многие башни украшены разнотипными петроглифами, рисунками, на объектах можно увидеть оттиски ладоней мастеров-строителей. Из всех боевых башен в полную высоту сохранилась лишь одна.

«Таргим» и «Хамхи», расположены в центре Таргимской котловины, и наряду с «Эрзи» и «Эгикал» являются самыми часто посещаемыми комплексами. На шести объектах «Хамхи» (2 боевые, 2 полубоевые, 1 жилая башни и одно святилище, сохранившие большой строительный объем) в 2016 году проведены противоаварийные и ремонтно-реставрационные работы. В «Таргиме» на всю высоту сохранились четыре боевые башни, которые находятся в отдельных замковых комплексах, все они имеют навесные каменные машикули-балкончики, пирамидально-ступенчатое покрытие и достигают в высоту 22-27 метров.

Архитектурный комплекс Лейми расположен на отроге Северного Кавказского хребта (Цей-Лоам), в Галгаевском ущелье, в 0,8 км северо-восточнее поселения Ког. Боевая башня комплекса в удовлетворительном состоянии.

«Нижний Кхарт» располагается в окружении горных вершин, в 1,7 км юго-западнее «Лейми», 30-метровая боевая башня комплекса является, в своем роде, уникальным объектом культурного наследия республики. Высота над уровнем моря – 1600 м.

«Пялинг», «Ний», «Меллер», «Керби» расположены в Цорей-Ламском горном перевале. Состояние боевых башен комплексов крайне критическое. На объектах комплекса «Ний» разрушены углы башни, наблюдаются увеличение степени разрушения стен, большие пробоины, выпадение камней, отслоение раствора. В «Пялинге», «Меллер» по фасадам башен проходят вертикальные трещины от основания до самого верха, имеются выпадения как отдельных камней, так и частей кладки. В «Керби» имеются повреждения кровли башни.

«Нижний Пуй» известен тем, что там находится самая высокая боевая башня горной Ингушетии, на жилых башнях сохранилось много петроглифов.

Доктор исторических наук археолог Мужухоев М.Б. описывает боевые пирамидальные башни следующим образом: «…. они, несомненно, являют собой образец умения мастеров-строителей дать не только достаточно надежный для обороны архитектурный вид, но и придать ему по-настоящему зрелищную красоту. Распространенное число этажей боевых башен пять. Однако встречаются и постройки в шесть этажей (например, пирамидальная башня средневекового поселения Пуй горной Ассиновской котловины). Каждый из этажей оборонительных сооружений с самого начала нес свои четко разграниченные функции…» [4, с. 29]**.**

Венцом оборонительного сооружения по оригинальности устройства основных боевых точек, несомненно, является пятый этаж. Кроме того, он был и главным обзорным пунктом [4, с. 30].

Мужухоев М.Б. обращает внимание на мастеров-строителей ингушских башен. «Вопрос о строителях ингушских башен нашел свое правильное разрешение лишь в работах исследователей 20 – 30-х годов текущего столетия (XX столетия – К.Ф.). По мнению Л.П. Семенова (Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в горной Ингушетии в 1925-1932 годах. Грозный, 1963. ,с.153 – К.Ф) и И.П. Щеблыкина (Щеблыкин И.П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры // ИИ НИИК. Вып. 1. Орджоникидзе, 1928., с.280 –К.Ф), ими являются горцы, и сейчас проживающие в местах распространения этих оборонительных сооружений, т.е. сами ингуши. Подобное заключение вполне правомерно» [4, с. 34].

«Как неоднократно отмечалось целым рядом исследователей Северного Кавказа, в Ингушетии были известные фамилии и мастера, славившиеся строительством башен и других памятников средневековой архитектуры не только у себя в крае, но и за его пределами. Так, в Джейраховском и Ассиновском ущельях хорошо были известны такие мастера, как Янда [3], Дуго Ахриев и Хазби Цуров [7], фамилия Барханоевых из селения Бархин и другие [4, с. 34].

Исследования показывают, что Ингушетия, и особенно ее горная Ассиновская котловина, сохранила по сей день значительное число средневековых башен. Несомненно, на всем Северном Кавказе, а также пограничных с ней районах Закавказья нет такого места, где бы их было так много. Наиболее распространенным типом оборонительных сооружений Ингушетии являются башни с пирамидальным покрытием. Они сравнительно выгодно выделяются среди всех других аналогичных построек соседних народов своей высотой и строгой пропорциональностью, придающими им истинную красоту и изящество, что говорит о высоком мастерстве их строителей.

«Ступенчато-пирамидальное перекрытие боевых башен не характерно для граничащей с Западной Ингушетией горной Осетии, не известно оно в Балкарии и Карачае. Также если в близлежащих к Ингушетии горных районах Чечни имеется данный тип построек, то на восточной ее окраине он, наряду с такими погребальными памятниками, как склепы, совсем исчезает. Наконец, в Хевсуретии и Тушетии известны башни с пирамидальным покрытием, однако они сравнительно единичны. М. Мужухоев уверенно констатирует, что «… оригинальный тип пирамидальных башен, являющихся высшим достижением каменного зодчества северокавказских народов, возник на территории Ингушетии (ущелье р. Ассы) с последующим его распространением в других местностях горного Кавказа»» [4, с. 44-45].

Подводя итоги, необходимо отметить, что данная статья преследует цель обратить внимание на ухудшающееся состояние перечисленных объектов, дошедших до нас в первозданном виде, и не претендует на глубину и полноту исследования. Для того, чтобы раскрыть высокую развитость архитектурно-планировочной структуры горных поселений, мастерство их строителей и самого общества как самодостаточного социума, требуется проведение более детальных исследований, в том числе и археологических, намеченных автором в последующих статьях.

Литература и источники

1. Гольдштейн А. П. Башни в горах. Изд.: Советский художник. - 1977.
2. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия – 2-е изд. – Магас: Издательство «Сердало», 2008. – 256 с.

3. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1925-27 гг. – Владикавказ, 1928.
4. Мужухоев М.Б. Ингуши: страницы истории, вопросы материальной и духовной культуры. – Саратов: Изд-во «Детская книга», 1995. – 128 с.
5. Чахкиев Ю.Д. Древности горной Ингушетии – Нальчик, 13.02.2009 г.
6. Щеблыкин И.П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры // ИИ НИИК. Вып.1, с.280.
7. Эл. ресурс. http://openkavkaz.com/ing/gappi/ (Дата обращения: 15.03.2021г.)

СЕЛО БАЗОРКИНО В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917-1920 гг.)

Кодзоев Н. Д.

Аннотация. В статье освещаются некоторые страницы борьбы за установление советской власти на Северном Кавказе.

Ключевые слова: гражданская война, с. Базоркино, Терская область, Горская республика, А-Г. Гойгов, В-Г. Джабагиев.

THE VILLAGE OF BAZORKINO DURING THE CIVIL WAR (1917-1920)

Kodzoev N.D.

Annotation. The article highlights some pages of the struggle for the establishment of Soviet power in the North Caucasus.

Key words: civil war, p. Bazorkino, Tersk region, Gorskaya republic, A-G. Goygov, V-G. Dzhabagiev.

В годы революции 1917 г. и гражданской войны в России в 1917-1920 гг. ингуши активно поддержали советскую власть на Северном Кавказе. Главными вопросами в революционных событиях, развернувшихся в бывшей Терской области, стали земельный вопрос и «чересполосное землевладение», когда казачьи станицы были расположены «узкой полосой по территории нескольких народов, они не только призваны были отделить один народ от другого, но и держать под контролем как плоскостное, так и горное население» [11, с. 119-120]. Нарком земледелия Терской республики Ю. Пашковский говорил на III съезде народов Терека в мае 1918 г.: «Нередки были моменты, когда несколько групп из-за клочка земли создавали несколько фронтов… и здесь была большая угроза миру всей области. Особенно остро ставились вопросы землепользования во Владикавказском округе, в районе Сунженского отдела и в Назрановском округе» [18, с. 284].

Село Базоркино стало одним из центров революционной борьбы. В Базоркино не раз проходили съезды ингушского народа.

На территории бывшей Терской области провозглашались и создавались различные государственно-административные образования. 14 мая 1917 г. на 1-м Горском съезде был образован Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. В ноябре 1917 г. Союз провозгласил создание независимой Горской республики. 1 декабря 1917 г. во Владикавказе было создано Временное Терско-Дагестанское правительство, которое просуществовало до марта 1918 г. В мае 1918 г. правительство Горской республики эмигрировало в Тифлис. 3 марта 1918 г. во Владикавказе на 2-м съезде народов Терека на территории бывшей Терской области была провозглашена Терская народная советская республика. Ингушетия составной частью входила в состав Терской советской республики. Административным центром Терской республики являлся г. Владикавказ.

После октябрьского переворота 1917 г. начинаются столкновения между казаками и осетинами с одной стороны и ингушами с другой.

4 января 1918 г. близ Владикавказа взводом казачьего полка было убито 5 ингушей [9, с. 208], что вызвало ответные шаги ингушей, включая массовое выдвижение их к городу [20, с. 42].

Абдул-Гамид Тангиев, участник этих событий, так описывал их в своих мемуарах: «По дороге в Базоркино, мы наткнулись на казаков, которые находились у начала Шалдона. С казаками у нас завязалась перестрелка. Мы вынуждены были отступить в сторону Цинкового завода, где к нам присоединилось еще три ингуша из с. Базоркино и вместе направились к месту, где была расположена Ингушская сотня. Но вместо нашей сотни, там оказалась стоянка казачье-осетинской банды, принимавшей участие в захвате города Владикавказа. Увидев нас, группа этой банды с криками бросилась в нашу сторону, открыв беспорядочную стрельбу из винтовок. Узнав, что попали к врагам, мы залегли за полотном железной дороги и открыли ответный огонь. Перестрелка продолжалась около часа. Среди нападавших были убитые и раненые. Легкое ранение получил и мой дядя, а меня

ранило в лицо. Нас начали обходить с тыла, и мы вынуждены были отступить на территорию Цинкового завода. Там мы укрылись в каменном помещении с толстыми стенами и сводчатым перекрытием и начали обстреливать казаков из укрытия.

Наше здание окружили и потребовали сдать оружие и сдаться в плен. На сводчатую крышу полетели гранаты, здание содрогнулось, но нам огонь не причинил вреда. Окружившие нас бандиты громко совещались о том, как нас выбить оттуда. Мы там просидели с 9 часов утра до 12 часов дня, обстреливая всех, кого могли видеть из укрытия.

В городе слышались взрывы и ружейная стрельба. Во второй половине дня со стороны Базоркино послышалась учащенная стрельба, которая становилась все ближе и ближе. Окружившая нас казачье-осетинская банда, услышав приближавшуюся стрельбу со стороны с. Базоркино, начала в панике разбегаться. Мы, открыв огонь, вышли из укрытия и присоединились к наступающим ингушским отрядам. Во главе одного из отрядов ингушей несся Орцханов Хизир, который прорвался с ходу к центру города, к Александровскому проспекту, и нанес сокрушительный удар, заставив банду отойти от города. Особенно сильное сопротивление нам оказали на улице Офицерской и на еще нескольких, прилегающих к Офицерской, улицах. Мы захватили с собой бензин в бутылках и начали забрасывать в дома, где еще прятались бандиты, отставшие от своих. К вечеру часть города горела, и сопротивление бандитов было сломлено. Город был очищен от контрреволюционных банд. Самое высокое здание города – дом барона Штенгеля, что находилось недалеко от того места, где сейчас находится Северо-Осетинский обком партии, – было сожжено» [19, с. 13-14].

Столкновения в городе продолжались неделю и сопровождались грабежом города. Горское правительство, находившееся во Владикавказе, бежало в Базоркино, где оно передало ингушам 6 гаубиц [20, с. 43-44]. Для ингушей, отряды которых в то время под командой мулл и штаба во главе с полковником Гойговым [21, с. 195] вели тяжелые позиционные бои по всему периметру границ Ингушетии, эта помощь была очень важна.

23 июля 1918 г. во Владикавказе начал свою работу IV съезд народов Терека.

Во время работы этого съезда, в ночь с 5-го на 6-е августа вооруженные отряды под командованием полковников Соколова и Беликова совершили нападение на Владикавказ, стремясь захватить весь состав съезда [6, с. 93].

6 августа 1918 г. в Базоркино, в бывшей усадьбе графа Ф.А. Уварова[1] был созван съезд ингушского народа, на котором было решено организовать Ингушскую красную армию и спасти город и съезд. Были избраны руководители Ингушетии: Вассан-Гирей Джабагиев – по гражданской части, полковник Мусса Саутиев – по военным делам, Исак-мулла Чопанов – по шариатским делам.

Из воспоминаний Муссы Саутиева: «Я прошел с километр. В это время навстречу едет ингуш на арбе. Он довез меня до Камбилеевского моста, а оттуда дошел до Уваровского сада, где находился Национальный совет... На другой день собрался многолюдный съезд – собравшиеся не вмешались в имение... На этом съезде возможность выступить давали всем. Выступал и Орджоникидзе. В конце концов, выбрали тройку в составе Джабагиева – председателя Национального совета, Исак-муллы Чопанова и меня, причем шариатская часть была возложена на Чопанова, гражданская – на Джабагиева и военная – на Саутиева. Орджоникидзе знал об этих кандидатурах и одобрил их. Я лично говорил, что я еще офицер молодой и считал бы необходимым, чтобы был еще кто-нибудь из полковников или генералов. Национальный совет настоял на том, чтобы был только я. Орджоникидзе сказал: «Все равно, так или иначе, будешь ты». При Национальном совете у нас был и Военный совет. Таким образом с

[1] После выселения ингушей в Казахстан в 1944 г. и включения большей части Ингушетии (в том числе и с. Базоркино, переименованного осетинами в Чермен) в состав Северной Осетии, осетинские националисты занялись уничтожением на этой территории памяти об ингушах. «Так, после выселения ингушей в 1944 году осетины осквернили ингушские кладбища. В селениях Пригородного, Назрановского и Малгобекского районов были растащены для всевозможных хозяйственных нужд каменные надгробья. Из них выложили мостовые, канализационные ямы и… фундамент для дачи Берия в Северной Осетии. В селении Базоркино (Чермен) обезличен памятник ингушам – героям гражданской войны: с него сняли мемориальную доску с именами ингушских революционеров, погибших в борьбе за советскую власть. В том же селении, в бывшем имении графа Уварова, где в годы гражданской войны находился штаб обороны Терского Совнаркома во главе с Серго Орджоникидзе, размещен… дом умалишенных. Со здания снята мемориальная доска с именем Орджоникидзе и его соратников – ингушских партизан» [13, с. 254-255]. В 1980-х гг. в бывшем имении графа Уварова находилась автомастерская. В 2003 г. усадьба графа Ф.А. Уварова была полностью разрушена с использованием тяжелой техники.

этим было покончено. В этот же день было выделено из офицерской молодежи 2-3 человека, из которых одного я посадил в канцелярию, так как некому было писать. Тут же мы выделили от каждого аула людей, составили отряды или, как их называли, сотни, назначили во главу каждого отряда муллу или муталима» [17, с. 73-74].

9-13 августа в имении Уварово вновь был созван съезд ингушского народа.

«В Базоркино, к Уваровскому саду, собрались тысячи верховых и пеших ингушей. Из горных аулов и плоскостных сел Ингушетии прибывали вооруженные горцы… Орджоникидзе решил обратиться непосредственно к ингушскому народу… Серго от имени советской власти заявил, что советская власть согласна передать ингушам земли четырех казачьих станиц, отделяющих горную Ингушетию от плоскостной. Загнанный на бесплодные скалы, в горы, ингушский народ получит обратно свои старинные земли. Будет уничтожен казачий клин – наследие проклятого прошлого, разрывающий Ингушетию пополам... Серго предложил провести мобилизацию от имени Ингушского национального совета. Все селения, аулы должны были быть оповещены об этой мобилизации. Большинство участников схода с энтузиазмом присоединилось к предложению Серго и потребовало немедленной мобилизации всего ингушского народа и помощи Владикавказу… В ту же ночь в Базоркино начали прибывать вооруженные ингушские отряды. На зов Серго откликнулось все мужское население Ингушетии в возрасте от 14 до 80 лет. Для руководства ингушскими частями был создан штаб. Было решено, что помимо главного удара на Владикавказ, ингушские отряды немедленно займут станицы Сунженскую, Тарскую, Фельдмаршальскую и Тарские хутора – ту земельную полосу, которая делила Ингушетию на две части и которую советская власть вернула ингушам» [16, с. 201-202].

Из мемуаров А-Г.Д. Тангиева: «Все делегаты Терского областного Совета, заседавшие в здании Кадетского корпуса, эвакуировались в горную Ингушетию, а часть делегатов с комиссарами, среди которых были Орджоникидзе, Бутырин, Гегечкори и другие, переправившись в брод через р. Терек, прибыли в плоскостную Ингушетию, в с. Базоркино, где к этому времени, в имении графа Уварова, собрался ингушский съезд, созванный по тревоге из-за контрреволюционного захвата города Владикавказа. По предложению Орджоникидзе, ингушские старейшины внесли предложение организовать повстанческий Шариатский полк, и всем народом идти на освобождение города от контрреволюционных частей, захвативших город. В этот же день был организован полк, куда вошли разрозненные кавалерийские части отдельных селений, которые стали, таким образом, первой организованной частью Красной армии Ингушетии, просуществовавшей до окончательного установления Советской власти на Северном Кавказе в 1920 году. Во главе Красной армии стад полковник царской армии Саутиев Муса, перешедший на сторону Советской власти с первых же дней революции. Начальником штаба был назначен бывший полковник Сейт Тонгиев, сын известного купца Тейп-Хаджи Тонгиева...

По просьбе Орджоникидзе, в тот же день полк был брошен на помощь оборонявшим город Владикавказа частям Красной армии. В результате жестокой схватки из города были вытеснены контрреволюционные казачье-осетинские части. Через несколько дней, сломив сопротивление контрреволюции на всех участках фронта, Советская власть в г. Владикавказе была восстановлена» [19, с. 13-14].

В своем докладе Совнаркому (Советскому правительству) об августовских боях за Владикавказ, Г.К. Орджоникидзе отмечал: «Ингушетия – это единственный открытый путь, который мы имели от Владикавказа. На второй же день после нападения на город был созван съезд ингушского народа в селении Базоркино, и перед вооруженным ингушским народом был поставлен вопрос о той опасности, которая грозила ему в случае успеха казачьего нападения. Ингушский народ, ни на минуту не колеблясь, изъявил свою готовность к борьбе и громадными массами направился в город. К сожалению, недисциплинированность, неорганизованность и неприспособленность ингушей к городской войне не дали нам возможности сразу же сломить казаков. Но одно выступление ингушей уже обеспечило нам победу. Мы были уже не одни. Выступили ингуши, этот авангард горских народов, за которым потянулись, если не активно, то во всяком случае своей симпатией, все остальные горцы» [8].

В результате десятидневных боев ингуши вновь захватили Владикавказ, выбили из него казачье-осетинские соединения Беликова и Соколова.

Из мемуаров А-Г.Д. Тангиева: «Во главе Ингушской Красной армии стал бывший полковник царской армии Саутиев Муса, ставший на сторону Советской власти с первых дней революции, и пользовавшийся неограниченным доверием народа и представителей Ленина тт. Орджоникидзе и Кирова, и оставшийся верным идее революции до конца своих дней. Также верными идее революции оказались и многие другие ингуши – бывшие офицеры царской армии: Орцханов Хизир, Мальсагов Орцхо, Бузуртанов Магомед, Нальгиев Магомед и многие другие герои войны, завоевавшие народное доверие и уважение.

В одной из сотен полка (Базоркинской) я был единственным грамотным бойцом. Я вел письменные записи сотни и поэтому хорошо запомнил события боевых действий полка со дня укомплектования Базоркинской сотни. По призыву всенародного съезда, который собрался во дворе имения графа Уварова, что на южной стороне с. Базоркино, было принято решение организовать партизанский Шариатский полк, обязав добровольцев под присягой на Коране точно следовать строгой военной дисциплине и выполнять приказы командира.

Всадники-добровольцы селения Базоркино собрались на углу забора вокруг мечети, где добровольцы приводились к присяге. Я, как и мои сверстники, подошел к столу, на котором лежал Коран, готовый принять присягу. Кази-мулла Гантемиров и другие, приводившие молодых людей к присяге, отказались принять у меня присягу, так как мне шел только шестнадцатый год и я, по их мнению, не годился для участия в боевых действиях. Несмотря на возраст, я был с конем и хорошо вооружен. Возмущенный отказом, я подошел к столу, где лежал Коран и, коснувшись рукой Корана, сказал: «Клянусь этим Кораном, что приму присягу». После этого я повторил за Кази-муллой Гантемировым слова присяги, где говорилось: «Подчиняться приказам командира, не жалеть своей жизни для достижения успеха своего полка в боях, вести жестокую и непримиримую борьбу с воровством и грабежами».

В Ингушетии с организацией полка совершенно прекратились воровство и грабежи. Применение жестких мер в отношение всех преступников и контрреволюционных элементов, вплоть до физической расправы, принесло покой и порядок, необходимые населению. Народ взял свою судьбу в свои руки» [19, с. 13-14].

Осетинский революционер Казбек Бутаев, участник борьбы за установление на Северном Кавказе Советской власти, писал в своих воспоминаниях в 1922 году: «“Ингуши пришли на помощь, осадили город, выгнали казаков и осетинские банды”. (Журнал «Революционный Восток», 1924, №6, стр. 20)» [Цит. по: 19, с. 24-26].

В 1918 г. генерал-майор штаба Кавказской армии Б.П. Лазарев в докладной записке помощнику главнокомандующего Добровольческой армии А.М. Драгомирову так писал о вооруженных силах Ингушетии: «Ингуши являются наиболее сплоченной народностью Северного Кавказа, во все время борьбы они сумели успешно отстаивать свои интересы, заключать выгодные соглашения и наносить чувствительные удары своим неорганизованным противникам. … вся Ингушетия представляет вооруженный народ, собирающийся с чрезвычайной быстротой по тревоге. Я лично наблюдал в Базоркино такую тревогу, когда (около 10 января) казаки в 6 часов утра повели наступление на с. Плиево; в 6 час. 40 мин., проезжая по аулу, я видел, что артиллерия была уже в запряжках, пулеметы грузились на арбы, ингушский заслон развертывался в сторону Сунженской станицы, а в 7 час. 5 мин. часть базоркинцев была уже в бою под Плиевым, отстоящим от Базоркино в 18 верстах; вообще, большая часть ингушских сил способна сосредоточиться в любой пункт в течение нескольких часов, а 2 часов достаточно, чтобы ввести в бой 2-3 тыс. ингушей» [2, с. 287-288].

Позже Г.К. Орджоникидзе писал о роли ингушей в установлении советской власти на Северном Кавказе: «Ингушский народ, ни на минуту не колеблясь, изъявил готовность к борьбе и громадными массами направился в город… Выступили ингуши, этот авангард горских народов, за которыми потянулись, если не активно, то во всяком случае своей симпатией, все остальные горцы» [14, с. 68].

25 января 1919 г. началось наступление на Ингушетию Добровольческой армии во главе с генералом А.И. Деникиным со стороны Беслана. Наступление шло по линии Владикавказ-Базоркино-Долаково-Кантышево. В феврале 1919 г. плоскостная Ингушетия была оккупирована. Во время наступления деникинских войск, 4 февраля 1919 г. в с. Базоркино в имении графа Ф.А. Уварова был созван съезд ингушского народа, на котором было принято решение не пропускать

деникинские войска через Ингушетию. На съезде присутствовал и чрезвычайный комиссар Юга России Г.К. Орджоникидзе. 6 февраля 1919 г. Г.К. Орджоникидзе отправил телеграмму В.И. Ленину, в котором говорилось: «Бои вокруг Владикавказа и Ингушетии продолжаются 7-й день. Все ингуши, как один человек встали на защиту Советской власти. Среди ингушей небывалый подъем духа… На съезде вооруженного ингушского народа по моему предложению провозглашена независимая Горская Советская Республика» [4]. Независимая Горская Советская Республика была провозглашена Г.К. Орджоникидзе с балкона дома графа Ф.А. Уварова.

Ингушетия оказала войскам генерала А.И. Деникина упорное сопротивление. Ключевым звеном в этом сопротивлении было селение Базоркино.

«В боях с контрреволюционными частями под Долаково, Кантышево и Базоркино было совершено много самоотверженных, геройских подвигов, как целыми ингушскими отрядами, так и отдельными лицами.

Пластунский батальон, до двух тысяч человек, наступивший из Кабарды со стороны Исламово на Кескем, Пседах и Сагопш, – был совершенно разгромлен ингушами: убито до 860 белогвардейцев, взято несколько орудий и обоз.

Однако, после девятидневного упорного сопротивления фронт Долаково-Кантышево-Базоркино дрогнул под напором более многочисленного, хорошо вооруженного к организованного противника.

Долаково и Кантышево погибли в дыму пожара и превращены были в руины. Сел. Базоркино было разорено.

Главнокомандующий и командующий войсками Терско-Дагестанского края ген. Ляхов… в закрытом заседании войскового круга Терского казачьего войска 23 февраля I919 г. так характеризовал сопротивление Ингушии добровольцам: «Когда проходили Ингушетию, то в селении Сагопши ингуши заявили черкесской конной дивизии: “Мы вас не пустим, пока не получим разрешения национального совета”. Начальник черкесской дивизии замялся, пропустил время, и батальон был смят. Думая, что его задача пройти на Моздок, он обошел Ингушетию и двинулся на Грозный через станицу Слепцовскую. Таким образом, данная ему задача осталась невыполненной, через Ингушетию он не прошел, народ этот не подчинился. Сопротивление ингушей упорное и прямо непонятное. При четырех пулях четвертую противник пускает в висок. С ними есть офицеры, красноармейцы, матросы, муллы. Благодаря ошибке, которая допущена была сначала, не удалось сломить ингушей в Малой Кабарде. Были собраны новые силы – 3-й Волгский полк. К этому в**ремени** дан был приказ – смести селения Долаково, Кантышево и Базоркино. В данный момент селение Долаково сметено с лица земли» [9, с. 252].

В феврале 1919 г. деникинские генералы всерьез задумывались над тем, чтобы после победы над ингушами переселить их из своих селений на другие территории. «Тогда в январе-феврале 1919 г. сопротивление ингушей белогвардейцам на границах Ингушетии и в ее столице – Владикавказе было столь ожесточенным, что рассвиревшие победители по окончании боев задумывались всерьез о воскрешении «почина» царских чиновников в не менее сложных масштабах. Так, в телеграмме в штаб Добровольческой армии в Новочеркасск начальник штаба корпуса генерала Ляхова, штурмовавшего села Северной и Северо-Западной Ингушетии (Долаково, Кантышево, Базоркино и др.) полковник Масловский, сообщая о преодолении сопротивления ингушских отрядов и принятии Ингушским национальным советом условий деникинского ультиматума, предлагал значительно ужесточить эти сами по себе весьма суровые условия. В частности, одним из элементов подобного ужесточения Масловский требовал сделать полное выселение таких ингушских сел, как Базоркино – на тот момент крупнейший населенный пункт всей Ингушетии» [10, с. 4].

Сопротивление Ингушии задержало занятие Владикавказа белыми. «Владикавказ был взят ген. Шкуро 12 февраля 1919 г. ...Некоторые красные войсковые части отступили по Военно-грузинской дороге в Грузию, другие – в горную Ингушию…

Весь февраль и март добровольцы производили в Ингушии, а в особенности в сел. Базоркино взыскание контрибуции, отбирая у населения деньги, реквизируя у него скот, хлеб, мертвый с.-х. инвентарь» [9, с. 252-253].

После того, как деникинскими войсками был захвачен Северный Кавказ, «Терская и Дагестанская области были в военно-административном отношении объединены в Терско-Дагестанский край, начальником которого стал генерал-лейтенант Ляхов... Край делился на область войска Терского и горские округа – Чеченский, Ингушский, Кабардинский, Осетинский, Кубанский» [15, с. 51-52].

При генерале Деникине был образован «Ингушский комитет по борьбе с большевизмом».

В комитет входили: полковники Керим Гойгов – председатель комитета, Аржмейр Шахмурзиев и Уматгирей Куриев, инженеры Берса Кодзоев и Бексултан Льянов, и др.

Правителем Ингушетии от ставки генерала Деникина был назначен генерал Сафарбек Товсолтанович Мальсагов, которого сменил на этом посту, после восстания ингушей в июне 1919 г., генерал Сосламбек Сосаркиевич Бекбузаров.

Абдул-Гамид Тангиев так вспоминает о сражении, происшедшем между ингушами и деникинским войском в период июньского восстания: «Утром на подступах к поселку Назрань и к селам Насыр-Корт и Базоркино завязалось крупное сражение, перешедшее в рукопашную схватку. Бронепоезд вел артиллерийский обстрел близлежащих сел. Со стороны Базоркино наша сотня ударила с фланга, и под напором стоявших насмерть ингушей наступление белогвардейцев захлебнулось и началось массовое бегство с поля боя, которое было усеяно убитыми и ранеными. Наиболее кровопролитный бой разгорелся в треугольнике Базоркино, Насыр-Корт и в районе, где ныне расположен Консервный завод. Оставшиеся в живых белогвардейцы переправились через речку Камбилеевку у железнодорожного моста, и ушли в сторону станции Беслан. К трем часам дня над полем боя разразился ливень с градом, после чего бой прекратился. Бронепоезд отошел к Беслану. На поле боя остались брошенные пушки, большое количество оружия и боеприпасов» [19, с. 18].

Несколько дней продолжалось сопротивление ингушей, но оно было сломлено и большинство населения ушло в горы. Вся Ингушетия была обложена контрибуцией. На базоркинцев была наложена контрибуция: «1. Выставить 100 всадников на фронт с полным снаряжением; 2. денежное обложение – 35000 руб.; 3. кукуруза – 24000 пудов; 4. коров – 50 голов; 5. лошадей – 120 голов; 6. баранов – 1200 голов; 7. винтовок – 450 шт.; 8. патронов – 85000 шт.; 9. револьверов – 86 шт.; 10. седел – 48 шт.; 11. хомутов – 48 шт. Все это было предложено сдать в трехдневный срок, что окончательно разоряло население, которое и без того находилось в тяжелом положении. Такая контрибуция была наложена на все населенные пункты Ингушетии в той же жесткой форме» [19, с. 19].

По этой контрибуции с базоркинцев было взыскано: «На снаряжение 100 чел. всадников 1.000.000 р. Контрибуция николаевками 350.000 р. Кукурузы 24000 пудов по 30 р. пуд 720.000 р. Баранов 1200 голов по 300 р. 360.000 р. Коров 240 голов по 400 р. 96.000 р. Лошадей 108 голов по 2000 р. 216.000 р. Винтовки 450 шт. по 800 р. 360.000 р. Патроны для винтовки 85000 по 3 р. 255.000 р. Револьверов 96 шт. по 500 р. 48.000 р. Седел 48 шт. по 300 р. 14.400 р. Хомутов 48 шт. по 150 р. 7.200 р. Патронов для револьв. 1000 шт. по 5 р. 5.000 р. Всего: 3.931.000 р» [5].

В ноябре 1919 г. газета «Вольный горец», издававшаяся Союзом горцев Кавказа, писала о положении в селении Базоркино: «Одно из самых цветущих, богатых и населенных селений Плоскостной Ингушетии – Базоркино по воле добровольцев опускается все ниже и ниже в экономическом отношении и хозяйственно разоряется. Трудно будет теперь узнать хозяйство базоркинцев тем, кто бывал в Базоркино до прихода на Терек добровольцев и видел, как жили базоркинцы и в каком состоянии было их хозяйство. Я не говорю уже о тех хозяйствах, которые были разграблены и совсем разбиты артиллерийскими снарядами...» [3].

Борьба против деникинской армии продолжалась до марта 1920 г. А.И. Деникин позднее писал о роли ингушей в установлении советской власти на Северном Кавказе: «Ингуши, наименее численный, и наиболее спаянный и сильный военной организацией народ, оказался, по существу, вершителем судеб Северного Кавказа» [7, с. 97].

В марте 1920 г. была восстановлена Терская народная советская республика. 4 апреля того же года на съезде ингушского народа, проходившем в Назрани, было провозглашено восстановление советской власти в Ингушетии.

Терская народная советская республика просуществовала до создания 20 января 1921 г. Горской АССР.

Литература и источники

1. Баркинхо А. Хроника жизни одной семьи // Газ. «Сердало». – 2010. – 18 ноября.
2. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). – М., 2011.
3. Газ. «Вольный горец» от 10 ноября 1919 г.
4. Газ. «Народная власть». – 1919. – 8 февраля.
5. Гарсиев А. В Ингушетии // Газ. «Вольный горец». – 1920. – № 9.

6. Гойгова З.А. Участие чечено-ингушского народа в борьбе против Деникина // Известия ЧИ-НИИИЯЛ. История. – Т. 1. – Вып.1. – Грозный, 1959.
7. Деникин А.И. Очерки русской смуты. – Т. IV. – Берлин, 1925.
8. Документы по истории гражданской войны в СССР. (Сост. Минц И., Городецкий Е.). Том I. Первый этап гражданской войны. Политиздат при ЦК ВКП(б). – М., 1941.
9. Мартиросиан Г.К. История Ингушии. – Орджоникидзе, 1933.
10. Матиев Т.Х. Депортации народов СССР и доктрина пролетарского интернационализма – декларации и практика тоталитарного режима в СССР в 40-50-е гг. // 65 лет депортации ингушского народа: сборник статей. – Назрань, 2009.
11. Муталиев Т. Благодаря силе и мужеству нации // Ингушетия и ингуши. – Т. 2. Назрань-М., 2001.
12. Муцольгова М. Славные традиции. В назидание грядущим поколениям // Ингушетия. – 27 февраля 2017 г.
13. О судьбе ингушского народа. Письмо в ЦК КПСС. Ноябрь, 1972 г. // Кодзоев Н.Д. Ингушское национальное движение. 1956-1973 гг. Приложение. – Нальчик, 2019.
14. Орджоникидзе Г.К. Избранные статьи и речи. – Грозный, 1962. – С. 68.
15. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. – Т. 2. – Грозный, 1972.
16. Разгон И. Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе. 1917-1920 гг. – М., 1941.
17. Саутиев М. Воспоминания о Серго Орджоникидзе // Архивный вестник. – Вып. 4. – Назрань, 2007.
18. Съезды народов Терека: Сборник документов и материалов. – Т. 1. – Орджоникидзе, 1977.
19. Тангиев А.-Г.Д. Тяжелый век. Мемуары. – Назрань, 2002. – С. 13-14.
20. Хейр-Хаев (Гойгов А.-Г.) Этапы революции в Ингушетии // «Горский вестник». – №2. – 1924.
21. Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. – Т.1. – Ростов-на-Дону, 1927.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ГОРОДАХ ДАГЕСТАНА В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В РОССИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Сефербеков Р. И.

Аннотация. В статье рассматриваются трансформационные процессы в материальной и духовной культуре, семейном и общественном быту горожан Дагестана. Как считает автор, в новейшее время эти изменения связаны с глобализацией и очередной модернизацией в России.

Ключевые слова: города Дагестана, новейшее время, этнокультурные и социокультурные процессы, глобализация и модернизация.

ETHNOCULTURAL PROCESSES IN THE CITIES OF DAGESTAN IN THE CONTEXT OF SOCIOCULTURAL TRANSFORMATIONS IN RUSSIA IN THE LATE XX - EARLY XXI CENTURIES

R.I. Seferbekov
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences Makhachkala, Russia

Annotation. The article examines the transformation processes in the material and spiritual culture, family and social life of the citizens of Dagestan. According to the author, in recent times, these changes are associated with globalization and the next modernization in Russia.

Key words: cities of Dagestan, modern times, ethnocultural and sociocultural processes, globalization and modernization.

Процессы культурной интеграции и унификации, повышения роли городов и городской культуры в развитии общества, увеличение численности городского населения по сравнению с сельским и трансляция сформировавшихся в городах культурных образцов в сельскую местность, развернувшиеся после распада СССР, оказали определенное влияние на трансформацию бытовой культуры горожан Дагестана.

Периодизация происшедших за последние 150 лет в России и на Северном Кавказе, революционных и эволюционных исторических макропроцессов, представлена нами в виде пяти взаимосвязанных этапов [14, с. 163-168], с которыми связаны трансформации, отразившиеся на хозяйстве и бытовой культуре россиян. Особенно важным представляется последний – пятый этап, выпадающий на постсоветский период, с которым связаны наиболее системные изменения в экономике, политике и социальных отношениях, происшедшие под влиянием глобализации и модернизации. Следует отметить разную степень интенсивности протекания этих процессов: они были незначительны во второй половине 80-х гг. – 90-е гг. XX в., начали набирать обороты с конца 90-х гг. XX в. и в 2000-е гг., а с 2010 г. и по настоящее время приняли необратимый характер. Особое место в предложенной периодизации занимают 1992-1997 гг., на которые приходится пик так называемых «либеральных рыночных реформ», негативных явлений в экономике, общественной и социальной жизни Дагестана и России [10, с. 82-89], после чего наступает стабилизация, относительный рост и позитивные изменения в производстве и жизненном уровне населения депрессивно-трудоизбыточного региона.

К числу позитивных последствий указанных процессов следует отнести деидеологизацию общественных отношений, улучшение государственно-религиозных взаимоотношений, выразившихся в свободе религиозной жизни. В сфере материальной культуры эти процессы вылились в формировании новых стандартов в поселенческой культуре, домостроении, одежде и пище, повышении качества жизни, ориентации на новые передовые мировые образцы. К негативным процессам глобализации и урбанизации в Дагестане следует отнести кризис села, неконтролируемую

миграцию в города сельского населения с забрасыванием сельскохозяйственных угодий в горах, стремительный рост городского населения, не сопровождаемый достаточным числом рабочих мест, возникновение экологических проблем, рост межнациональной напряженности на равнине, деградацию национальных языков в городах [1, с. 182].

Изучение постсоветской истории, общественно-политической и социальной жизни образовавшихся в разное время [6, с. 40-56] и имеющих различный этнический и конфессиональный состав дагестанских городов показало, что они являлись этноконтактными зонами, местами этнокультурного и социокультурного взаимодействия горожан республики.

Этнический состав городов Дагестана характеризуется мозаичностью, что подтверждается результатами Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. Как видно из материалов переписей, наиболее крупными и преобладающими в городах Дагестана этносами являются: в Махачкале – аварцы, кумыки, даргинцы, лезгины и лакцы; в Хасавюрте – аварцы, чеченцы и кумыки; в Дербенте – лезгины, азербайджанцы и табасаранцы; в Каспийске – лезгины, даргинцы, аварцы, лакцы, кумыки и русские; в Буйнакске – аварцы, кумыки, русские, лакцы и даргинцы; в Избербаше – даргинцы, кумыки и лезгины; в Кизляре – русские, аварцы и даргинцы; в Кизилюрте – аварцы и кумыки; в Дагестанских Огнях – табасаранцы, азербайджанцы, лезгины и даргинцы; в Южно-Сухокумске – аварцы, даргинцы, лезгины и лакцы. Наиболее урбанизированными народностями Дагестана являются русские, лакцы и кумыки, а наименее – ногайцы, цахуры, аварцы и даргинцы.

Города Дагестана не только полиэтничны, они также являются этноконтактными зонами: Кизляр (дагестанские русские, аварцы и даргинцы), Хасавюрт (чеченцы-аккинцы, аварцы и кумыки), Дербент и Дагестанские Огни (дагестанские азербайджанцы, лезгины, табасаранцы и даргинцы) [9, с. 560-568].

По данным Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. городское население Дагестана возрастало под влиянием нескольких составляющих: 1) естественного прироста среди горожан; 2) перемещения сельского населения в города; 3) преобразования индустриализованных сельских пунктов в поселки городского типа, возникновения новых городов, включения в городскую черту пригородных территорий; 4) притока в города населения из других республик. Наибольший прирост населения между двумя переписями наблюдается в гг. Избербаш, Каспийск, Кизилюрт и Махачкала, что объясняется неконтролируемой миграцией сельского населения в города республики, а наименьший прирост – в гг. Дербент, Дагестанские Огни, Южно-Сухокумск и Кизляр. Низкий прирост населения в г. Кизляр связан с оттоком в последние десятилетия русскоязычного населения за пределы Дагестана в связи с общей неблагоприятной общественно-политической, социально-экономической и демографической ситуацией в республике.

Проживающие несколько столетий в Дагестане русские являются одним из наиболее урбанизированных этносов республики. Они расселены в основном в гг. Кизляр, Махачкала, Каспийск, Хасавюрт, Кизилюрт, Избербаш, Буйнакск и Дербент. С ослаблением позиций государства они оказались наименее защищенной категорией населения Республики Дагестан. Начиная с 1989 г. численность этого этноса в республике стала уменьшаться, а с 1990 г. и особенно после развала СССР, миграционный отток русских и других русскоговорящих народов из республики усилился. Сокращению русского населения Дагестана способствовал целый ряд причин общественно-политического и социально-экономического характера. Учитывая огромный вклад русских в экономику и культуру Дагестана, Правительством Республики Дагестан предпринята долгосрочная программа по поддержке русского населения, которая в какой-то мере приостановила его неконтролируемый отток из Дагестана. Пребывание русских в Дагестане в определенной мере способствует поддержанию стабильных и гармоничных межнациональных отношений в республике [4, с. 104-111].

В постсоветское время в городах Дагестана развернулись процессы, связанные с миграцией и эмиграцией. Миграционные процессы были связаны, во-первых, в неконтролируемом перемещении в города сельского населения, а, во-вторых, оттоке из республики русских и русскоязычного населения. Оба этих процесса изменили численный и этнический состав городов республики.

Эмиграция из Дагестана горских и европейских евреев в Израиль, США, европейские страны началась еще в советское время – в

1970-е и последующие годы. Особенно интенсивно миграции и эмиграция происходили в г. Дербенте – городе, где традиционно обитала наиболее многочисленная диаспора горских евреев [15, с. 23-26].

Следует отметит, что в городах Дагестана влияние урбанизированной культуры и глобализации на культуру и быт горожан ощущается намного сильнее: здесь компоненты этнической идентичности сохранились хуже, чем в сельской местности. Особенно это касается элементов материальной культуры, направленной на непосредственное удовлетворение витальных потребностей, то есть на жизнеобеспечение – поселения, жилища, одежду и пищу. Одним из компонентов материальной культуры являются **поселения**. Особенностью развития градостроительства в Дагестане в постсоветский период является формирование агломераций (Махачкала – Каспийск, Дербент – Дагестанские Огни), призванных быть рациональной формой территориальной организации городского хозяйства. Еще одно новшество в развитии экономики городских поселений Дагестана – «Территории опережающего развития» – экономические зоны со льготными налоговыми условиями, упрощёнными административными процедурами и другими привилегиями, создаваемые для привлечения инвестиций, ускоренного развития экономики и улучшения жизни населения (Каспийск, Дагестанские Огни) [12, с. 223-225].

Одним из элементов материальной культуры, наиболее тесно связанным с экологией, хозяйственными занятиями, общественным и семейным бытом этноса является жилище. Со второй половины 80-х годов XX века и по настоящее время, сформировался новый тип городского жилища, который в наибольшей степени концентрирует в себе инновации в сфере строительных и отделочных материалов. Они коснулись конструкции дома и его приусадебного участка и затронули такие параметры, как площадь жилых и подсобных помещений, величин потолков, проемов окон и дверей, оформление подвала, чердака и крыши, устройство двора, забора, ворот, сада и огорода, придомовой территории. В постсоветское время под влиянием процессов урбанизации и глобализации, предложением промышленностью и торговлей многих видов отечественных и зарубежных строительных и отделочных материалов происходит кардинальное изменение внешнего облика и интерьера жилища. При возведении с использованием самых современных технологий и строительных и отделочных материалов одно-, полутора-, двух- или трехэтажного индивидуального жилища основное внимание уделяется комфорту и соображениям престижа. Важную роль в организации интерьера играют его планировка и освещение. Основными средствами благоустройства интерьера жилого дома являются его оборудование и оснащение бытовыми приборами, меблировка современной мебелью. Происходящие на протяжении последних 30 лет изменения в строительных материалах, технологии и методах строительства, конструкции, планировке, интерьере, отопительной системе, освещении, погоня за комфортом, ориентация на лучшие мировые строительные и отделочные образцы в жилище приводят к унификации и утере большинства элементов традиционного дагестанского жилища. Для жилища характерно непосредственное взаимодействие города и деревни. Городское индивидуальное жилище тоже заимствует некоторые элементы традиционного горского жилища. Это проявляется в планировке, этажности, устройстве лоджий, веранд, арочных проемов окон и дверей, оформлении фасада традиционной и религиозной символикой, назначении комнат и их убранстве. Современное индивидуальное строительство города и села идет по линии сочетания в жилище национальной архитектуры и удобств городской жизни. Эволюция городского жилища тесно связана с изменениями в политическом строе, хозяйственно-бытовом укладе, занятиях, образе жизни и менталитете городского населения Дагестана [13, с. 254-259].

Наиболее изменчивым элементом материальной культуры является одежда. Она обусловлена природными и хозяйственными условиями жизни народа, его культурными традициями, этическими нормами и эстетическими вкусами. С распадом СССР и ослаблением ограничений, связанных с выездом за границу, в том числе и с целью приобретения предметов быта, появились новые виды и типы одежды. В связи с развернувшейся деидеологизацией общественных отношений и своеобразным постсоветским религиозным ренессансом нельзя не отметить влияние ислама на одежду. В последние десятилетия у значительной части женского населения Дагестана популярна женская одежда, произведенная в соответствии с нормами исламского конфессионального дресс-кода.

Мужской костюм горожан Дагестана, в большей степени ориентированный на европейскую моду, практически не претерпел особых трансформаций. Изучение современной городской женской одежды в контексте северокавказской региональной моды с фиксацией общего и особенного, хозяйственно-культурных, этнокультурных, гендерных, демографических, конфессиональных и профессиональных особенностей, предпочтений и ограничений, включая групповую и специфическую субкультуру, дресс-код, а также сохранившихся элементов традиционного национального горского костюма, показало, что ее основу составляет современная, ориентированная больше на западную моду, дорогая и со вкусом подобранная стильная одежда, носимая с золотыми и серебряными украшениями и драгоценными камнями, с отдельными элементами традиционного национального костюма, дополненная аксессуарами и прической, с умеренным использованием косметики и парфюмерии известных мировых производителей. Несмотря на то, что одежда горожанок Дагестана в меньшей степени сохранила этнокультурные особенности и этнодифференцирующие признаки, все же, имеющиеся некоторые ее функции, детали и особенности позволяют говорить о наличии дагестанской региональной женской моды. Включение в состав этой одежды некоторых сохранившихся элементов традиционного дагестанского горского костюма, а также определенные предпочтения или ограничения и запреты, отличающие ее от стиля и моды городских женщин других регионов России, придают ей этнический колорит и неповторимость, и в определенной мере способствуют сохранению национальной культурной идентичности в условиях глобализации [8, с. 172-177].

Большие изменения произошли в культуре питания горожан Дагестана. Они были связаны появлением новых блюд, способов их обработки, консервации и доставки. В то же время в повседневном быту, при приеме гостя, на свадебных торжествах, календарных и религиозных праздниках сохраняются блюда традиционной дагестанской кухни. На распространенность тех или иных блюд национальной кухни оказывает влияние этнический состав городов Дагестана. В связи с этнокультурными взаимодействиями и взаимовлияниями, ускорением темпов урбанизации и глобализации в новейшее время наметилась тенденция к интернационализации системы питания горожан Дагестана. В то же время ряд блюд, отличающихся высокими вкусовыми качествами, стали популярными у всех горожан республики (в том числе и проживающих за ее пределами в центральных городах России) и претендуют на роль пищевых брендов Дагестана [5, с. 6-24].

В разной степени трансформировались компоненты семейно-бытовых обрядов. В столице республики – Махачкале внедрение инноваций и трансформационные процессы проходят более интенсивно, а в провинциальных городах, где сильны традиции, они закрепляются в культуре с некоторым опозданием. Близость сельских районов и непрекращающаяся миграция горцев в города с трансляцией их культуры на новом месте проживания так же оказывает влияние на семейно-бытовую обрядность. Расположение этих городов в зонах этнических контактов горцев Дагестана с кумыками, русскими и азербайджанцами сопровождается этнокультурными взаимовлияниями.

Среди новых способов знакомства и общения молодежи с начала 2000-х гг. по настоящее время следует отметить контакты через интернет и гаджеты. При выборе невесты и жениха, как и прежде, считается желательным их принадлежность к своему тухуму, селу и национальности. Некоторые горожане все еще выясняют сословную принадлежность потенциальных жениха и невесты, хотя есть немало случаев, когда на это закрывают глаза, особенно, если представитель непрестижного *тухум*а материально состоятелен и имеет высокий общественный статус.

В последние десятилетия, в связи с возросшим влиянием религии, одним из требований для вступающих в брак юношей и девушек является их религиозность. Красота и целомудрие, репутация юноши и девушки, их семей и *тухум*ов так же актуальны для современного Дагестана, как и прежде. Для юношей считается предпочтительным наличие высшего образования, профессии, работы, жилья, а в ряде случаев и престижной иномарки.

Браки обязательно регистрируются как по мусульманскому (магьар/никягь) и христианскому (венчание) обрядам, так и в ЗАГСе. Оповещает гостей свадьбы обычно отец жениха лично, при помощи пригласительных билетов, а в последнее время – и через гаджеты и по ин-

тернету (социальная сеть WhatsApp). В изучаемое время у горожан Дагестана распространены свадьбы трех видов: со спиртным, без спиртного и свадебные мавлиды. С конца 90-х гг. XX в. все свадьбы в городах Дагестана проводятся в банкетных залах с приглашением профессиональных тамады, музыкантов, певцов, танцоров, видеографов и фотографов, шеф-повара и его команды (повара и официанты). Для поездки жениха за невестой и их визита в банкетный зал заказывается лимузин, который сопровождает кортеж автомобилей из престижных иномарок.

В последние годы в основном в Махачкале становится модным проводить перед свадьбой мальчишники и девичники. Появились свадебные агентства, глянцевые журналы и специальные передачи на местном телевидении. По пути следования к банкетному залу проводятся фотосессии молодоженов: в Махачкале – в парке им. Ленинского комсомола и на Родопском бульваре, в Каспийске – в городском парке на набережной, в Кизляре – в городском парке, у банкетного зала «Рояль», у ресторана «Загородний», в Дербенте – на смотровой площадке у крепости Нарын-Кала и на набережной. На современной свадьбе заказывается многоярусный марципановый торт, устраивается горка (пирамида) из фужеров шампанского и шоколадный фонтан, применяются спецэффекты (гелиевые шары, тяжелый дым, стрельба конфетти из особой пушки, салюты и фейерверки, мыльные пузыри, искусственный снег, огненный водопад), цветочная арка и баннер. В Махачкале появился заимствованный из США обычай бросания невестой букета своим незамужним подругам. По существующей традиции на следующее после первой брачной ночи утро невеста обязательно готовит хинкал для жениха и его друзей. Если в советское время некоторые молодожены отправлялись в свадебное путешествие в основном по столичным городам страны (Москва и Ленинград), то в последнее время они направляются в Турцию, ОАЭ, европейские страны, круизы.

Среди отрицательных свадебных нововведений следует указать на возрастающие и обременительные расходы на сватовство (которое нередко проводится в ресторане), предсвадебные подношения жениха невесте (деньги на «чемодан», ювелирные украшения), дарообмен сторон жениха и невесты, проведение свадьбы в банкетном зале, приданое [16, с. 296-315]

В родильной обрядности закрепился новый обычай торжественной встречи матери и новорожденного при их выписке из роддома домой, когда нередко заказывается лимузин, производится фото- и видеосъемка и организовывается угощение для родных и близких дома, в кафе и ресторане. И в наше время для отца считается желательным рождение сына (как наследника и продолжателя рода), но и родившаяся дочь воспринимается им не так болезненно (особенно, если в семье уже есть сыновья), как раньше, так как бытует мнение, что дочь более внимательна к отцу в старости, когда он чаще болеет и нуждается в заботе. В городских условиях все еще сохраняются связанные с рождением ребенка традиционные обычаи и обряды: имянаречение (нарекает именем старший родственник малыша или мулла в течение недели после родов иногда даже в стенах роддома), бритье первых волос (до 40 дней после рождения), обрезание мальчиков-мусульман (с начала 90-х гг. эту процедуру производит детский хирург часто в медицинском учреждении), появление первого зуба, первые шаги ребенка (между его ног прокатывается круглый хлеб, который затем разламывается и раздается присутствующим как милостыня садакъа). Во многих городских семьях ребенка помимо детской кроватки все еще укладывают в горскую люльку.

Даже в городских условиях во многих семьях до определенного промежутка времени (до 40 дней, до 1 года) все еще соблюдаются запреты: не показывать ребенка в зеркало, не сажать на стол. К нему не заходят после кладбища и с сырым мясом. Выходя вечером с малышом на улицу, в его пеленки или одежду обязательно кладут кусочек хлеба как оберег. Для защиты ребенка от сглаза и козней нечистой силы под его подушку в люльке кладут нож (мальчику) и ножницы (девочке).

Большое внимание уделяется наречению имени новорожденному: с 90-х гг. у этнических дагестанцев все имена в основном мусульманские, а у русских – христианские и славянские.

Стало доброй традицией торжественно отмечать дни рождения ребенка в кафе и ресторане с приглашением его друзей и сверстников. Во многих городских семьях для детей устраивается новогодняя елка нередко с приглашением Деда Мороза и Снегурочки [3, p. 298-308].

Наиболее консервативными семейно-бытовыми обрядами являются похоронно-поми-

нальные ритуалы, которые проводятся в основном по мусульманским религиозным канонам и установлениям, учитывая возросшее влияние религии на общество со второй половины 80-х гг. XX в. по наше время. Однако и в них все еще встречаются рудименты прежних верований: приметы и сновидения, якобы предвещающие скорую смерть человека, внешние признаки ее приближения. Предпочтительной и легкой считается смерть без агонии, во сне. Если человек умер с открытыми глазами, считают, что он «кого-то хотел еще увидеть». После смерти человека предпринимаются меры религиозно-профилактического характера: пищу в доме не готовят – ее приносят соседи и родственники; в комнате, где находится покойник, занавешивают зеркала, фотопортреты и телевизор, включают свет или зажигают лампу, а после его похорон – моют полы.

У горожан Дагестана принято заранее составлять завещание, откладывать деньги на похороны, заготавливать саван и другие похоронные принадлежности: их приобретают в специализированных магазинах у мечети. Если человек жил в частном доме, то после смерти его чаще всего обмывают там же, а умершего в городской квартире – в мечети и оттуда несут на кладбище. Хоронят обычно в день смерти, в крайнем случае – на следующий день. Сохранился обычай передавать с покойником вести ранее умершим. Тазият (место для выражения соболезнования родным умершего) устраивается во дворе дома, где проживал покойный. Однако, в г. Кизилюрт в последние 5 лет родственники умершего принимают соболезнования в специально построенных для этого у *джума-мечет*и и квартальных мечетей помещениях. Хоронят умерших по-разному: некоторые – в родовых селениях, а остальные – на городском кладбище.

Поминки в городах также устраиваются в разные дни: на 3-й, 7-й, 52-й день, на годовщину. На поминках помимо других блюд пришедших обязательно угощают мучной халвой. Сразу же после смерти, а также после похорон и на поминки устраивается обряд «зикр». Пришедших на «зикр» и соболезнование родственники умершего одаривают пакетами с сахаром, рисом, макаронами, пачками чая, носками.

Траур по покойному соблюдают в разные дни: 3, 7, 40, 52 дня, 1 год. Траур по безвременно умершим молодым длится дольше. Мужчины весь период траура не бреют бороды. Сейчас по рекомендации мусульманских священнослужителей не бреются только первые 7 дней. Женщины носят черную траурную одежду. Во время траура родственники умершего не посещают увеселительных мероприятий. Памятник на могиле устанавливается на 3-ий, 7-ой, 40-ой и 52-ой день после похорон. Появился обычай навещать могилу умершего в день его рождения и смерти [17, с. 76-90].

В целом в семейном быту городского населения Дагестана произошли разной степени интенсивности трансформационные процессы, приведшие к утрате отдельных компонентов традиционной культуры и внедрению инноваций. Особенно восприимчивым к инновациям оказался свадебный обряд, а наиболее консервативным – похоронный ритуал. Наиболее интенсивно эти процессы происходят столице республики Махачкале, а также в гг. Каспийск и Кизляр, что вероятно, связано с влиянием русской культуры [11, с. 232-239].

Неотъемлемой частью общественного быта, в развитии и совершенствовании которого решающую роль играют политические, социально-экономические и культурные преобразования, являются общественные праздники. Вплоть до 1991 г. населением Дагестана праздновались советские, календарные и религиозные праздники. С распадом СССР ушли в прошлое идеологические советские праздники. В России наряду с некоторыми сохранившимися старыми праздниками были учреждены новые государственные праздники, которые были объявлены всенародными выходными днями.

Праздничный календарь горожан Дагестана в постсоветский период состоял из календарных, религиозных, идеологических, новых российских и республиканских, локальных и нетрадиционных праздников. Анализ постсоветских праздников горожан Дагестана привел нас к выводу, что общей тенденцией праздничной календарной обрядности является усиление позиций мусульманских праздников и ослабление позиций, а иногда игнорирование и прямой бойкот светских (новых российских и республиканских праздников), языческих (праздник первой борозды и весны), христианских (Новый год и День Святого Валентина) и нетрадиционных (Хэллоуин, Фестиваль красок и др.) праздников. В тоже время дагестанцы в целом толерантно

относятся к празднованию русскоязычным населением Дагестана христианских и иудейских праздников. Имеют своих сторонников возникшие как идеологические и перешедшие в новый российский праздничный календарь старые советские праздники (годовщины Великой Октябрьской революции, дни рождения В.И. Ленина и И.В. Сталина) [2, с. 204-221].

Анализ лингвистического ландшафта дагестанских городов продемонстрировал как универсальные механизмы топообразования, так и специфические, репрезентирующие особенности регионального менталитета. Топонимическая система характеризуется разнообразной, нередко, непоследовательной лингвистической практикой применения русского, английского и дагестанских языков, свидетельствует о мультиязычном и социокультурном пространстве города. Сфера прагматики функционирования русского, дагестанского и иностранного языков обусловлена общественно-политическими и экономическими факторами, влияющими на изначально полилингвальный дагестанский город. Этот процесс находится в развитии и требует дальнейшего синхронического и диахронического описания, определения степени воздействия русского, дагестанского и иностранного языков на этническую идентичность дагестанцев; наблюдения за изменениями в лингвистическом ландшафте современного дагестанского города позволяют глубже понимать социолингвистические процессы, протекающие в полиэтническом российском обществе [7, с. 389-398].

Таким образом, исследование антропологии дагестанского города в контексте влияния глобализации на трансформацию культуры и быта горожан Дагестана в постсоветский период показало, что он представляет собой имеющий свои особые культурные символы и культурные образы сложное социокультурное пространство. Структурная перестройка экономики, обусловившая коренное изменение функций крупных российских городов, превратила их из центров производства и распределения материальных ресурсов и товаров в центры управления, обмена информацией и предоставления услуг. Миграционные процессы в дагестанских городах резко ускорили темпы урбанизации и привели к появлению ряда крупных агломераций и интенсификации этнических процессов в них. Влияние глобализации и урбанизации, трансформационные процессы наиболее интенсивно ощущаются и протекают в столице республике Махачкала, его спутнике – Каспийске и в Кизляре, а также в приграничных (Чечня, Азербайджан) городах, которые одновременно являются этноконтактными зонами – Хасавюрт и Дербент. Сложившиеся десятилетиями и веками исторические традиции и этническая мозаичность придают городам Дагестана узнаваемость, неповторимый колорит и своеобразие. Несмотря на интенсивное внедрение инноваций, бытовая культура горожан Дагестана все еще содержит в себе немало традиционных элементов и это вселяет определенную надежду на сохранение этнической и культурной идентичности дагестанцев в эпоху глобализации.

Литература

1. Булатов Б.Б., Сефербеков Р.И. Влияние глобализации и урбанизации на быт и культуру народов Дагестана в новейшее время // Международная научная конференция «Актуальные проблемы современного востоковедения («Буниятовские чтения»)», посвященная памяти действительного члена Национальной Академии наук Азербайджана, Героя Советского Союза Зии Мусаевича Буниятова (16-17 октября 2017 г., Баку): Тезисы. – Баку, 2017. – С. 182.
2. Булатов Б.Б., Сефербеков Р.И. Общественные праздники горожан постсоветского Дагестана: современное состояние, проблемы и тенденции // Сборник статей VI-ой Международной конференции «Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа» / Отв. ред. И.М. Сампиев. – Назрань: ООО «Кеп», 2018. – С. 204-221.
3. *Bashir Bulatov*, *Magomedkhabib Seferbekov*, *Ruslan Seferbekov*. On Childbirth Rituals in Modern Dagestani Cities: Islam, Traditions, Innovations // Iran and the Caucasus. – Leiden: Boston: BRILL, 2020. № 24 (3). – P. 298-308.
4. Булатов Б.Б., Сефербеков Р.И. Русское население городов Дагестана: динамика численности и причины оттока в постсоветский период // Вестник Академии наук Чеченской республики. – 2018. – № 4 (41). – С. 104-111.

5. Булатов Б.Б., Сефербеков Р.И. Культура питания горожан Дагестана в постсоветский период (на примере г. Махачкала, Кизляр и Дербент) // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2018. Том 33. Вып. 1. – С. 6-24.
6. Волкова Н.Г. Изменения в национальном составе городского населения Северного Кавказа за годы Советской власти // Советская этнография. – 1965. – № 2. – С. 40-56.
7. *Gasanova M.A*., *Bulatov B.B*., *Zulpukarova E.M.-G*., *Seferbekov R.I*. Linguistic landscape of modern Dagestan city// Astra Salvensis. – 2019. Т. 7. № 1 (13). – С. 389-398.
8. Зульпукарова Э.М.-Г., Сефербеков Р.И. Традиционный женский костюм: сохранение компонентов этнической идентичности в городах Дагестана в начале XXI века // Материалы международной научно-практической конференции «Кавказский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории, и религии», посвященной 80-летию Чеченского государственного университета. 25-26 сентября 2018 г., г. Грозный / отв. ред. М.Р. Нахаев. Грозный: ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет». – Махачкала: АЛЕФ, 2018. – С. 172-177.
9. *Зульпукарова Э.М.-Г*., *Сефербеков М.Р.* Этнический и конфессиональный состав городов Дагестана: этноконтактные зоны взаимовлияния культур дагестанских горцев, кумыков, азербайджанцев, горских евреев, русских и чеченцев (2000-2010 гг.) // QafqazŞünasların II beynəlxalq forumu / 2nd international forum of the caucasus studies scholars (23-24 ay 2019, Bakı / May 23-24, 2019). – Baku: Elmi məruzələr / Scientific papers, 2019. 2 kitabda: 2-ci kitab. – С. 560-568.
10. Муслимова Н.Т. Либеральные реформы первой половины 90-х гг. XX в. и их влияние на экономику Дагестана // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – Махачкала, 2016. № 3 (47). – С. 82-89.
11. Османов А.И., Сефербеков Р.И. г. Влияние процессов глобализации и модернизации на города и городскую жизнь Дагестана в постсоветский период // Материалы Всероссийского историко-этнографического форума «Роль северо-кавказских городов в социально-экономическом и историко-культурном развитии Кавказа», посвященного 200-летию основания г. Грозного (г. Грозный, 3 октября 2017 г.) / Под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова. – Грозный: Изд-во АН ЧР, 2017. – С. 232-239.
12. Сефербеков Р.И. Особенности развития городов Дагестана в постсоветский период: формирование агломераций // Четвертые Всероссийские (с международным участием) историко-этнографические чтения, посвященные памяти профессора Р.М. Магомедова: Сборник статей. –Махачкала: Изд-во ДГУ, 2017. – С. 223-225.
13. Сефербеков Р.И. Изменения в жилище горожан Дагестана в новейшее время (вторая половина 80-х гг. XX в. – начало XXI в.) // Материалы всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной памяти В.П. Дзагуровой. – Махачкала, 2017. Вып. XV. – С. 254-259.
14. Сефербеков Р.И., Халидова О.Б. Периодизация исторических макропроцессов в России: этапы модернизации (на примере Дагестана) // Вопросы истории. – 2019. № 10. – С. 163-168.
15. Сефербеков Р.И., Рабаданова З.Р. Миграционные процессы и эмиграция в городах Дагестана в советский и постсоветский периоды // Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Диалог культур в глобализирующемся мире: диалог культур и культура диалога» / Под ред. В.Э. Манаповой, О.С. Мутиевой. – Махачкала: ДГУНХ, АЛЕФ, 2019. – С. 23-26.
16. Сефербеков Р.И. Современные свадебные обряды горожан Дагестана: традиции и инновации (на примере гг. Хасавюрт, Кизилюрт и Дагестанские Огни). 2000-2010 гг. // Сборник статей VII-ой международной конференции «Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа»: К 25-летию Ингушского государственного университета / Отв. ред. И.М. Сампиев. – Назрань: ООО «КЕП», 2019. – С. 296-315.
17. Сефербеков Р.И. Современный похоронный обряд горожан Дагестана: синкретизм ислама, традиционных верований и новых обычаев // Исламоведение. – 2019. Т. 10. – № 2. – С. 76-90.

ПОЛИТОЛОГИЯ

МАГАС - СТОЛИЦА ИНГУШЕТИИ. ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Арапханова Л. Я.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с формированием уникального образа новой столицы Республики Ингушетия – города Магас, отражение его истории в научной литературе и документальных источниках, а также анализу феномена новой столичности. Как позиционируется город Магас спустя 27 лет со дня его основания.

Ключевые слова: Ингушетия, Магас, столица, город, архитектура, признаки столичности.

MAGAS IS THE CAPITAL OF INGUSHETIA. HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE

Abstract. The article discusses issues related to the formation of a unique image of the new capital of the Republic of Ingushetia - the city of Magas, the reflection of its history in scientific literature and documentary sources, as well as the analysis of the phenomenon of a new capital. How the city of Magas is positioned 27 years after its foundation.

Key words: Ingushetia, Magas, capital, city, architecture, signs of the capital.

Образованием Ингушской Республики в 1992 году [8] были продиктованы важные политико-экономические решения, в том числе строительство нового столичного города [9]. Им стал город Магас [10]. В переводе с ингушского означает «город солнца».

23 февраля 1994 года был заложен первый камень нового города. На протяжении всей истории с момента вхождения Ингушетии в состав России в 1770 году при каждой административной реформе, проводимой в стране, менялись ее пределы и столицы. И нет оснований утверждать, что это последний город, который предстоит возродить и развивать. Немаловажным фактором возникновения идеи о строительстве новой столицы Ингушетии являлись проблемы отсутствия современной городской инфраструктуры.

Магас, как новый город и новая столица, заслуживает особого внимания. В современном мире строительство новых городов стало редкостью, особенно столичных городов, получивших особый статус на момент их закладки, что актуализирует тему столичности городских поселений в науке.

Наличие формальных признаков столичного города, т.е. нахождение в нем Администрации Главы, Правительства и Народного Собрания Республики Ингушетия определяет его политический атрибут. Имеются утвержденные гимн и флаг города. Город стал центром культурной и политической жизни. Это современный «умный», стремительно растущий город, ставший символом героического прошлого и будущего ингушского народа, существенно повлиял на трансформацию нашего представления о столичности. В общественном сознании образ столичности представляется как социальная ценность. Он формирует у населения, особенно ее молодой части, позитивное отношение к условиям и возможностям молодой столицы, образу жизни.

В центре Магаса, на площади Алания возвышается 100-метровая Башня Согласия, главная достопримечательность города, повторяющая архитектуру средневековых боевых башен ингушей. В башне имеется этнографический музей, на стенах развешаны картины известных художников, отражающие разные исторические эпохи. При въезде в город сооружена арка, стилизованная под древнюю национальную крепость из трех башен, соединенных арками, получившая название «Аланские ворота».

Отличительной особенностью города является современная архитектура. Этого требовал новый статус современной столицы. Отражение национальной и региональной самоидентификации наблюдается на внешнем виде фасадов, кровли зданий и сооружений. Куполовидные крыши административных зданий удачно сочетаются с

объектами, повторяющими средневековые башенные строения с пирамидально-ступенчатой крышей. Проектируемые здания во многом отличаются от типовых строений более ранней советской и российской градостроительной политики.

Его позиционирование происходит через призму древней и средневековой истории Аланского государства. В этом смысле можно утверждать, что город является результатом долгого исторического процесса, его борьбы за право на существование.

Древний город Магас находился на пересечении торговых путей с юга на север, с востока на запад. Его выгодное и привлекательное геоэкономическое расположение послужило также одной из причин гибели города. Точная дата его возникновения неизвестна. Только археологические находки из-под его руин свидетельствуют о былом экономическом и политическом значении древнего Магаса. Эпоха его расцвета приходилась на X – начало XIII вв. При раскопках культурный слой составлял от 0,8 до 2,4 м. пепла. Артефакты подтверждают развитие таких ремесел, как гончарное, железное, ювелирное, ткацкое, кожевенное, а также земледелие, скотоводство. Датируются находки на территории бывшего Магаса от III тысячелетия до нашей эры по XIII – XIV века нашей эры [10].

История древней столицы известна с X века, когда появились первые письменные свидетельства арабского автора, современника описанных событий, Ибн Руста в сочинении «Мурудж аз захаб» (Золотые истоки). Автор упоминает в нем царство Алан (ал-Лан) [11, с. 221-238]. Название города стало известно благодаря повествованию о том, что «В 1240 г. пала под натиском монголов столица аланов – город-крепость Магас» [12, с. 57]. По свидетельству Джувейни, современника событий взятия Магаса монголами, было убито 270 тысяч человек и от города Магас завоеватели оставили только имя. Из всех намеченных к завоеванию и покорению городов Восточной Европы, в монгольской и китайской хрониках упоминаются Киев, Рязань и Магас. После завоеваний, произведенных в Восточной Европе, Хан Батый докладывал верховному хану Угэдэю: «После большого боя за город Рязань в 11 месяце 1239 года дошли до города асов Мэ(а)цеосы. Город, благодаря своей неприступности, долго не сдавался. В 1240 году в первом месяце с готовыми умереть одиннадцатью храбрецами взобрался по осадным лестницам, вперед же поставили одиннадцать пленников и город пал. Хан-ху-сы (Правитель владения асов) с народом подчинился Угэдэю» [2, с. 283]. Таким образом, закончилось героическое противостояние немногочисленных защитников Магаса монгольским завоевателям. Через 754 года город вновь возродился и приобрел культурный, политический и цивилизационный аспекты столичности.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что на протяжении двадцати семи лет был написан ряд научных работ, посвящённых новой столице и его древней истории. Маммаев Х.М. в своей статье рассматривает полученные результаты по изучению катакомбных погребений конца V века на левом берегу р. Сунжа, обнаруженных в ходе строительных работ в г. Магасе. Инкрустированные ювелирные изделия, обнаруженные в погребении, автор связывает с богатыми владельцами верхнего слоя аланского общества, как свидетельство распространения здесь т.н. интернациональной княжеской моды [4, с. 55-71].

Несмотря на многочисленные находки, подтверждающие нахождение древнего города на том месте, где построен новый, некоторые ученые до сих пор пытаются пересмотреть гипотезы относительно места размещения древней столицы и приводят свои версии локализации столицы Аланского государства. По их мнению «…проблема вполне может быть отнесена к кругу дискуссионных…» [5].

К вопросу о локализации средневекового Магаса обращается в своем исследовании Фоменко В.А. Автор «кратко характеризует эти версии с указанием недостатков, связанных с трактовкой источников. Выясняется степень соответствия конкретных археологических памятников времени существования и описаниям фортификации Магаса и окружающего ландшафта» [6, с. 170-173].

В исследовании, посвященном современным подходам к управлению и проектированию «городов будущего», Магас представлен как лучший проект «умного города», в котором использованы новейшие инновационные подходы и решения, отвечающие всем вызовам меняющегося мира [1, с. 150-152]. Работа, посвященная единственному новому городу – столице российского региона, в котором автор аргументирует необходимость создания новой столицы Республики Ингушетия через призму социально-экономического и общественно-политического состояния региона в

предшествующий до принятия решения о строительстве новой столицы период, принадлежит Куркиевой Х.М. [3, с. 68-86]. Кроме того, автор представил основные положения генерального плана города Магас и опыт его реализации, развитие экономики и социальной сферы города.

Процесс урбанизации в эпоху глобализации, по мнению В. Хубуловой, приобретает особое значение для решения проблем социально-экономического и экологического характера. В этой связи, автор характеризует формирование и развитие инновационной городской среды, в основании которой заложена «умная» инфраструктура, т.е. образование нового поколения городов – «Smart Citi». Реализация концепции «умного» города – это стратегический процесс, основанный на реализации цифровых технологий в создании и управлении городской инфраструктурой [7, с. 168-171].

Таким образом, изучив и проанализировав ряд источников, презентующих город Магас, мы пришли к выводу, что внимание как к самой столице, так и к ее богатой истории, бесспорно, актуализирует рассматриваемую проблему. Культурный, исторический, политический и цивилизационный признаки столичности являются здесь доминирующими.

Город стал символом величия прошлой истории и перспективы будущего народа.

Литература и источники

1. Ахциев И.М. Современные подходы к управлению и проектированию «городов будущего». Материалы VIII Всероссийской научной конференции студентов и молодых ученых «Основные тенденции развития экономики и управления в современной России». Карачаевск, 2019. С. 150-152.
2. Иванов А. Христианский Восток. История монголов (Юань-ши) об асах-аланах в переводе на русский язык. Т. 2, вып. 1. СПб. 1914 г. С. 283.
3. Куркиева Х.М. Магас: опыт создания и развития новой столицы Ингушетии. Старая и новая Москва: тенденции и проблемы развития. Сборник научных статей. Русское географическое общество. Москва, 2018. С. 68-86.
4. Маммаев Х.М. «Княжеское» погребение у г. Магас (Ингушетия). Краткие сообщения института археологии РАН. Вып. 234. М. 2014. С. 55-71.
5. Маржохов Х.И. Город Магас – столица Алании. Исторический вестник КБНЦ РАН. 2005. С. 362-373. Нарожный Е.И. Локализация города Магаса «продолжает оставаться дискуссионной, а, возможно, и никогда окончательно не решенной». ЭНЖ «Apriori. Серия: гуманитарные науки». 2016. № 4. С.1-24.
6. Фоменко В.А. К вопросу о локализации средневекового Магаса. Грамота. Тамбов, 2014. № 11 (49): в 2-х ч. Ч.2. С. 170-173.
7. Хубулова В.В. «Умная городская среда Магаса как структурный элемент «умного» города. Сборник статей международной научно-практической конференции по теме: «250 лет Единения Ингушетии с Россией: время, события, люди». Магас. 2020. С. 168-171.
8. http://docs.cntd.ru/document/412309435 Закон Республики Ингушетия от 3 февраля 2014 года N 5-РЗ «Об образовании в Республике Ингушетия» (с изменениями на 18 сентября 2020 года). (дата обращения 16.03.2021г.).
9. https://www.adm-magas.ru/index.php/istoriya/ 15 апреля 1994г. за №778 Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин подписал Указ «О строительстве столицы Республики Ингушетия».
10. https://www.adm-magas.ru/index.php/istoriya/ (дата обращения 16.03.2021).
11. http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Sirvan_Derbend/pril3.phtml?id=1900. Также см. V. Minorsky. The ancient capital of the Alans. - BSOAS, 1952, XVI/2, стр. 221-38) (дата обращения 12.03.2021г.).
12. http://www.vostlit.info/Texts/rus17/de_Bridia/frametext4.htm См. Ц. Де Бридиа. История татар. *Сборник материалов*. Т. II. С. 57 (дата обращения 01.03.2021г.).

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ ПОЛИТИКУ РОССИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (НА ПРИМЕРЕ ИНГУШЕТИИ)

Костоев З. И.

Аннотация. Статья посвящена влиянию Первой русской революции на национальную политику России на Северном Кавказе на примере Ингушетии.

Ключевые слова: Ингушетия, Северный Кавказ, регион, революция, национальная политика, военно-народное управление.

THE INFLUENCE OF THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION ON THE NATIONAL POLICY OF RUSSIA IN THE NORTH CAUCASUS ON THE EXAMPLE OF INGUSHETIA.

Annotation.The article is devoted to the influence of the First Russian Revolution on the national policy of Russia in the North Caucasus on the example of Ingushetia.

Keywords: Ingushetia, North Caucasus, region, revolution, national policy, people's military administration.

В результате Первой русской революции государственной власти стало четко понятно, что мировоззрение людей на Кавказе влияет на активность их участия в вооруженной борьбе. Очаги революционного движения были сосредоточены в Тифлисе, Баку, Батуми и в ряде других городов.

Именно в указанных городах проживала большая часть населения, способная воспринимать и реагировать на революционные идеи. В Ингушетии, которая являлась частью Северного Кавказа, больших революционных групп не было, однако они начали формироваться на соседних территориях. Революционное движение на Северном Кавказе и в частности в Ингушетии не получило такого большого распространения в силу существования этноконфессиональных барьеров.

Большая часть мусульман, проживающих на территории Ингушетии, не участвовала в деятельности революционеров, которая активизировалась в крупных городах. К 1905 г. значительная часть населения Ингушетии была представлена переселенцами из других регионов России. Во Владикавказском округе Терской губернии до 70% горожан было представлено русскими. На территории современной Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии не было городов, где свою деятельность могли бы вести революционеры.

Поэтому и в годы Первой русской революции на Северном Кавказе оказалось гораздо спокойнее, чем во многих других городах и регионах..

Вследствии ограничения для мусульман в занятии ими постов, они не были полностью интегрированы в российскую правовую систему и систему политического устройства. На территории той же Ингушетии силу имели традиционные правовые нормы, местным населением активно использовался ингушский язык, русский язык в основном использовался русскими, проживающими на территории Терской области. Поэтому между мусульманами Северного Кавказа и остальной частью России существовало некоторое непонимание.

Революционные процессы на территории Северного Кавказа не получили широкого распространения еще и по причине существования трех казачьих войск, Кубанского, Терского и Астраханского, обеспечивающих порядок. Невосприимчивым к революционным идеям оказалось само казачество и группы старообрядцев, проживающие группами на территории Северного Кавказа. Поэтому одинаковое отношение к Первой русской революции продемонстрировали казаки и мусульмане, проживающие в том числе на территории современной Ингушетии.

Революционные настроения все же проникали в областные центры и малые населенные пункты в республиках Северного Кавказа. Поэтому характерным результатом Первой русской революции стало ослабление власти в областных центрах и малых населенных пунктах. В годы Первой русской революции полностью прекратилось

железнодорожное сообщение между Северным Кавказом и остальной частью России.

Несмотря на безразличное отношение к революции в целом, в Ингушетии мусульмане и представители казачества были вынуждены изменить свое отношение к институту государственной власти по причине революционной анархии и серии поражений армии [7, с. 30]. Уже к осени 1905 г. революционное брожение дошло до деревень и равнинных районов современной Ингушетии. С начала XX века как в России в целом, так и на Северном Кавказе в частности, борьба крестьянства за землю постоянно усиливалась. Крестьянские выступления все чаще перерастали в восстания. Свой вклад в развитие революционного движения был внесен крестьянами, которые перестали платить налоги в казну и сами стали захватывать частные земли.

На фоне всего этого отмечалась и политическая активность среди образованной прослойки ингушей. Уже после революции 1905 года появились первые социал-демократы. Широкую поддержку получил С. Киров, прибывший во Владикавказ в мае 1909 года по заданию партии большевиков. Его лозунги наиболее полно отражали надежды и чаяния народов Кавказа, а незначительные меры, предпринимаемые властями, которые не могли решить ни одной проблемы: ужесточение военно-полицейского режима и объявление чрезвычайного положения в Терской области в связи с началом Первой мировой войны летом 1914 года – лишь толкали народ в сторону левого радикализма.

На территории Ингушетии в течение осени 1905 г. было совершено несколько поджогов и незаконных захватов земель. На уровне государственной власти было принято решение о направлении войск для подавления бунта. В период с осени 1905 по зиму 1906 г. только на территории Ингушетии произошло около 20 вооруженных стычек между восставшими и военными. 5 июня 1906 г. в Думу поступил запрос по поводу крупного конфликта между ингушами села Яндырка Терской области и казаками Троицко-Карабулакской, Слепцовской, Михайловской, Самаринской, Осиновской, Нестеровской и Фельдмаршальской станиц. Разгорелся настоящий бой, в котором участвовало около 2 тыс.всадников и прибывшие на подмогу 3-х казачьих сотен, батальона пехоты и пулеметной роты. Погибло 5 казаков, 7 ингушей, 30 человек было ранено. По поводу яндырских событий представители ингушей вручили свое послание депутату Думы от Харьковской губернии М.М. Ковалевскому [5]. Революционное движение на Северном Кавказе началось с городов, однако широкого участия в нем не принимали представители мусульманского крестьянства и казачества.

Большую опасность для государства представляло разложение армии. Воинские части для подавления бунта были расквартированы возле революционных центров [7, с. 31].

12 декабря 1905 года взбунтовался Осетинский конный дивизион во Владикавказе. Через несколько дней волнения дошли и до Кубани. Начиная с февраля 1906 г., революционное движение на территории Северного Кавказа пошло на убыль. Только к лету 1907 г. революция здесь была полностью подавлена.

В течение весны и лета 1906 г. правительство начало расправляться с восставшими, прошла целая серия арестов. В малых населенных пунктах в запугивании населения участвовали так называемые карательные отряды. Группы мятежников, которые были обнаружены, в том числе и на территории Ингушетии, подверглись обстрелу артиллерией [1, с. 78].

В результате Первой русской революции государственная политика в отношении населения Северного Кавказа стала более жесткой. Была установлена большая контрибуция, которую были вынуждены платить усмиренные горцы. В период 1906-1907 гг. состоялось несколько вооруженных стычек между представителями революционного лагеря и сторонниками правительства. В некоторых регионах Ингушетии эти столкновения стали приобретать национальную и конфессиональную окраску. В южной части Дагестана были отмечены стычки между группами мусульман шиитского и суннитского толка. В северо-западной части Кавказа состоялись еврейские погромы, так как численность евреев здесь была небольшой.

Стабилизация обстановки была отмечена к лету 1907 г. В годы Первой русской революции на Северном Кавказе в качестве своеобразной формы протеста властям стало движение абречества. Его представители вели активную деятельность не только в годы революции, но и после ее окончания. С ними власти боролись достаточно жестко, присылая карательные отряды.

Большая часть кавказцев не понимала социалистических идей, поэтому выступала на стороне правительства. Целые группы мусульман, проживавших в Ингушетии, входили в состав специальных батальонов, которые принимали участие в подавлении революционных выступлений в Ингушетии и соседних регионах. В составе таких батальонов были представлены мусульмане с офицерскими званиями и горцы.

В течение 1906-1907 гг. на территории Северного Кавказа для обеспечения порядка было сформировано несколько отрядов конной стражи. Они вместе с казачеством и полицией участвовали в разгоне демонстрантов. Членами таких отрядов были добровольцы. Целая группа добровольцев в составе отряда, сформированного в Ингушетии, была брошена на совершение карательных экспедиций на Кубани и Поволжье. К задачам отряда относилась охрана усадеб, помощь в сборе налогов. При необходимости участники отряда могли применить силу для подавления восставших крестьян [7, с. 30-31].

Когда началась Первая мировая война, добровольцами для включения в состав конного полка выступили мусульмане из Ингушетии. Была создана Кавказская туземная конная дивизия ,в которую наряду с ингушами .вошли и представители всех других кавказских народов.

Еще на начальном этапе Первой русской революции властями было принято решение об обеспечении судебно-административной автономии всего Кавказского края. Поэтому государственная политика была ориентирована на снижение зависимости Кавказа от институтов государственной власти, сосредоточенных в Петербурге. Положение Кавказа в годы революции и после нее больше походило на автономное, чему способствовало решение о восстановлении института Кавказского наместничества указом Николая II 26 февраля 1905 г.

Под управлением наместника находились все институты власти, начиная от армии и заканчивая судебной властью. Наместник входил в Совет министров и в то же время возглавлял Консультативный совет, а что касается системы управления на местах, то она оставалась прежней.

На территории Ингушетии функционировал режим военно-народного управления. При нем мусульманское население управлялось на основе обычного и мусульманского права, процесс управления находился под контролем российского военного начальства.

Автономное положение в организации власти занимали казачьи войска.

В 1905 г. представители народов Кавказа получили право избираться в думу, за счет чего начала свое становление оппозиционная политическая элита Кавказа. В результате осуществления такой политики в самом центре империи начала формироваться политическая кавказская диаспора [2, с. 42-57].

В 1907 г. был принят новый закон, по которому ограничения в избирательных правах получили жители восточных окраин государства. Северный Кавказ относился к окраинам, в связи с чем количество депутатов сократилось.

Поэтому в Государственной Думе с этого периода началось формирование мусульманской фракции. Уже в 1913 г. членами фракции был вынесен на обсуждение вопрос об учреждении института духовного управления мусульман, проживающих на Северном Кавказе. Дума не поддержала законопроект, поэтому представители политического истеблишмента Северного Кавказа после Первой русской революции начали входить в националистические организации на территории Закавказья.

В то же время на территории Северного Кавказа стали появляться партии социалистического направления с учетом распространения идей российского и немецкого социализма. Особого влияния на развитие Закавказья националистические партии и социал-демократы не оказывали до 1910-х гг. Политическая элита региона с выходцами из Ингушетии и других областей после революции встала в ряды оппозиционеров действующей власти. Ее представители были в Петербурге, других российских городах и даже за границей.

Постепенно происходит подготовка к революционной иммиграции с территории Северного Кавказа. В Ингушетии и других областях Кавказа в послереволюционное годы отмечается падение авторитета царской власти. Так как самодержавная власть была ослаблена в ходе революции, то этот шанс был использован оппозиционерами для укрепления своего положения. В основном работа велась подпольно и была ориентирована на захват власти в регионе [3, с. 86-95].

Таким образом, в годы революции и после нее мы можем отметить, что национальная поли-

тика на Северном Кавказе и в Ингушетии в частности имела свои специфические особенности. Большая часть населения была русской, другая мусульманской. Так как с мусульманской части взимался специальный оброк, их права были ограничены, то одним из первых шагов стала попытка укрепить свой авторитет в имперской власти. Несколько депутатов Государственной Думы от Северного Кавказа попытались инициировать рассмотрение вопросов национального и конфессионального характера. Однако эта попытка не удалась, в результате чего выходцы с Северного Кавказа устремились в ряды националистических организаций и в ряды подпольных групп для захвата местных институтов власти.

Государственная политика в отношении Ингушетии не предусматривала ни развития институтов духовного управления, ни уравнивания в правах мусульман и русских на территории республики . И это явилось одной из причин для распространения националистических идей, которые впоследствии привели к Гражданской войне. Активное участие в ней как раз принимала оппозиционная политическая элита всего Северного Кавказа.

Литература и источники

1. Ахмадов Я.З., Гапуров Ш.А. Об освещении «кавказоведческой школой» академика В.Б. Виноградова вопросов истории народов Северного Кавказа // Вестник Академии наук Чеченской республики. 2017. № 2 (13). С. 78-84.
2. Бабич И. Л., Плиев А. А. История кровной мести у ингушей и чеченцев (1870 -1960-е годы) // Юридические исследования. 2018. № 3. С. 42 - 57.
3. Бабич И. Л. Соотношение обычного права и шариата в правовой истории кабардинцев и балкарцев // Человек и общество на Кавказе. М., 2002. С. 86 - 95.
4. Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю. Российская власть и горский традиционный уклад: очерки взаимодействия в конце XVIII – начале XXI века. Славянск-на-Кубани, 2017.
5. Дарчиева С.В. Государственная дума и проблемы межнациональных отношений на Северном Кавказе. Материалы международной научной конференции (Владикавказ, 13-14 октября 2005 г.)
6. Клычников Ю.Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: В поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI вв.): Исторические очерки. Москва, 2015.
7. Сень Д.В. Дискурс империй и актуальные проблемы истории Северо-Западного Кавказа второй половины XVIII в. – начала XIX в. (проблемы и перспективы теоретического изучения) // Историко-культурные процессы на Северном Кавказе (взаимодействие, взаимовоздействие, синтез). Армавир, 2017. С. 30-31.
8. Турицын И.В. Парадоксы российского колониального опыта (на материалах Закавказья) // Современная научная мысль. - 2013. - №4. - С. 43-57.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Садулаева Т. Б.

Аннотация. В статье анализируется процесс становления понятия «политические предпочтения». Выявлена сущность данного понятия, подходы к его изучению, факторы, влияющие на формирование политических предпочтений, а также связь данного понятия с философской наукой.

Ключевые слова: политология, аксиология, индивид, социальная группа, политическое поведение, политические предпочтения, политическое участие.

POLITICAL PREFERENCES AS AN OBJECT OF POLITICAL SCIENCE RESEARCH

Abstract. This article analyzes the process of formation of the concept of “political preferences”. The essence of this concept, approaches to its study, what influences the formation of political preferences, as well as the relationship of this concept with philosophical science are revealed.

Key words: political science, axiology, individual, social group, political behavior, political preferences, political participation.

Процесс формирования политических предпочтений начинается в XIV веке в эпоху Возрождения. Картина мира, основанная на религиозных представлениях, сменяется на научно-рациональную. В период расцвета буржуазии происходит четкое разделение на классы. Такие мыслители, как Н. Макиавелли, Дж. Локк, Т. Гоббс, Вольтер оказали огромное влияние на формирование сегодняшних общественных взглядов на политику.

В широком смысле под политическими предпочтениями следует понимать определенные установки индивидов, направленные на конкретный_вид политической деятельности, например участие или неучастие в политической жизни общества, выражение согласия с установками определенных политических сил, их поддержка.

В узком же смысле политические предпочтения – это установка на определенный тип политического участия, а именно – поддержка конкретной политической партии на выборах, участие в протестах.

Как мы видим, политические предпочтения детерминируют политическое поведение в целом и голосовательное поведение в частности.

Под политическими предпочтениями А.В. Чазов понимает отношение избирателя к политической системе общества в целом, и к конкретным участникам этого процесса в частности. Это определение индивидом своей позиции в отношении к остальным участникам политического процесса [3].

В трудах отечественных и зарубежных политологов имеются различные подходы к понятию «политические предпочтения». Такими исследователями, как Е.Г. Морозова, Г.Г. Дилигенский, Г.В. Голосова разработаны модели, в которых отражен процесс формирования политических предпочтений. В той или иной степени данную проблематику рассматривали Г. Айзенк, Т. Одорно, Н. Нис, Дж. Петросик и другие [1].

Разберем более подробно теоретическую модель формирования политических предпочтений Е.Г. Морозовой. В рамках предложенной ученым классификации существуют четыре модели, объясняющие мотивы голосования:

- «социологическая»;
- «социально-психологическая»(«индивидуально-психологическая» у Г.Г. Дилигенского);
- «политико-коммуникационная» («манипулятивная» – Дилигенский);
- «рациональная» («ситуативная» – Дилигенский) [2].

Рассмотрим модель «социологического выбора». Основы этой модели были заложены Лазарсфельдом и Берельсоном. В рамках данной модели политические предпочтения определяются принадлежностью к той или иной социальной группе. Модель социального выбора является одной из наиболее распространенных, поскольку практически в каждом политическом или социологическом исследовании встречается процентное распределение политических

предпочтений среди различных социальных групп.

Модель «социально-психологического выбора» была разработана немецким философом Т. Адорно и английским психологом Г. Айзенком (в психологии), а в социологии – «Мичиганской школой» под руководством Энгуса Кэмпбелла. Согласно данной модели, политические предпочтения избирателей объясняются через психологические характеристики, формирующиеся в процессе социализации индивида, а также обуславливаются ценностями, нормами, распространенными в его окружении. Политические предпочтения данной модели менее устойчивы, чем в модели рационального выбора, но в то же время, формируясь в процессе социализации избирателя, данные предпочтения стабильны в течение всей его жизни. Избирателей могут отличать различная степень «определенности» или «устойчивости» этих установок.

Суть «политико-коммуникационной», или «манипулятивной» модели заключена в том, что выбор избирателя осуществляется под влиянием пропагандистской программы, развертываемой в СМИ, в данной модели можно отметить степень внушаемости индивида.

Модель «рационального выбора». Здесь факторы, обуславливающие выбор избирателя, основаны на индивидуальном решении путем взвешивания всех положительных и отрицательных последствий личного выбора. Политические предпочтения индивидов в рамках этой модели являются достаточно устойчивыми и сугубо индивидуальными. Данная модель представляет собой целое направление анализа политических предпочтений, осуществляемое в русле теории рационального выбора.

Политические предпочтения индивида формируются в процессе политической социализации, которая подразумевает процесс трансформации индивида в гражданина системы, его приобщение к политической культуре общества. На его формирование оказывает влияние ближайшее окружение, традиции, сложившиеся в обществе, СМИ и т.д. Процесс социализации протекает в течение всей жизни и, соответственно, его видение может трансформироваться.

Таким образом, на основе проведенного ретроспективного анализа можно сделать следующие выводы.

Проблематика аксиологии возникает вместе с осмыслением самого мира и места человека в нем, однако, теоретический фундамент изучения категории ценности был заложен в трудах философов конца XIX – начала XX веков. Начиная с периода Античности, мыслители пытались постигнуть природу ценностей, ее сущность.

Ценности отождествлялись с Бытием, в Средневековье – с божественной сущностью. Считалось, что Бог является началом, объединяющим общезначимые ценности: благо, доброта, истина и т.д. В период Нового времени мыслители акцентировали внимание на разумной природе человека, способности мыслить.

Со временем складывается целостная картина о ценностных ориентациях в системе социальных, нравственных, этических и политических отношений. Исследования немецкой классической философии послужили началом формальной институализации аксиологической науки, происходит дальнейшее ее развитие. Исследования советских ученых по изучаемой нами проблематике можно разделить на следующие подходы: первый подход характеризуется пониманием ценностей в качестве значимости предметов и явлений для индивида, а также их способности удовлетворять потребности духовного и материального характера. Второй подход заключается в рассмотрении ценностей в качестве высших идеалов. Представители третьего подхода объединяли предыдущие два и определили ценности как значимость и как идеал современности.

С точки зрения философской науки в процессе определения понятия ценности определяющими являются категории значимости и идеала, с точки зрения социологии – источник мотивации, средство удовлетворения потребностей, способ регулирования поведения, его прогнозирование. Культурология же определяет ценности через идеал, который, в свою очередь, не подлежит сомнению.

Политические предпочтения являют собой факторы восприятия действительности и деятельности людей, формирующие основания для принятия избирателем того или иного решения в момент голосования. Существует связь между ценностными установками и политическими предпочтениями. С учетом устойчивости ценностей индивида можно констатировать, что внутренние ценности детерминируют стратегии политического поведения индивида.

Литература и источники

1. Орлова Е.В. Роль образования в формировании политических предпочтений молодежи // МНИЖ. 2020. №5-2 (95). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-obrazovaniya-v-formirovanii-politicheskih-predpochteniy-molodezhi (дата обращения: 16.03.2021).
2. Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. 2003. № 3. С. 66-87
3. Политический анализ: Доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ. Вып. 4 / Под ред. Г.П. Артёмова. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2003. – 80 с.
4. Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/val/index.htm [дата обращения 18.03.2021].
5. Столович Л.Н. Аксиологический подход к эстетическим категориям в эстетическом учении Иммануила Канта // Кантовский сборник. 1991 Выпуск №1. - С. 40-48
6. Тугаринов В. П. Избранные философские труды. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988.- С. 344
7. Чазов А.В. Ценности как фактор формирования политических предпочтений: дис ... канд. полит наук. - Санкт-Петербург, 2001. – С. 162

ЭТНОЛОГИЯ и ЭТНОГРАФИЯ

ЭТИКЕТ ПРИВЕТСТВИЙ И ПРОЩАНИЙ В ИНГУШСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Агиева Л. Т.

Аннотация. Статья посвящена исследованию таких культурообразующих элементов, как речевой этикет ингушей. В работе подчеркивается значимость в ингушском обществе соблюдения традиционного речевого этикета, как регулятора коммуникативного поведения и необходимость системного изучения, сохранения традиционных национальных стилей коммуникации. Делается попытка рассмотрения речевого этикета ингушей в динамике, определения его роли и места, в современной жизни ингушей.

Ключевые слова: ингуши, приветствие, речевой этикет, прощание, ингушская культура, моральные установки, традиционное общество, быт, встреча, разговор, приглашение.

ETIQUETTE OF GREETINGS AND FAREWELLS IN INGUSH SOCIETY

Agieva L.T.

Annotation. The article is devoted to the study of such cultural-forming elements as speech etiquette of Ingush. The paper emphasizes the importance in Ingush society of adherence to traditional speech etiquette as a regulator of communicative behavior and the need for systematic study, preservation of traditional national styles of communication. An attempt is made to consider the speech etiquette of the Ingush in dynamics, to determine its role and place in modern Ingush life.

Key words: ingush, greeting, speech etiquette, farewell, Ingush culture, moral attitudes, traditional society, everyday life, meeting, conversation, invitation.

Этикет приветствий и прощаний – это лишь небольшая часть многоаспектного исследования общения, но весьма существенная. При общении, наибольшее значение приобретают «вход в этикетную ситуацию и выход из нее, начало и конец этикетного поведения», т.е. как раз, те, приветствия и прощания, которые определяют границы этикетной ситуации. В традиционной ингушской культуре, эти элементы этикета подробно разработаны и регламентированы. «Вход и выход из общения столь важны, что для этого требуется и определенный автоматизм, облегчающий эти операции, а, также, специализированный характер (особенно приветствий, различающихся по времени встречи, полу, возрасту, типу ситуации и т.п.»).

Ингушские прощания и приветствия, базируются на принципах ингушского этикета: т.е. системе моральных установок традиционного общества: почитания старших по возрасту и половозрастной иерархии, гостеприимстве, толерантности, благожелательности и т.д. В ситуации приветствия у ингушей на первый план выходят, прежде всего, принципы половозрастной дифференциации и почитания старших.

В приветствиях, ярче всего отражается смысл этикета – обозначение места общающихся в социальной иерархии, подтверждение социальной структуры общества. Возраст, пол, родственные связи, род занятий, степень знакомства имеют значение для сторон приветствующих, и определяют их поведение при встрече.

Обычай приветствовать друг друга при встрече – самый древний, из сохранившихся в обществе до наших дней – ритуал, где отражается степень воспитанности человека и уровень благоприятного впечатления, производимого им.

Поздороваться с человеком обязывают элементарные правила поведения, но это совсем не означает – самого душевного расположения к нему. При этом необходимо проявлять вежливость даже в отношении человека, который тебе не нравится и никак не связывать это с угодничеством. Так ее расценивать, можно только в том

случае, если здоровающийся, не похож на гоголевского Чичикова, который, будучи еще гимназистом, дабы, снискать к себе расположение учителя, старался несколько раз попасться к нему на глаза, и каждый раз кланялся ему с особенной учтивостью.

Игнорирование же приветствия может вызвать нежелательную, психологически нездоровую обстановку в коллективе и в других местах, а у самого человека – состояние тревоги и ущемленного самолюбия. К тому же не следует забывать о значении положительных и отрицательных эмоций, которые возникают в результате различных взаимоотношений между людьми [12, с. 327]. Все мы, живя в социуме, замечаем, что, такие, замечательные на любом языке слова как: «Здравствуйте», «Спасибо», «Пожалуйста», Извините» – располагают к себе людей, поднимая, настроение.

Н.Ф. Яковлев писал: «Быт ингуша подчинен всяким правилам тонкой обходительности, в большей мере, чем быт большинства населения наших городов и, во всяком случае, не менее чем жизнь, так называемого «высшего общества» в культурных городах. Этим и объясняется та выдержка, то уменье непринужденно держать себя на людях, которыми с первого взгляда, так выгодно отличаются ингуши» [19].

Если даже человек находится у своего дома, а другой проходит мимо, то его обязательно приглашают в дом со словами: «Воаг1алва маьрша!» // «Добро пожаловать!» «Т1ех ма вала, д1ачуг1оргда вай, тух-сискалах кхета», кийча даа хIама да» // «Не проходи мимо, заходи на хлеб-соль». Обычно, после первой такой формулы, в дом не заходят, а только ритуально отвечают: «Дика мел дар доаг1алда шунцига» / «Дукха вахалва хьо» / «Т1ехьаг1а парг1атта ваг1аргволаш воаг1аргва со» // «Пусть в ваш дом приходит только все хорошее» / «Долгой жизни тебе» / «Как-нибудь, потом зайду, чтобы спокойно посидеть».

Если прохожий намеренно не направлялся к данному человеку, то только после настоятельного приглашения (не для этикета, а от всей души) человек может согласиться стать гостем. В большинстве случаев, приветствуемый человек, любезно отказывается и благодарит: «Даьла раьза хилва шоана» / «Дала беркате хьаьший, ма эшаболба шун ц1енна» // «Пусть, Бог, будет доволен вами и пусть у вас будет, много благодатных гостей». «Дика мел дар доаг1алда шунцига, дукха вахалва хьо, т1ехьаг1а парг1атта ваг1аргволаш воаг1аргва со» // Пусть все хорошее только, посетит ваш дом, живи долго, позже зайду, чтобы свободно посидеть». Если же, он шел по делу, именно к нему, то этикетное ожидание настоятельного приглашения не является обязательным [2, с. 31-32]. В случае, встречи двух людей и взаимного приветствия, не принято сразу переходить к деловому разговору, а в соответствии, с нормами ингушского этикета, принято справиться, о делах, здоровье друг друга, благополучии членов семьи и т.д.

Согласно речевому этикету, приветствие, ингуши, выражают следующими формулами:

– «Моаршал да хьога (тебе)»… «Моаршал да шуга» *(к 2 и более) // «Здравствуйте!»…*;

– «1уйре дика хийла хьа / шун»… *// «Доброе утро»…*;

– «Ди дика хилда хьа / шун»… *// «Добрый день»…*;

«Сайре дика хийла хьа / шун»… *// «Добрый вечер»…*;

Если приветствие относится не к одному, а к нескольким лицам, то вместо «Хьа» (твой) надо говорить «Шун» (ваш).

– «Бийса даькъала, хийла хьа» / шун» *// «Спокойной ночи»…*;

– «Фу деш да шо?»… *// «Как поживаете?»…*;

– «Хьо (Шо) гуш дика хет»… *// «Рад (а) тебя (вас) видеть»…*;

– «Г1оза юийла»... // «Приятного аппетита»…;

При расставании, хорошо употреблять напутственные слова, от которых, согласно народному поверью, зависит легкий путь, удача в делах:

– «Дукха вахалва / яхийла»… *// «Будьте здоровы»…*;

– «Дика мел дар. хилда»… *//«Всего доброго» / «Всего хорошего»…*;

– «Дикача наькъа т1а, хийла / хилва хьо» / «Никъ дика хилба» / «Никъ иразе, беркате хилба»… *// «Счастливого пути»…*;

Начальным формулам общения противостоят элементы, используемые в конце общения, которые выражают пожелание: Всего доброго (хорошего) или надежду на новую встречу:

– «Саралца»… / «Гургда вай» / «Сарахьо гургда вай» *// «До вечера»... / «Увидимся»... / Увидимся вечером»;*

– «1а дика хийла»…; / «1ар дика хилда»… *// «До свидания...»*;

– «Кастта вай гургхиларах, сатувс аз»… // *«Надеюсь, на скорую встречу»...*

– «Кхоанналца»…»… // *«До завтра»...*;

Вошедший, в ингушский дом человек, после приветствия людей, в том случае, если они сидели за столом, желает им приятного аппетита: «Г1оза юийла оаш» // «Пусть пища, для вас, будет вкусной и сытной». Приветствие с рукопожатием, в этом случае исключается. На такое приветствие, вошедшего человека, отвечают: «Далла везалва хьо, хьаьша хургва хьо, 1оха, тхоца х1ама кхалла» // «Да полюбит тебя Бог, садись, гостем будешь, покушай с нами». Такого рода, отработанный традицией пригласительно-поздравительный этикет, конечно, является непременной обязанностью хозяина, местных жителей, вообще, по отношению ко всякому, не только дальнему, но и ближнему гостю.

При выражении благодарности за оказанные услуги, используются следующие выражения:

– «Доккха баркал, шоана…» // «Я благодарен вам, за»…;

– «Дала саг1а долда шун…оаш…» // «Огромное спасибо вам за…»;

– «Сайгара баркал алийта, дош а, корадаг1ац сона…» // «Нет слов, чтобы выразить свою благодарность...»;

Высказывать совет, предложения необходимо в вежливой (вопросительной или нейтральной форме):

– «Хьехар дайта, сога?» / «Де, мегаргдий аз?» / «Де йиш йий аз…?» // «Разрешите, дать совет…*?»* / «Можно дать…?»;

– «Аз, хьехар дергдар, хьона…» / «Аз, хьехам бергбар, хьона…» // «Я, посоветовал бы, тебе»…;

– «Аз хьехар ду» / «Хьехам бу…» // «Я советую»…;

Предельно вежливо и деликатно, должно выглядеть обращение с просьбой:

– «Хьайна хала деце, из де сона…» // «Если тебе не трудно, сделай это»…;

– «Даьра дергда, хало йолаш х1ама дац…» // «Конечно, сделаю, это совсем не трудно…»;

– «Хьай дукха ваха, цхьа г1улакх де сона…» // *«Будьте любезны (добры), выполните мою просьбу»...*;

– «Цхьа г1улакх де ала, йиш йий аз хьога…» // «Не могу ли я, попросить вас об одолжении…»;

– «Дукха ваха хьо…» // *«Живи долго...»;*

– «Дала, вита хьо…» // *«Пусть тебя, Бог оставит (для жизни)...»;*

– «Хьай даьссар…» // «Ради своих предков…»;

– «Боккъала…» // «Пожалуйста…»;

– «Хатта мегаргдий...?» // *«Позвольте спросить...?»;*

– «Духьал-м дац шо…?» // «Не возражаете вы…?»;

– «Доккха баркал шоана, новкъостал дарах…» // *«Большое спасибо,...за помощь...»;*

– «Сайгара баркал алийта дош а, корадаг1ац сонна…» // *«Я не могу найти слов, для благодарности...».*

Исходя из того, что, в ингушском языке, довольно много предисловий, то при обращении, с просьбой, подбирались выражения, зависящие от его характера. Высказывая комплимент, говорящий оценивает внешний вид собеседника, его профессиональные способности, нравственные качества и дает положительную оценку в целом:

– «Ч1оаг1а товш ва / я хьо»… // Вы замечательно, необычайно хорошо выглядите…;

– «Хоза / Атта да, хьоца къамаьл де» / «Ч1оаг1а эздий саг, ва хьо»… // «С вами приятно общаться» ...; «Вы, очень, воспитанный человек»…

– «Геттера дика, (нач1ал долаш, болх дика бовзаш) кулгалхо ва / я хьо»… // «Вы прекрасный (талантливый, грамотный) руководитель»…

Очень важно, каким тоном, и с какой интонацией ведется разговор. Начиная беседу, согласно речевому этикету, принято говорить обо всем, кроме того, что может нанести оскорбление или обидеть кого-либо. Говорить, рекомендуется, не очень громко, не привлекая внимания, окружающих, терпеливо слушать собеседника, не перебивая его, пытаясь доказать свою позицию, и лишь, дослушав до конца, высказать свои возражения или аргументы, в деликатной форме: «мне кажется, что…», «на мой взгляд, это не совсем так…», «я могу ошибаться, но моя точка зрения…».

Речевое поведение, говорящих зависит от возраста, где принцип почитания старших, проявляется в позах и умеренных жестах, а также, очередности приветствия. Традиционные и специфические черты, наиболее отчетливо и, в относительно чистом виде, выступают у людей старшего поколения. Тем не менее, отдельные явления в речевом поведении некоторых ингушей, как старшего, так и молодого поколения объясняются влиянием исламской религии и русского языка.

В вопросах приветствий, у ингушей обычно не возникает затруднений так как, здесь, придерживаются тех же правил, что и при знакомстве; например, молодой человек, должен первым приветствовать старшего по возрасту, или девушку; младшая по возрасту женщина или девушка – старшую женщину и мужчину. Что касается, студентов и школьников, то, они, конечно же, должны первыми приветствовать всех старших, своих учителей, преподавателей, вне зависимости от их возраста; то есть – «Хьехархо вале а, хана шийла зІамагІа волаш а, нийслу, дале а, цун сий де деза».

Как выше отмечалось, как правило, младший по возрасту или положению, первым приветствует старших, однако при встрече своего учителя или знакомого на улице, нельзя спешить здороваться с ним издалека. Три или четыре шага, вот, самая правильная дистанция для приветствия, при этом конечно никак не следует, например, держать руки в карманах, отводить взгляд в сторону, жевать что-либо, зевать и т.д.

Ч. Ахриев в статье о характере ингушей отмечал, что приветливость и добросердечие, ингуш проявляет к любому человеку, какой веры и национальности он ни был [4, с. 170]. Какова бы ни была степень знакомства, приветствие, никогда не должно быть развязным, даже если это встреча с самым близким товарищем; не следует, например, махать рукой и кричать через всю улицу: «Салам, Мага!» и т.д.

Ингушский этикет, ни в коем случае, не допускает, чтобы, та или иная сторона прибегала, не к своим формулам приветствий, так как, старшему по возрасту человеку не принято, первым приветствовать младшего: «Іуйре дика хийла хьа» // «Доброе утро», а младший отвечал старшему: «Дукха вахалва» // «Живи долго». При встрече ровесников, приходящий первым приветствует присутствующих, а младший первым приветствует, старшего человека, вне зависимости оттого, является старший приходящим или присутствующим.

Таким образом, мы можем утверждать, что «Эхь-эздел» и «ГІулакх» // «Нравственные ориентиры», на наш взгляд, взаимосвязаны, у них много общего и в то же время, у каждого из этих понятий, свои функции. «Эхь-эздел» выступает здесь, как носитель общих черт общения, поведения человека, а «ГІулакх» – это волевые (практические) качества, которые употребляются в значении понятия – дело, и таким образом, рефлектируют поведение человека.

Есть в ингушском языке, такое понятие, как «Декъа эздел». «Декъа эздел» яхаш, цхьаькха эздела белгало, я вай. Ший боарам болаш эздел лорадар-м хоза да, ца лорадича а далац, цхьабакъда ший боарамал тІехь даькккхача тІадегІа эздел оал цох, декъа эздел оал цох» [8], т.е. в основном, такой этикет характеризует человека, который соблюдает «Эздел», только на словах, а не на деле, и не обладает таким качеством, как «ГІулакх».

«Дала ма даккха, хьо, – аьннад йоах Илисха-юртарча Хьажо, – хоза гІулакх, ма дукха хила дезар-кх хьо, ер дина (религия) еш йола Іамалаш чам тоабе тосса тух санна, хилча тоъаргьяр, Іан Іахьар (зимние запасы) санна, дукха хила дезар хьо къонахчун дегІаца» [9]. Смысл данных слов в том, что Кунта-хаджи Кишиев – один из самых известных мусульманских проповедников XIX столетия считает, что нравственные категории человека, важнее его религиозности.

В ситуации прощаний принципами этических норм выступают: благожелательность и почитание старших, а, половозрастные различия отходят на второй план, при этом, важным моментом прощания, являются взаимные благопожелания и благословение старших, которые обязательны, для всех членов общества. Дистанция, между общающимися людьми, в ингушской среде, близка к максимальным пределам, причем между мужчинами-сверстниками она несколько сокращалась, между молодыми и пожилыми людьми возрастала, между мужчиной и женщиной, резко увеличивалась, а. телесные контакты между ними (последними), вообще исключались.

Современная тенденция к сглаживанию оппозиции между полами и возрастами, размывает один из принципов традиционного этикета – половозрастную иерархию, упрощает и сокращает этикетные нормы, однако не отменяет «узловые точки общения» – приветствия и прощания. Даже при упрощении, минимизации и исчезновении многих этикетных правил, которые претерпевает ингушский этикет в настоящее время, приветствия и прощания остаются обязательной его частью. Кроме предметных различий, имеющих отношение к региональным особенностям национальной культуры, на характер этикета, огромное влияние оказывают процессы урбанизации, ведущие к редуцированию традиционной ингушской культуры, ее модернизации и унификации, распространению европейских стереотипов поведения.

Как известно, отношения между людьми бывают весьма неоднозначными. Существуют отношения равноправные, неравноправные, родственные, дружеские, приятельские, теплые, холодные, высокомерные, легкие, тяжелые, натянутые, напряженные и т.п. Сложность здесь состоит в том, что все оттенки человеческих отношений, находят свое отражение в этикете, в частности в речевом. В связи с этим, культуру общения, ингуши прививали своим детям с раннего возраста. Во время общения родителей, близких родственников, гостей, во время свадеб, похорон и других торжественных мероприятий, молодые люди знакомилась с культурой своего народа; образцом для подражания им служили рассказы о славных делах их предков и т.д. Нравственная культура, чувство чести и долга, воспитанность, справедливость, смелость и отвага, являлись первоочередными в деле воспитания истинного ингуша. Все перечисленные качества человека, находили свое конкретное воплощение в ингушском этикете.

В целом, этикет в ингушском обществе подразумевает единство высокой внутренней нравственности человека с внешне достойными манерами, исходя из национальных и культурных традиций. В основе любого свода правил поведения лежит, прежде всего, безмерное уважение к человеку и проявляться оно должно, вне зависимости от его стиля жизни, социального статуса или характера, и только такая гармония, позволяет сделать поведение человека искренним и естественным.

Этикет общественной жизни, или говоря подругому общегражданский этикет – это правила и нормы, регулирующие повседневное поведение и общение людей, уважительное отношение к старшим по возрасту, мужчине, к женщине и т.д., во всех аспектах жизни. Люди соприкасаются друг с другом, в самых разнообразных, нравственно-психологических ситуациях, поэтому вопрос о том, как поступить, вести себя при общении, относиться к поведению другого человека в той или иной ситуации – приобретает особую остроту, ввиду огромной пестроты характеров, мнений, взглядов, эстетических вкусов и т.д.

Чтобы прийти к правильному решению, позволяющему сохранить свое достоинство, свои убеждения и не обидеть другого человека, нужно учесть многие обстоятельства, а именно: проявлять такт, сдержанность, настойчивость, иметь желание понять собеседника. Однако, даже добрые намерения и субъективная честность не всегда избавляют от промахов и ошибок, в которых, потом приходится раскаиваться, что знает, каждый по собственному опыту. Следует к тому же отметить, что правила этикета не являются абсолютными и выполнять их следует по сложившейся ситуации и, нормы этикета в отличие от морали, являются неписаными правилами, а их знание – важная часть формирования внутренней культуры человека. Культурный человек неукоснительно следует им, не только в общественных местах, но и будучи в кругу своей семьи.

Вообще, каждый ингуш, в зависимости от своего статуса на этом мероприятии, сам находит свое место среди людей и садится таким образом, чтобы никто не подумал, что он занял не свое место, и не пересаживал его. Этикет в ингушском обществе, требует от человека постоянного проявления внутренней культуры, основанной, прежде всего, на уважительном отношении ко всем, поэтому, можно сделать вывод, о том, что ингушский этикет, представляет собой форму социокультурного и культурно-коммуникативного проявления архетипа, составляющего суть кавказского типа личности.

В рамках всеохватного кавказского этикета, как указывает Х.Т. Тхагапсоев, сформировался «особый тип философствования, который в противовес восточному эзотерическому «внемливанию» и западному рационалистическому «умствованию», можно назвать, «действованием». Если европейская цивилизация, как принято считать, породила «человека рационального», а восточная «человека не деяния», то в данном случае можно, на наш взгляд, говорить о «человеке мобилизованном», готовом следовать алгоритму этикета» [17, с. 130-134]. Однозначно, общественная жизнь ингушей, как и ряда других народов Северного Кавказа, имеет свои поведенческие и коммуникативные особенности, носящие этикетный характер, причем, национальные нормы регулировались, в соответствии с возрастом и статусом, строгом соблюдении определенных предписаний и запретов.

Следует также заметить, что ингушскому речевому этикету не свойственна этикетная формула обращения к старшим на «Вы». В правилах общения не какая-то, одна, этикетная формула, а весь речевой этикет, продуман так, чтобы любой разговор и реплика на определенную тему, под-

черкивали почтительное отношение к старшему по возрасту, что учитывается в интонации, и в других внелингвистических средствах выражения мысли (в позе, во взгляде, в тембре и силе голоса, в темпе речи).

Основой для ингушской номенклатуры родства служат термины классификаторской системы. По словам Н. Яковлева, такие термины, как «отец» и «мать», «брат» и «сестра», «сын» и «дочь», дают ингушу выразить такие понятия как: «внук» (букв.: «сын сына» / «сын дочери») или «дед» (букв.: «отец отца» / «отец матери»). Вместе с тем, он примечает: «…слово «отец» можно понять в смысле предка вообще, а слово «сын», вероятно, обозначало, прежде всего, всякого потомка» [20, с. 44].

Своеобразным для ингушской речи, является обращение к родственникам с использованием термина родства: «Да» // «Отец»; «Нана» // «Мать»; «Да-нана» // «Родители»; «ВоІ» // «Сын»; «ЙоІ» // «Дочь»; «Воша» // «Брат»; «Йиша» // «Сестра»; «Дась-воша» / «Вoти» // «Дядя по отцу»; «Дась-йиша» / «Дaьци» // «Сестра по отцу»; «Наьна-воша» / «Вoти» // «Дядя по матери»; «Наьна-йиша» / «Наьци» // «Сестра по матери» и т.д. Обращение детей к своим дедушкам и бабушкам сохранилось в форме: «Дась-да» / «Дада // Дади» // «Дедушка», «Отец отца»; «Дась-нана» // «Нана / Нани» // «Бабушка» / «Мать отца»; «Наьна-да» // «Дада» / «Дади» // «Дедушка», «Отец матери»; «Наьн-нана» // «Нана» / «Нани» // «Бабушка», «Мать матери» и т.д.

Относительно недавно (20-30 лет назад) обращение жены к мужу и наоборот характеризовалось тем, что при посторонних людях не принято было вслух произносить жене – имя мужа и мужу – имя жены. Говоря, с кем-то о муже, жена могла использовать выражения: – «Цун» // «Его»; «Цун да» // «Его (ее) отец», имея в виду отца ребенка. Соответствующие выражения, использовал в своей речи и муж: «Цун нана» // «Его (ее) мать»; «Хьо» // «Ты» и т.д. С возрастом между супругами, широко употребляются – назывные обращения: «Воккха саг» // «Старик», «Йокха саг» // «Старуха» и т.д.

Речь старшего человека у ингушей не принято перебивать, независимо от того, нравится она, слушающим, или, нет. С раннего возраста, ингуши обучали детей культуре речи: общению со старшими дома и, вне его. В ингушской среде, недостаточно хорошее знание родного языка, рассматривается, как неуважение к собственному народу.

Коллективная жизнедеятельность людей требует, избегать нанесения людям любого оскорбления (физического, морального или психологического), не позволяя говорить или делать, что-либо, не учитывая мнение, заинтересованных, в нем, людей, причем, уделяя большое внимание своей речи. Ингушская общественная мораль предписывала, строить речь, таким образом, чтобы она, была неутомительной для слушающих; поощрялась ее краткость, с элементами юмора, которые в необходимых случаях, могли смягчить обстановку во взаимоотношениях людей.

В среде ингушей, неприемлемо в общении, как в семье, так и в общественных местах, употребление нецензурных или бранных слов, смех не должен быть громким и неуместным, а негодование – истеричным и самозабвенным. Осторожность и корректность в высказываниях, в ингушском обществе, относятся к обязательным нормам взаимоотношений.

О том же, свидетельствует также и чеченский драматург М.М. Ахмадов: «…Словесное оскорбление расценивалось наравне с насилием, произведенным при помощи оружия, поэтому любой человек держал слово и даже в разговоре со своим врагом, избегал грубых слов и оскорблений» [3, с. 205].

Приведенный выше материал, позволяет констатировать устойчивость традиционного ингушского этикета, в том числе и речевого, особенно в сельской местности. В наше время, продолжают существовать его принципы и характерные черты, как почтительное отношение к «старшим» по возрасту, социальному положению и половозрастной иерархии; бытуют традиционные основные приветственные и прощальные формулы и жесты, выражающие почтительность и дружеское расположение, не исчезли, также, традиционные этикетные нормы, связанные с гостеприимством, в частности проводы и одаривание гостей, при прощании.

Вместе с тем, в ингушском обществе идут процессы, связанные с глобализацией, т.е. модернизацией и унификацией повседневной жизни людей, упрощаются приветственные формулы, появляются новые этикетные нормы поведения, построенные по аналогии с традиционным этикетом. Наиболее одобряемыми, были и есть, нормы поведения, которые не противоречили коллекти-

визму. В связи с тем, положительными характеристиками человека признавались скромность и простота, а гордость и высокомерие, которые могли быть выражены в манерах обращения и разговоре, считались неприемлемыми, поскольку все члены ингушского общества, по большому счету, считаются, равными по отношению друг к другу, вне зависимости от их, социального статуса.

В современном мире моральный фактор в общественной жизни – это абстрактное проявление чисто человеческого измерения, а моральные требования носят характер идеалов, в связи с этим, нравственные предписания в ингушском обществе, имеют совершенно иное значение, а именно – практическую целесообразность. В прошлом, в условиях, отсутствия писаных законов, ингушская мораль, удерживала людей от опасных для общества искушений, и обеспечивала самоконтроль, даже в тех ситуациях, когда общественный контроль был затруднен.

Эффективность нравственного регулирования, в ингушском обществе, обеспечивалась также, полным соответствием морали и тех социальных, межличностных и общественных отношений, в которых воспитывался, жил, общался, трудился, проводил свой досуг, член этого общества. Так, нравственная установка на равенство членов общества, полностью соответствовала, тем социально-политическим условиям, которые составляли основу общественных отношений ингушей: отсутствие частной собственности, социальной дифференциации и т.д. Каждый этнос, как известно, существует как определенная целостность, формирует средства стабилизации социальных отношений, реализующихся в общении. Следовательно, речь является одной из форм реализации и средством регуляции социальных отношений, в этом качестве речевые фрагменты подвергаются постоянной ритуализации и служат маркерами социальных отношений [10, с. 252].

В наше время, морально-этические и коммуникативные нормы общества весьма актуальны, так как знание их, является необходимым, но не достаточным условием воспитанности человека, с выработанными устойчивыми и прочными привычками поведения, способного и умеющего производить необходимые действия, без контроля со стороны сознания – автоматически.

Не случайно, в этой связи, бытует мнение, что воспитанный человек – это не тот, кто долго думал, выбирал, прикидывал, как поступить, и наконец, принял верное решение, а тот, кто иначе поступить просто не может. Знания, умения и привычка – это те «ступени этикета», которые необходимо преодолеть для того, чтобы стать воспитанным человеком, отличающимся «естественным» культурным поведением [18, с. 247].

Степень владения речевым этикетом, определяет и степень профессиональной пригодности человека, прежде всего, это относится к государственным служащим, политикам, педагогам, юристам, журналистам и пр. Соблюдение речевого этикета, людьми лингвоинтенсивных профессий, способствует повышению, как речевой, так и общей культуры общества.

Какие же факторы, определяют формирование и использование речевого этикета? Исследователь Л.А. Введенская – так определяет эти факторы: «Речевой этикет, строится с учетом особенностей партнеров, вступающих в деловые отношения, ведущих деловой разговор: социального статуса субъекта и адресата общения, их места в служебной иерархии, их профессии, национальности, вероисповедания, возраста, пола, характера» [7].

По причине, внедрения научно-технических достижений во все сферы общественной жизни, все более, существенную роль приобретает культура человеческих взаимоотношений, поскольку профессиональная, нравственная, эстетическая, интеллектуальная культура, необходима как в быту, так и в производстве и уровень культуры людей, которые в нем живут и управляют, должен быть соответствующим. Несмотря, на упрощение некоторых норм этикета приветствий и прощаний, исчезновение определенных словесных формулировок общие принципы этикетных норм речевого этикета, ингуши все же, сохранили без существенных изменений. Необходимо подчеркнуть, что в ингушском обществе, при этом, четко регламентированы правила, разделяющие «старших» и «младших», мужчин и женщин. Приветствия, как отмечено выше, являются одной из наиболее элементарных и распространенных форм этикета. Как и, у любого народа, в ингушском обществе, имеются, свои, характерные только для него формулы приветствий.

Так с чего начинается ингушское общение? Конечно же, со старого, как свет – приветствия. Обращение к человеку при встрече с ним, с соответствующим приветствием, является элемен-

тарной обязанностью каждого человека, независимо от степени знакомства, пола и возраста, места и времени встречи. В речевом этикете ингушей, большое место занимают выражения, обращения, формулы религиозного характера, что свидетельствует, об огромном влиянии ислама и религиозного духовенства на их сознание и образ жизни людей.

В ингушском языке, существует большое число приветственных слов и устойчивых словосочетаний, приуроченных к самым различным ситуациям как: приветствие, прощание, прием гостей, посещение родственников, соседей, проведывание больных, визит по случаю сватовства, посещение свадеб, похорон и т.д. Необходимо отметить, что эта множественность, является одним из показателей развития, как самого языка, так и культуры межличностного общения его носителей. Вместе с тем, на определенном уровне развития любого языка, возникает проблема упрощения или, даже унификации речевых этикетных стереотипов. Например, в русском языке, при приветствии, вместо многих, ситуативно регламентируемых формул, вполне, успешно используется универсальное слово «Здравствуйте», а в ингушском языке, нет аналогичной формы приветствия.

Приветствия состоят, как правило, из выражений, таких как:

«1уйре дика хийла хьа (шун)!» // «Доброе утро!», «Дала аьттув боаккхалба» *// «Бог в помощь!»,* «Марша воаг1ал (ва)» *// «С приездом»!*

Немаловажно пояснить и следующую деталь, связанную с речевыми формулами ингушей, такими как: «Марша» и «Маьрша».

– Марша воаг1алва» – «Добро пожаловать»;

– Маьрша воаг1алва» – «Чтобы с миром вернулся» (то есть, в безопасности);

– «Марша» – «Когда, к тебе идут, / приходят»;

– «Маьрша» – «Когда, от тебя»;

– «Маьрша г1олва» – «Когда уходят».

Наряду с вышеизложенными формулами, в речевом этикете ингушей, сходную функцию выполняют и обще-мусульманские приветствия: «Салам lалейкум!» // букв: «Мир тебе!» и «Фу деш ва хьо?» «Мишта да хьа гIулакхаш?» // «Как твои дела?» // «Чем ты занимаешься?» (последняя формула не исключает необходимость повторить ее, после ритуала приветствия, с выраженной вопросительной интонацией). Фактически, эта формула, стала ритуальным приветственным выражением ингушей.

Первое приветствие употребительно в мужской речи и адресовано, скорое всего, только мужчине. В основном, приветствие между мужчинами разного возраста ограничиваются традиционным мужским приветствием: «Салам 1алейкум!» // «Здравствуйте!» / «Ва 1алейкум салам!» // «Здравствуйте!» При этом, если разница в возрасте, между тем, кто приветствует и его адресатом, довольно велика (например, юноша приветствует пожилого человека), то формула «Салам 1алейкум!» может оказаться неуместной, как слишком высокая по стилю.

Например, приветствие «Салам 1алейкум!» и ответ «Ва 1алейкум салам»! повсеместно употребляется в речи стариков и молодежи. Эти слова, которыми начинается сложный церемониал всякого мужского приветствия, произносит каждый ингуш, не только вблизи дома, но и в любом месте, встретившись и приветствуя представителей своей или другой мусульманской общины.

Известно, что культура общения каждого народа, имеет свою национальную специфику. Так, русские, при встрече говорят: «Здравствуйте», ингуши – «Марша воагIалва хьо!» // «Пусть будет с миром, твой приход». Общее для всех мусульман приветствие – «Салам Iалейкум» // «Мир вам». «Ассаляму алейкум!» // «Мир вам!» (дословно переводится, как «Мир на вас») – это арабское приветствие, укоренившееся в исламе и используемое мусульманами разных языковых групп. На это приветствие, мусульмане традиционно отвечают: «Ва 1алейкум салам!» *// «И вам мир!»* (дословно «И на вас Мир!»).

Формы приветствий, принятые у разных народов, по существу, означают пожелание мира, здоровья, добра, благополучия.

Что же касается нравственной культуры общения ингушей, то здесь, прежде всего, нужно говорить о подчеркнутой вежливости и тактичности в речи. Вежливость и доброжелательность в общении, составляют основу коммуникативных отношений ингушей, равно как и другие этические нормы: внимательность, уважительность, готовность оказать поддержку каждому, кто в ней нуждается.

Если говорить об обрядах приветствия у ингушских мужчин, равных по статусу и входящих в одну возрастную группу, то, они, довольно разнообразны и зависят от ситуативных обстоятельств.

Они включают в себя словесные формулировки, зачастую сопровождаемые жестами, мимикой, взглядом, молчанием, различными звуками и т.п. Такие невербальные средства общения, иногда, могут быть достаточными для осуществления некоторого взаимодействия. Следует полагать, что эти средства, сопровождающие речь, индивидуализируют речевой портрет людей, отражают душевные движения говорящего, а также подчеркивают динамику действий. Кашель также знак привлечения внимания, а его наполняемость смыслом и содержанием будет зависеть от той ситуации, в которой он используется.

Другой особенностью межличностного общения людей, является способность слушать собеседника. Поскольку, речь не представляет собой непрерывного говорения, она постоянно чередуется со ставками молчания. По мнению В.В. Богданова, использование молчания в разговоре, обусловлено универсальным законом речевого общения. Согласно этому закону, реплики собеседников появляются попеременно, а адресат и адресант, постоянно меняются ролями. «Смена ролей означает, что в некоторый отрезок времени, правом слова располагает один из коммуникантов, в то время, как другой ожидает своей очереди. Этому периоду ожидания, обычно, соответствует молчание. Оно не является пассивным, так как коммуникант, выполняющий роль адресата, воспринимает и перерабатывает в этот период сообщаемую ему информацию. Интервалы молчания адресат нередко прерывает вербальными и невербальными вставками, указывающими на то, что он внимательно слушает говорящего [6, с. 22].

Однако большой интерес, представляет коммуникативно-значимое молчание, когда собеседник, которому надлежит говорить, по какой-то причине решает промолчать. Такое поведение с учетом ситуации и контекста диалога отношений между говорящими людьми, может интерпретироваться собеседником, не получившим ответа, как замена некоего вербального содержания. При этом молчание, является знаком в том случае, если:

1. Его использование, является осознанным и намеренным со стороны отправителя;

2. Получатель осведомлен о намеренном характере молчания;

3. Отправитель и получатель, обладают общим знанием, относительно значения молчания» [16, с. 90].

Молчание, в таком случае выступает, как беззвучный аналог речи. Значимое коммуникативное молчание – это речь, не получившая звукового оформления, но сохранившая свое коммуникативное намерение. Коммуникативное молчание – имеет целью сообщить некое содержание без использования вербальных средств. В то же время, молчание не должно быть многозначным, иначе собеседник не в силах будет правильно понять его смысл, т.е. оно должно быть вплетено в общую ткань диалога, в ситуацию общения, без поддержки которой, трудно будет отыскать верное объяснение причинам молчания. Кроме того, трактовки молчания, должны учитывать социальные и психологические факторы общения.

Формула приветствия называется у ингушей «Марша воагIалва!» // «Добро пожаловать!». Ситуативно обусловленных форм приветствия у ингушей много, как было отмечено выше, их можно, соответственно, разделить на две группы:

1. По времени суток:

– «Iуйре, дика хийла хьа (шун)!» // «С добрым утром!» / «С добрым, хорошим утром, тебя (вас)!»

– «Дала Iуйре, дика йойла хьа (шун)!». // «Пусть твое (ваше) утро, будет добрым, хорошим!»

– «Ди дика, хилда хьа (шун)!» // «Добрый день!» / «Пусть, у тебя (вас), будет хороший, добрый день!»

– «Сайре, дика хийла хьа (шун)!» // «Добрый вечер!» / «Хорошего, доброго вечера тебе (вам)!»

2. По роду занятий, приветствуемых людей или приветствуемого человека, занятого любой работой, ингуши приветствуют следующим образом: «Ираз долаш болх хилба хьа!» // «Да будет твоя работа, счастливой!»

На вопрос приветствия, не рекомендуется говорить о своих проблемах. Нельзя обойти стороной и развернутые формулы приветствий: «Моаршал хаттар» / «ЦIагIа керда хIама дий, хоаттарг мел вар могаш-маьрша вий»? // «Как дела?» «Что нового дома?» «Все живы и здоровы?» Однако данное сочетание охватывает, как вопрос о делах, о «житье-бытье», так и о здоровье. Есть еще вариант формулы, с тем же назначением: «Мишта да хьа гIулакхаш?» // *«Как твои дела?»*

Между тем, классификация формул приветствий и прощаний зависит от того, когда и где, в последний раз происходила, встреча. Если же гость приезжает впервые, то расспросы бывают

детальные, и обычно, задаются такие вопросы, которые характеризует жизнь, труд, быт, состояние семьи, хозяйства и т.д. Беседа (разговор), если же, это не встреча на улице, происходит, сидя, так как разговор, стоя, считается неприличным, в силу того обстоятельства, что, ингуши, обычно, не сразу начинают деловую часть беседы, а, только после взаимных приветствий и расспросов о здоровье и благополучии. Как правило, она происходит за столом, с угощением, что является признаком уважения и гостеприимства. И, только за неинформативной частью беседы, следует деловая часть, где и, излагается цель визита, говорящего. Разговор завершается, как правило, благодарностью за угощение, пожеланием хозяевам благополучия, долгих лет жизни, а прощание сопровождается, соответствующими жестами.

Язык, являясь средством и продуктом вербализации культурной картины мира этнического сообщества, выполняет рефлекторскую функцию, которая играет важную роль в процессе инкультурации и социализации индивида, а также в формировании национально-культурного компонента в его сознании. Он также обуславливает национальную специфику ментально-лингвального комплекса представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества, то есть определяет особенности того, что хранится в сознании человека, говорящего и проявляется в коммуникации. Язык не существует вне культуры, т.е. внесоциально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни [11, с. 20]. Коммуникативная культура, ингушской речи, также, приветствует использование пословиц, поговорок, мудрых мыслей, устойчивых фразеологических единиц.

В разных этнокультурных обществах, в зависимости от той или иной стандартной коммуникативной ситуации или коммуникативной сферы, национальное языковое сознание, диктует использование определенного речевого репертуара и выбора коммуникативной стратегии и тактики. В качестве языкового средства, в полной мере, отражающего идею организации коммуникативного поведения выступают, на наш взгляд, пословицы и поговорки. По существу, они в определенной степени, являются языковым локусом, в котором зафиксирован духовный и идейный стержень национального самосознания. В нем, также, запечатлен жизненный социальный опыт народа, который накапливался и развивался веками, в условиях исторически изменяющейся окружающей действительности.

Например:

1. «Аьлча дехкеваргвола дош ма ала» // «Не произноси слово, если потом будешь каяться».

2. «Аьннача дош долаш саг ва из» // *«Человек* своего слова».

3. «Бегаш – къовсама юхьигаш» – «Лишние шуточки – начало ссоры».

4. «ДІаьхача хабарал лоаца муш тол» // «Лучше короткая веревка, чем длинный разговор».

5. «ДІаьхача дешал лоаца охк тол» // «Лучше короткий ремень, чем длинный разговор». *(«Охк» – это плетеный кожаный ремень).*

6. «Дер дайначо даьр дийцад» // «Действие потерявший, о сделанном когда-то рассказывал».

7. «Дош – лоаца, уйла – кІоарга» // «Речь – короткая, мысль – глубокая».

8. «Дош тІорме чу дахад» // Букв: «Слово в сумку попало». – «Слово не вернешь».

9. «Дукха Іийха боргІал цогало йихьай» // «Много кричавшего петуха лиса унесла».

10. «Хозача дешо лакха лоам бошабаьб» // «Красивое слово высокую гору растопило».

11. «Ши дош дола саг тешаме вац» // «Двуличный человек не надежный».

12. «Хьалха а хьеже мара ког ма баккха, тІехьа а хьеже мара дош ма ала» // «Лишь посмотрев вперед**,** ступай ногой, оглянувшись назад**,** слово скажи».

13. «Шин бордах арадаллалца хьа лай да дош, арадаьлча – хьо цун лай ва» // «Невысказанное слово у тебя в плену, у высказанного слова ты в плену».

Кроме пословиц и поговорок, ингуши, в беседе, могут приводить и «Короткие притчи» // «Даьржа кицаш».

Фразеологические единицы:

1. «Боккъал ях Іа!» (вІалла дагадоацар хаза, цецвалар) // *«Подумать только».* (Выражение удивления или восхищения, изумления, в связи с необычностью, неожиданностью чего-либо).

2. «Боккъал ях Іа?» «Тамашийна хІама да!» «Бакъ мукъагІа дий из?» // «Что ты говоришь?» «Да неужели?» «Да ну?» «Разве?» «Правда?»

3. «ГІанкара ваха» (чІоагІа тоам хинна, ткъамал ваьлча санна, хетар) // «Быть наверху блаженства». «Стать безгранично счастливым, глубоко, (вполне) удовлетворенным, (очень довольным)».

4. «Даьлах тийша ва хьо!» (аьнначох е хезачох сов цецвалар) // «Бог с тобой».

5. «Царг йоалл» (цхьаннена эгIазваха хилар) // «Держать зуб на кого-то». «Сердиться, таить злобу на кого-либо, обижаться».

6. «Дог гIоздаьнна» (геттара боккха тоам хинна, гIадвахар) // «Испытывать радость».

7. «Хургдар – хургда, гургдар – гургда» // *«Что будет, то будет, в свое время* – увидим».

8. «Баге йиллача висар» (сов цецвалар, де хIама доацаш висар) // «Разинув рот» (быть не в состоянии что-либо предпринять от удивления, изумления).

9. «Ши бIарг тIабера» (цец-амагIваьнна, фу аргда ца ховш виса хилар**)** // *«Глаза на лоб полезли»* (состояние крайнего удивления, недоумения).

Случается также, осведомляясь, ингуши, участливо, спрашивают человека, перенесшего болезнь: «Мишта хет хьона?» / «Мишта ва хьо?» / «Дарба хиларий хьона?» / «ГIойленагIа хетий хьона?» // «Ну как ты?» / «Как твое здоровье?» / «Поправился?» / «Тебе легче?». В это выражение, ингуши, вкладывают соображение – ушла ли болезнь из организма, или идет ли человек на поправку / выздоровление. В ингушском социуме существует, также, приветствие человеку, вставшему на ноги после болезни: «Дала могаш-маьрша волаш, хьай берий диках, кхевеш воахаволва хьо!» // «Дай Бог тебе жить и видеть счастье своих детей!»

Отвечают, в разных вариантах, в зависимости от близости родства, возраста и общественного положения спрашиваемого: «Баркал, дикагIа хет сона» / «Цхьа бахьан» / «Геттара, дика хет» / «Далла хоастам ба, дикагIа хет, кхы дикагIа хила йиш йоацаш» // «Хорошо, спасибо!», «Неплохо», «Нормально», «Замечательно!», «Лучше не бывает!»

На вопрос «Фу да керда хIама?» // «Какие новости?» ингуши, также, отвечают разными вариантами: «Цхьаккха, керда хIама дац» // «Никаких новостей». «Дика кхаъ ба, вайна» (… йодаш, йоагIаш, ваь…, вийрза…) // «Есть хорошие новости». «Тайп-тайпара хабараш да / «Цхьацца, къамаьлаш дувц наха» // «Всякие слухи, ходят в народе» и т.п.

Что же касается ингушского этикета, в данной ситуации, то следует отметить, что по его нормам, все эти вопросы, в основном воспринимаются как трафаретные; на них достаточно отвечать короткими этикетными формулами. Подробно, и долго, рассказывать о себе, при мимолетной встрече, неприлично. Может оказаться, что знакомый, чисто формально спросил: «Фу деш да шо?» // «Как дела?» На самом же деле, ему время не позволяет до конца выслушать собеседника, поэтому, необходимо ориентироваться по обстановке, соответствующим образом, на уровне требований народного этикета, коротко ответить на приветствие, и со своей стороны тоже, проявить интерес к собеседнику о его здоровье и делах. На ингушском языке это звучит как: «Дика доахк»; «Зенах, хIама дац»; «Шо дий, могаш?»; «Шугахьа фу да, цIагIарбараш, фу деш ба?» // *«Все хорошо, нормально, как ваши дела, здоровье?» «Что у вас нового?» «Как поживают домашние?»*

Таким образом, в этикетную часть беседы, кроме приветствий, входит и так называемый «Хаттар» // *«Вопрос»*: о состоянии здоровья собеседника, его семьи, в первую очередь стариков, родителей, о семейных делах и событиях. «Хаттар», непременно, предшествует деловому разговору и задает направление всей беседе. Особенно, высока степень ритуализации начальных и завершающих формул и, вместе с тем, их вариативность, обусловленная, например, приветствиями, различающими по времени встречи, возрасту, типу ситуации и тому подобное.

Особо неприличным, в таких случаях, считается долго и нудно рассказывать о своих болезнях или скандальных случаях на работе, в семье, у родственников и соседей. Пожилые ингуши говорят: от того, что ты, каждому встречному пожалуешься, здоровье твое не улучшится и дела твои не станут лучше. Этим, ты только убьешь время собеседника, и испортишь ему настроение.

Много в ингушском обществе, как уже выше упоминалось, специфических приветствий, связанных с пожеланиями благополучия и помощи в делах, в связи с конкретными занятиями человека. Например, «Болх беркате хилба хьа!» // «Да будет благодатной, твоя работа!»

Формы приветствия, разграничиваются и по стилю их употребления, как например, стилистически сниженное выражение *(«Привет» – «Салам»),* свойственное непринужденному общению друзей, хорошо знакомых людей. Следует отметить, что по нормам, как русского, так и ингушского речевого этикета, такая форма приветствия, не применяется по отношению к старшим по возрасту. Она, также, непригодна для приветствия гостей, незнакомых людей. На таком же, стилистическом уровне, необходимо воспринимать и формулу приветствия в русской речи: «Здоров!»

– у ингушей «Салам!». Необходимо отметить что, как и формула «Здоров!» у русских, так и формула «Салам!» у ингушей, не свойственна женской речи.

Самая распространенная форма, невербального приветствия, у ингушских мужчин – рукопожатие «Кулге бахар», «Кулг далар» – дословно «Сошлись руками».

Приветствие происходит обязательно по обычаю. Во время приветствия нельзя держать левую руку в кармане, пожимать руку кончиками пальцев, стоять, расслабившись, смотреть в сторону и т.д. Если пришедший некто на общее собрание «ПхьегIа тIа», приветствует кого-либо из знакомых рукопожатием, то правила ингушского этикета требуют от него, чтобы он пожал руки и всем остальным присутствующим.

Актуальным является тот факт, что для приветствия, мужчины друг другу всегда подавали, и подают правую руку. Предлагать что-либо, также следует, только правой рукой, так же как и принимать. Существуют определенные правила рукопожатия, которые дифференцируются по социальным и половозрастным признакам. Так, людям почтенного возраста, родственникам, представителям духовенства в знак особого почтения при рукопожатии подавали обе руки, слегка наклонив вперед голову.

В определенных ситуациях, существуют и временные ограничения на рукопожатие. Так, обмениваться рукопожатием, как отмечалось выше, не рекомендуется с трапезничающими людьми, а также приветствовать человека за проповедью, читающего Коран, совершающего молитву.

Рукопожатием не обмениваются два человека, между которыми потенциально не может быть вражды и мести. Например, руку не подают женщине (так как, с женщиной не может быть вражды, а, следовательно, и примирения не нужно). Между тем, ингушские женщины руку не подают ни друг другу, ни мужчине. Не здороваются за руку с близкими родственниками (дядей, двоюродными братьями, родными братьями, племянниками, отцом, сыном и т.д.). Между собой, близкие родственники, ограничиваются в основном, словесными знаками приветствия, у них нет необходимости в этом, так как с ними, также, исключена какая-либо вражда, а, следовательно, и примирения не требуется.

Рукопожатие ингушей, выполняет два символических значения в разных ситуациях: во-первых, то, что является актом взаимного приветствия у мужчин и, во-вторых, актом заключения мира «Кулге бигар» // букв: «Привести к руке». Смысловое значение этого – прекращение вражды, ссоры, неприязни. Считается большим оскорблением для ингушей, не принять протянутую для рукопожатия руку. Это является для них, демонстрацией крайнего осуждения и враждебности и воспринимается, как оскорбление, что может привести к серьезным последствиям, вплоть до выяснения отношений, как между ними, так и между двумя родами.

Известно, что любое мужское общение начинается с приветственных слов и рукопожатий с присутствующими мужчинами. Поэтому, обиженной стороне не понятно, в чем она провинилась, что не заслужила рукопожатия; в любом случае, она будет, настаивать и добиваться разъяснения этой причины у «оскорбивших», их честь стороны.

С давних времен, у всех народов, в том числе и ингушей, существует этикетная норма не подавать руку для приветствия в перчатке, и только голая рука означает, что у человека миролюбивые намерения и он безоружен. Где бы это ни происходило, на улице, в зимнее или прохладное время, если мужчина в перчатках, то, при приветствии, их положено снимать. Инициатива этого вида обращения у мужчин, также, должна исходить от младшего по возрасту.

У ингушей, существует четыре вида рукопожатия:

1. Обоюдное пожатие, обеими руками; первый здоровающийся пожимает обеими руками ладонь второго здоровающегося, одновременно, тоже, делает второй по отношению к первому.

2. Первый пожимает обеими руками правую ладонь второго (того, с кем здоровается).

3. Пожимает обе руки, охватывая своими ладонями, его ладони, сложенные вместе.

4. Обычное рукопожатие правой рукой. Ритуальное рукопожатие, между мужчинами играет значительную роль, также, в похоронном обряде «Таьзет». Прибывшие на «Таьзет» мужчины, во дворе читают заупокойную молитву «ДуIа», поднимают руки, на уровне груди, ладонями вверх, следом, то же самое делают находящиеся во дворе мужчины. После «ДуIа», они проводят ладонями по своему лицу и после приступают к рукопожатию. В этом обрядовом рукопожатии, не участвуют женщины.

Мужчины, выражая соболезнование женщине, не пожимают ей руку, а слегка обнимают ее одной рукой – с правой стороны «Зерат ду». В таких случаях, женщины, также, ограничиваются объятием и словесным выражением соболезнования, как между собой, так и по отношению к мужчинам. В горе же, ингуши, восклицают: «Дала тIа ма дахьалда хьо, бусалбанна а, керастанна а!» // «Да не ниспошлет Господь такое горе ни мусульманину, ни христианину!».

Приветствие, в форме обнимания «по-ингушски», немного отличается от европейской формулы, тем, что, у ингушей, принято прислоняться друг другу грудью – «МархIа кхетар». Сегодня, у ингушей, помимо приветственных объятий, допускается, еще и похлопывание друг друга по плечу, что, правда, принято, только у приятелей, и то не всегда.

Родственники и близкие люди, не видевшиеся продолжительное время, при встрече, обычно говорят: «Ма дуккха ха я вай ца гу!» // «Как давно, мы не виделись!», затем они обнимаются, похлопывая друг друга по плечу. Такое приветствие, может быть, довольно длительным. Обычно же просто обмениваются вопросами*:* «Могаш-маьрша дий?» / «Фу деш да шо?» // «Как вы поживаете?» «Живы-здоровы?» – на что обычно отвечают: «Зе дац, дика доахк» // *«Ничего, все хорошо».*

Таким образом, созданная ингушскими предками мудрая формула «Зе дац» служит подтверждением нравственно-правовой чистоты и полноценности человека в обществе, хотя с течением длительного времени, это становится уже лишь привычкой, почти формальностью, хотя и столь привычная формула, пригодна не для всякого случая. Например, при визите гостя, после, его приветственных речей и осведомления о ваших делах и самочувствии: «Х1амма дий?» «Могий?», предпочтительнее ответить ему не словами «Зе дац», которые могут показаться в данной ситуации прохладно-казенными, а выражением: / «АльхьамдулиЛлаьх1, Далла ба хоастам, дика да» «Слава Богу, все хорошо» и т.д., и затем пригласить посетителя в дом. Такой ответ с приподнятым, бодрым настроением, является своеобразным выражением того, что хозяин действительно рад приходу гостя и готов принять его подобающим образом. Исключение составляет «горевестник», оповещавший близких людей покойного (родственников и друзей) о случившемся. Когда у человека горе или неприятности, обращение к нему «Как живешь?» считается неуместной бестактностью.

Для ингушского этикета, довольно существенен факт приветствия первым. Дифференциация этикетных норм, по возрастным категориям, является одним из принципов традиционного этикета, хорошо сохранившихся в культуре общения ингушей и ныне. Ингушская культура речи, рекомендует первым здороваться со старшими, и, конечно же, подразумевает этикетное уважение к ним, проявляя ее во всех этикетных ситуациях, что особенно характерно для обществ с генеалогической структурой [14, с. 23], к каковым относятся и ингуши. Это хорошо видно в этикете приветствий. Главный принцип очередности приветствия, соблюдаемый и сегодня, – младший должен первым приветствовать старшего.

Так, ингуши при встрече двух лиц, старший из которых его брат, или какой-либо другой близкий родственник, значительно старше его самого, приветствуют сначала того, с кем они не связаны узами родства. Если вошедший в помещение человек приветствует, лишь знакомых, игнорируя остальных приветствующих, он считается у ингушей дурно воспитанным. А. Нуршаихов в книге «Истина и легенда» описывает ситуацию, когда вошедший в дом подросток поздоровался только со своим знакомым, за что его из этого дома прогнали [15, с. 114].

Каждый народ, сформировал свою культуру общения, оригинальность которой, определялась всей совокупностью факторов исторического развития данного народа. Любой народ, согласно своему менталитету, имеет свои характерные формы приветствий. Например, ингуши, в приветственной беседе, интересуются здоровьем, монголы – состоянием личного скота, американцы – делами, русские – здоровьем, немцы благополучием и т.д.

Еще интереснее, стандарты невербальных общений: китайцы в знак удивления высовывают язык, ингуши «цокают» языком «ТцIо-тцIо-тцIо», болгары покачивают головой из стороны в сторону, что означает «Да». Определенное место в культуре общения занимают формы клятв, проксематического поведения – прикосновение, жесты, движения глаз, физическая дистанция и прочее [13, с. 109-117]. Этикетными нормами являются и такие явления, как громкость речи, ее темп, интонация, смех, шепот, взгляд и т.д.

Таким образом, у ингушей произошла типизация форм в зависимости от конкретных ситуаций, в частности, приветствие гостя, путника, косаря и т.п. – «Марша воагIалва хьо!» // «Добро пожаловать!» и т.д. Существовали и традиционные нормы, регламентировавшие поведение всадника, проезжавшего мимо села или, встречавшего по дороге пеших людей. Если младший при этом, был на коне, а старший – пешим, младший останавливал коня, спешивался и, держа коня под узды в левой руке, подходил к нему с правой стороны. При этом он обязан был спросить его, не нужен ли тому конь, если же старший отказывался, то считалось хорошим тоном, когда младший провожал его на некоторое расстояние. Старший конный при встрече с пешим младшим, мог себе позволить оставаться верхом и отвечать на приветствие. Старший конный, при встрече с пешим младшим, мог себе позволить оставаться верхом и отвечать на приветствие.

При встрече мужчин – ровесников, идущий человек из селения первым приветствовал идущего в селение, спускающийся – поднимающегося, одиночка – группу, всадник – пешего и т.д. Считалось, совершенно неприличным, говорить с пешеходом, держа плеть в правой руке, ее обязательно перекладывали в левую руку. Если верховой, едущий по улице, встречал одного или несколько мужчин, то он должен был несколько замедлить шаг коня, приподняться в седле и приветствовать встречных. Обычай ингушей, допускал приветствие всадником, мужчин, находящихся на дороге, простым приподнятием правой руки, с изгибом в локте. Если всадник, встречал подводу с сидящими женщинами, то он уступал им правую сторону, женщины при этом, должны приподняться, а мужчина в знак приветствия, должен был приподнять правую руку и опустить ее.

Наши информанты еще помнят, что проезжающий верхом мимо дома человек, должен был спешиться и поздороваться с хозяевами. Еще недавно нельзя было проехать мимо аула, не остановившись в нем. Это считалось дурным тоном [5, с. 18]. По правилам ингушского этикета, не принято верхом на лошади въезжать в чужое село, а только держа коня за уздечку. Аналогичным способом должен поступить, в наше время, воспитанный молодой человек, проезжающий на автомобиле, мимо пожилого человека, выйдя из машины, приветствовать, а после поинтересоваться, не нужна ли тому, его помощь и чем он может быть ему полезен: «Воти, аз де новкъостал дий?» // «ХIама эший хьона?» – «Аз де гIулакх дий?» и, если есть такая необходимость, оказать ему услугу – помощь.

В противном случае, если он не нуждается в помощи, старик благодарит его: – «А, эшац, дукха вахалва хьо! Са сий дир Iа, Дала, сий долда хьа» // *«Нет ничего не надо, живи долго!» / «За то, что ты меня уважил, пусть Бог тебя отблагодарит!»;* «Дикача наькъа тIа хилва, хьо!» // *«В добрый путь!».* Если же старшие, заметят малейшее колебание человека, в своих намерениях оказать внимание, они не воспользуются этим предложением, не примут ваших забот, обойдутся до встречи, с более благовоспитанными людьми. Заметим, что ингушский этикет не самоцель, поэтому во всех жизненных ситуациях, придерживаться тех или иных норм поведения, люди, должны не формально, а по велению своей души и совести.

Существует, у ингушей, также, негласный этикет, принятых в обществе норм. Входящего человека, например, приветствуют вставанием. Старший, отвечает на приветствие младшего, как формулой приветствия, так и добрым пожеланием: «Дукха вахалва!» // *«Живи долго!»* и др, Подошедшего со словами приветствия человека, сидящий, в знак уважения к нему, должен встречать, стоя, полностью выпрямив свое тело, особенно, если подошедший старше по возрасту. Даже в случае, если подошедший человек моложе, этикетная вежливость требует показать свое уважение к нему – вставанием. Также сидящий, принимая приветствие, должен вставать и женщинам, когда, они, проходят по улице или же входят в комнату. Так поступают и женщины, если в комнату входит мужчина, какого бы возраста он ни был. Этот ритуал подчеркивает, особое, уважительное отношение людей друг к другу. Каждый воспитанный ингуш, или ингушка, должны знать эти этические нормативы и уметь пользоваться ими.

Так, вошедший в ингушский дом человек, после приветствия людей, сидящих за столом, желает им приятного аппетита: «ГIоза юийла оаш!» // *«Пусть пища будет вкусной и сытной!»* и только, после приглашения хозяина дома, садится за стол, вместе со всеми. На приветствие вошедшего, принято отвечать: «Далла везалва хьо!» «Хьаьша хургва хьо, Iоха тхоца хIама кхал-

ла» // «Будь любим, Богом!», «Садись, гостем будешь».

Такого рода отработанный традицией пригласительно-поздравительный этикет, конечно, является непременной обязанностью хозяина, по отношению ко всякому гостю, не только дальнему, но и ближнему. Завершая трапезу, ингуши произносят: «Дала ма эшайойла хьо бусулбанна а, керастанна а, яа мел кхеллачунна а» // «Не обдели, Господи, пищей ни мусульманина и ни христианина, и всех живущих на земле существ».

Ингуш, встретивший проходящего знакомого у своих ворот, обязан из вежливости сказать: «ТIех ма вала, хьачувола, хьаьша хургва хьо» // «Добро пожаловать в наш дом!» «Не проходи мимо». Приветствуемый собеседник, на это отвечает: «Даьла раьза хилва хьона (шоана), Дала беркате хьаьший, ма эшаболба хьа (шун) цIенна» // «Пусть, Бог будет вами доволен и пусть у тебя (у вас), будет много гостей».

Вообще у ингушей, неожиданный гость, первым дает знать о своем прибытии, приветствуя хозяев: «ЦIагIа дий шо?» // «Дома вы?» Гостя приветствует тот, кто первым встречает его: «Марша воагIалва…» и если они знакомы, называет его имя.

1. «Марша воагIалва» ***(венача везача хьаьшага оал) //*** «Добро пожаловать». Приветствие-приглашение зайти, приехать.

2. «Диканца воагIалва…» ***(эздел лорадеш чувехар, моаршал*** далар) // (Милости просим, выражение вежливого приглашения прийти, приехать в гости или войти в помещение, принять участие в беседе или сесть за стол). Войдя, в любой ингушский дом, говорят: «Дика мел дар доагIалда, укхаза!» // «Пусть сюда войдет только все хорошее!». Пришедший в гости человек отвечает: «Моаршалца вахалва!» // «Чтоб ты жил в мире и благополучии» – мужчине и «Моаршалца яхийла» // «Чтобы ты жила, в мире и благополучии» – женщине. Обмен приветствиями служат в качестве хорошего тона и в тех случаях, когда люди совершенно незнакомы друг с другом.

Одним из важных элементов ингушского этикета является то, что ингуши, приветствуя другого, выражают благожелательность, а при встрече знакомого и родственника – радость.

В составе мужского приветствия, считаются непозволительными различные похлопывания, постукивания; мужчины минимально используют мимику и жесты во время общения. У женщин, они являются и вовсе запретными; дружеские похлопывания по плечу, легкие объятия между представителями одного пола, считаются допустимыми с друзьями – ровесниками, подругами, близкими родственницами.

Сегодня, у каждого человека, как никогда остро стоит вопрос об ответственности за свою позицию, за нравственность, за видение будущего своего народа. Очень важно, научить молодых людей, используя мудрость старшего поколения, искусству и культуре ведения полемики, как по общественным, так и по этическим вопросам. В ингушском языке, существуют большое число приветственных слов и устойчивых словосочетаний, приуроченных к самым различным ситуациям. Надо полагать, что эта множественность, является одним из показателей развития, как самого языка, так и культуры межличностного общения его носителей.

Так, традиционные правила, согласно ингушскому этикету, соблюдаются и при появлении старших родственников «Гаргара нах» и не родственников / посторонних людей «Хийра нах», а также, при обращении к незнакомому человеку и по отношению к любому, вновь прибывшему человеку. Все присутствующие, при этом вставая, сосредотачивают внимание на нем, ожидая его приветствия, после обмена приветствиями (все они по существу означают пожелание здоровья, добра, благополучия), рассаживаются строго по этикету. В данном случае, здесь может не распространяться критерий возраста, если этот человек для данного дома – «Бехке» – почетен. В данном случае, здесь может не распространяться критерий возраста, если этот человек для данного дома – «Бехке» – почетен. В таком случае, несмотря на возраст, ему необходимо оказывать особые знаки уважения. В свою очередь, вновь прибывший человек, благодарит за оказанное уважение и предлагает всем садиться. Женщины и девушки в присутствии мужчин не садятся (исключение составляют лишь пожилые женщины), они остаются стоять или присоединяются к женщинам, в другой части дома или двора.

Соблюдение этических норм поведения, актуально и в общественном транспорте. Согласно этим нормам, когда, в общественный транспорт, входят люди старшего поколения, находящиеся там пассажиры, младшие по возрасту, должны предложить им свои места.

Вошедшие в транспорт садятся и благодарят их, в разных вариантах: «Дала иразах кхеволва хьо!» // «Счастливой жизни тебе!»; «Дукха вахалва» // *«Живи долго»;* «Хьай дай-наьна юхь елайойла Іа» // «Да принесешь ты радость, своим родителям»; «Са сий дир Іа, Дала сий долда хьа» // *«Ты меня почтил, пусть Бог тебя благословит»;* «Дала ха йІаьхйойла хьа!» // *«Пусть Бог даст тебе долгой жизни».*

Рассматривая этику межличностных отношений, невозможно не отметить, такие явления в системе обычаев и традиций народа, как внимательность, чуткость, уважительное отношение к людям, не умаление их достоинств, не задевание и не уязвление их самолюбия и т.д.

Входящие в кодекс чести ингушей, такие нравственные категории как: учтивость, благожелательность, скромность, сдержанность, уважение к старшим, человеколюбие, благопристойность, мудрость, искренность и правдивость являются основными критериями национального характера. Это и объясняет чувство собственного достоинства, накладывающего отпечаток на поведение горца. Согласно этому, предки ингушей, очень строго, придерживались установленных между ними норм обхождения с окружающими, форм обращения и приветствия, поведения в общественных местах.

Одной из задач изучения традиционного ингушского речевого этикета, является его дифференциация. Компонентами, усиливающими просьбы: обращения-пожелания, выступающие в роле русского «Пожалуйста» являются: «Хьанехк, маршкиш» (дехарца оалар) // «Будь добр, пожалуйста, прошу»; «Дукхаваха», «Хьай дукха ваха» (яха) // «Долго живи». Приведем примеры просьб, расширяющих их формы: «Хьай даьсара…», «Хьай наьнасара», или «Хьай даь (наьна) духьа» // «Ради отца и матери», то же самое означает и «Боккъала» // *«И в правду прошу», «Пожалуйста».*

Как известно, в условиях рыночных отношений социально-культурной среды, актуализировались также проблемы профессиональной этики и этикета, основанного на общечеловеческих морально-этических ценностях. Во многом, нормы делового этикета приобрели характер международной вежливости, в то же время, деловой этикет ингушей, содержит в себе ценности национальной культуры, которые необходимо учитывать в своем поведении и общении.

Соответственно, возникает вопрос: как вписывается традиционный ингушский этикет в его социокультурную среду, как его нормы адаптируются в профессиональной, деловой деятельности? Следует признать тот факт, что многие нормы ингушского этикета, почти полностью, соответствуют стандартам современного делового поведения, сохраняя, при этом, свою самобытность, толерантность и т.д.

Таким образом, такие формы социально-исторического опыта как: духовные ценности, традиции, ритуалы и обычаи, составляют совокупность основных символических образований, определяющих специфику этнокультуры. Очевидно при этом, что общение людей друг с другом, как в границах этноса, так и на межэтническом уровне, их взаимоотношения, специфика миропонимания, мирочувствования, их деятельность, формируют социально-исторический опыт конкретного этноса.

Обязательным атрибутом, во взаимоотношениях ингушей является нравственная категория – как прощания, которая имела свои определенные нормы. Здесь, надо говорить о целой системе обрядов и обычаев, сопровождающих прощание, основной смысл которых, состоит в том, чтобы «обеспечить», уезжающему человеку или группе людей безопасную, легкую дорогу и возможность вновь увидеться с ними. При этом в ингушском этикете прощания, помимо основного ритуала проводов, большое место занимают и словесные благопожелания.

Ингушский этикет прощания дифференцируется в зависимости от вида, прощания: расставание на короткое время (например, на один-два дня), или же на длительный срок. Для повседневного недолгого прощания, существуют распространенные (традиционно-официальные), формулы:

– «Іадика хийла, шун!» / «Іар дика хилда, шун!» // «До свидания!», «Прощайте!» / «Счастливо оставаться!»;

– «Маьрша Іалда, шо!» // *«Будьте здоровыми!»;* или, более неформальное выражение: «Диканца гулда вай!» // *«До встречи*, по хорошему поводу!». В последнее время, среди ингушской молодежи элементами формул, при прощании, нередко стали употребляться заимствованные с русского языка, выражения: «До вечера», «До завтра», «Давай», «Пока».

Человеку, который уезжает надолго, ингуши говорят: «Дала дикача наькъа тІа, волва хьо!» //

«Счастливого пути», или «Дикача наькъа тIа хилва хьо!» // *«Хорошей тебе дороги, в добрый путь»,* «Маьрша воагIалва, хьо!» // *«Вернись живым и здоровым».* Мужчины, при этом, пожимают друг другу руки, а женщины, как и при встрече, обмениваются объятиями // «МархIакхетар».

При длительных расставаниях, обряд прощания, принимает форму праздника и называется: «Накъа ваккхар» // «Проводы» – в армию, на учебу, на работу и т.д. На такие проводы, собираются родственники, друзья, соседи, при этом, уезжающие, находятся в центре внимания. К уезжающим людям, обращаются с пожеланиями и наказами достигнуть своих целей: вести себя благородно; не запятнать честь семьи, рода, предков, родного села (города), Республики Ингушетии, России в целом.

В подобного рода проводах угощение организовывается для разных возрастных групп раздельно: для стариков, людей среднего и, соответственно, молодого возраста. Здесь, как правило, специально приглашают старших представителей рода, уважаемых людей из соседей, знакомых, друзей. После угощения принято произносить специальные молитвенные благопожелания: «ДуIа», читать «Мовлат» // «Мовлид», и желать, уезжающему «Маьрша цIенах тохалва хьо!» // «Чтобы ты вернулся живым и здоровым».

Ингушские правила прощания, ориентированы на безусловную встречу в будущем, поэтому прощание с гостем, обставляется особыми этикетными правилами, как и, в ситуации приема гостей; «этикетность поведения, здесь, резко возрастает». По народному обычаю, хозяева, должны оказывать уважение к каждому гостю и показать готовность к продолжению, дальнейших контактов с ними. Словесные формулы при прощании свидетельствуют, также, о «незавершенности» общения: «ХIанз тхо мичахьа дах хайна долаш, хьачуотташ хила, тIех ма дувла» // «Теперь вы знаете, где мы живем, не проходите мимо, заезжайте».

Прощание с родственниками, зависит от близости родства, возраста и от длительности расставания. Особый, почетный ритуал существует для стариков и сватов, с ними, в соответствии с их возрастом, поочередно обмениваются рукопожатиями и, таким образом, прощаются. Принято одаривать, уходящих людей носовыми платками; в прошлом же, практиковался обычай – одаривать одеждой, оружием, конской сбруей и т.п. В ингушском обществе, во все времена, существует обычай предписывающий, покидающего его дом человека, одаривать. В этом проявлялось, «не только выполнение правил гостеприимства, но и был пережиток первобытной общности имущества» [1, с. 45].

Одаривание гостей – одна из традиционных норм ингушского этикета. При прощании, дарят подарки гостям и родственникам, в зависимости от различных обстоятельств и степени родства, знакомства, возраста // «СовгIаташ далар». За подарок, ингуши благодарят, следующим образом: «Баркала, 1а деннача хоза совг1ата» // «Спасибо, за твой прекрасный подарок». На что, давший подарок, может сказать: «Доккха х1ама дацар из-м» // «Не за что».

Прощаясь, также, принято обмениваться, такого рода, благопожеланиями:

– «Дикадар Iалда!» // «Счастливо оставаться»;

– «Бийса даькъала хийла!» // «Доброй вам ночи»;

– «Дала диканца вIашагIтохалда вай!» // «Дай нам Аллах встретиться только, в связи с радостными событиями!».

После неожиданной встречи, на улице или в общественных местах, прощаются словами: «Дала, диканца, вIашагIкхетар долда вай, хоза хет хьо бIаргавайна» (бIаргаяйна, шо бIаргадайна) // «Пусть Бог поможет нам встретиться по хорошему поводу». Если же, прощаются хорошо знакомые люди или родственники, они ограничиваются сокращенными вариантами указанных форм: «Баркал!», «Маьрша Iалда!», «Дукха вахалва!» // «Спасибо!», «Оставайтесь здоровыми!»; «Всего хорошего!», «Долгой жизни вам!» и т.д.

В той ситуации, когда прощание происходило, после выполнения какого-либо дела, вопроса или обсуждения, то прощаются словами: «Хьа гIулакх Дала диканца дIадерзадолда, Дала Iа мел леладечох, беркат долда хьона, дикача наькъа тIа хилва хьо» // «Пусть дело твое, хорошо пойдет, чтобы твое (ваше) дело, было добрым».

Гость, уезжающий или уходящий из ингушского дома, обычно прощаясь, говорит: «Шуца дикадар Iалда!» // *«Счастливо оставаться!»,* на что, хозяин дома отвечает: «Маьрша вахалва!», «Дукха вахалва!» // *«Будь здоров!»* / *«Живи долго!».* Мужчины, к тому же, обмениваются рукопожатием, а женщины ограничиваются прощальными объятиями // ***«МархIакхетар»***. При

рукопожатии, независимо от степени знакомства и родства, человек подающий руку, не должен первым ее отнимать.

В случае, когда уезжающий гость – знакомый или родственник, то хозяин дома, просит его передать здравствование деду, отцу и всем домочадцам, т.е. «Салам-моаршал ала цIагIарчарга». Прощальные слова, нередко, встречаются ответными пожеланиями благодарственного типа: «Дукха вахалва!» // «Живи долго». Рукопожатие // «Салам далар» и обнимание // «МархIакхетар», также, имеют место при прощании, и выполняются они, как и при приветствии (встрече), с большим чувством и искренностью. Проводы, как правило, выражают желание доставить радость и уважение, уезжающему человеку. В обычае прощальных благопожеланий – заложена идея, охраны, оберега гостя, старшего, женщины, детей.

В русском языке, употребительны, несколько популярных формул прощания: «До свидания!» «До встречи!» «До скорой встречи!» и т.д., а также «Прощай!» «Прощайте!». Они говорят: «Дикача наькъа тIа хилва, маьрша цIенах кхеталва!» «Дала аьнна дале, кхы а гургда вай», «ВашагIкхетаргда вай» // «Счастливого пути!», «Доброго возвращения домой!», «Даст Бог, увидимся». «1ар дика хилда» / «1адика хийла» // «Счастливо оставаться!» // «До свидания».

Следует акцентировать внимание на тот факт, что у ингушей нет этикетной формулы – разлуки навсегда. Даже умершему/покойнику, прощаясь с ним, они говорят: «Валанза Даьла воацар варгвац, дерригаш а цига хила деза вай» // «Все там будем, только один Аллах бессмертный».

Прощаясь вечером, на ночь, ингуши, непосредственно, перед сном желают друг другу: «Бийса даькъала, хийла шун!» // «Спокойной ночи!» / «Благословенной ночи!» Близким родственникам и детям, желают приятных сновидений: «Хоза гIанаш гулда» // «Пусть сон твой, будет добрым» (букв: красивым) / «Хороших, счастливых сновидений!»

По правилам ингушского этикета, говорящего не перебивают, дают возможность высказаться. Если кто-то, из присутствующих, хочет что-то уточнить, добавить, то, для начала желательно, произнести фразу: «Бехк ма баккхалахь!» // «Прости меня!», «Извините меня!» Неприличным также считается, задавать много вопросов. Реплики, громкий смех, высокомерный тон, насмешки, подшучивания в ингушском обществе, непозволительны. В то же время, в ингушском диалоге, есть немало элементов этического плана.

Слушая монолог человека, другой собеседник, вставляя свое дополнение или уточнение в его повествование, может сказать: «Хьайдар диц ма делахь!» // «Свое не забудь»; или «Хьа деша юкъе, дикадар эккхалда» // «Пусть в твой разговор, встрянет хорошее»; «Бехк ма баккхалахь, се вицвалалехь аргдар аз» // «Прости меня, я бы сказал, пока не забыл». В том случае, если кто-то выразил и изложил свои мысли раньше кого-то, то, обычно, ингуши говорят: «Сол хьалхагIа, хIама кхаьллай Iа тахан» // «Сегодня ты, раньше меня поел». В другом случае, говорят: «Шин саго цхьатарра дош оале, хьаьша воагIа» // «Когда двое, одновременно, произносят одно и то же слово, приходит гость».

Неэтичным считается также, во время группового общения обсуждать, подсчитывать доходы, напоминать о неудачах, промахах в жизни, не допускаются в общении мужчин разговоры, касающиеся женской работы по дому, как и о женщинах, вообще. Совершенно недопустимыми для мужчин, считается разговаривать и пристально смотреть собеседнику в глаза, или же, разглядывать детали его одежды.

Поведенческая культура ингушей, предусматривает также, определенный минимум расстояния между беседующими людьми, младшие по отношению к старшим, должны выдерживать дистанцию в 100-120 см. Младшему, после приветственного объятия, рекомендуется сделать 1-2 шага назад. Между разговаривающими мужчиной и женщиной, «приличная» дистанция увеличивается до 1-1,5 м, а женщинами – сокращается до 70 см. В той ситуации, когда встреча, состоялась на лестнице, то младшему по возрасту или мужчине, по отношению к женщине, рекомендовано стоять на 1-2 ступени ниже.

Дифференциация «мужских» и «женских» приветствий, в ингушском социуме, представляет собой, частный случай половой дифференциации, которая является характерной чертой традиционной культуры, и, половые различия здесь, наиболее регламентированы в этикетном плане. Словесные формулировки, ингушских женских приветствий, значительно отличаются от мужских формул. Следует отметить, что речь ингушских женщин, в основном всегда, была спокойной и неторопливой.

Традиционно, ингушские женщины, как пра-

вило, не приветствуют мужчин словами: «Ассалам Іалейкум», и не используют, их между собой. Сегодня, общее правило очередности приветствия («младший» приветствует «старшего»), действует и при приветствии между представителями разных полов. Женщина первой здоровается с пожилым мужчиной или старшим родственником мужа, вставая с места, при его появлении, исключение, из этого правила, составляли представительницы старшего поколения, этих женщин, мужчины приветствуют первыми. В основных случаях, женщина любого возраста, при появлении мужчины обязана почтить его вставанием.

Обычно, при встрече с пожилым человеком, молодая женщина спрашивает: «Воти, (даьци, нани), аз де новкъостал дий?», «ХІама эший хьона?» // «Дядя (тетя, бабушка), я могу, чем-нибудь помочь?» На что, те могут ответить: А, эшац, дукха яхийла хьо, Дала иразах кхейойла хьо, Дала хьай тІехьено елайойла хьо» // «Нет, не надо, живи долго. Дай, Бог, тебе счастья».

В речевом этикете женщин, употребляются междометия, выражающие восхищение, радость, удивление, удовлетворение, испуг, сомнение, неудовольствие и тому подобное. Междометные предложения, выражаются разными эмоциональными частицами, такими как: «Аьъ»: «Аьъ!» / «Хьо вар из» // «Ай!» / «Это ты». Или: «Аьъ, аьъ!» «Іотохар-кх Іа из!» // «Ай! Ай!» «Ты его, чуть не уронил!»; «Ой»: «Ой!» «Мича вахар, Мовсар?» // «Ой! «Куда ушел, Мовсар?»

«Ой» – обычная, неосознанная, реакция на происшествие, говорящая о потере контроля над ситуацией и используется, дабы продемонстрировать, что ляпсус, носит случайный и непредвиденный характер и никоим образом, не является, свидетельством общей некомпетентности человека или его тайного намерения. «Ой!» – является также, способом предупреждения других, о нестандартной ситуации. Шутливо подбрасывая ребенка в воздух, ингуши обычно, говорят «Ой!» или «Оппа!» В этом случае, восклицание занимает то время, когда ребенок, может почувствовать потерю опоры – ободряет его:

«Айяхь»: «Айяхь!» Лозавир из кІаьнк. – «Айяй!» // «Ушибся (больно), этому мальчику». «Ай»: «Ай», «Ай» – Іотох Іа! – «Ай!», «Ай!» // «Уронишь его». «Оффой» или «Уффой», «Эхь», «Эйшшахь», «ОстоапарлахІ // Остоафарлах1, «Ай, иббІалий» // «ИппІали», «ВаббІалий» или «Іалаьлай». Равнозначное значение к «Іалаьлай», имеют и восклицания как: «Вададай» // «Вададдай»; «Іалаьлай, ма чехка дода из хий!» // «Ой, как быстро бежит эта вода»; Вададай! Кхеравир Іа из!» // «Ой, ты напугал его!»

Типичным, является для ингушских женщин, также выражать восторг, удивление, недоумение в форме: «Ий, са Даьла!» // «О, мой Бог!»; «Ва, са Даьла!» // «О, мой Бог!» или «Ий», «Ий, Са Устаз!» // «О, мой Учитель!»

В этих изречениях – эмоции, выражают основное содержание предложений. Даже без поясняющих предложений, здесь понятен характер эмоций.

«Айяхь» – «Боязнь»;

«Вай» – «Возглас удивления, восхищения»;

«Эйшшахь» – «Возглас удивления»;

«Яй» – «Эй»;

«Йа, Аллах» – «О, Аллах!»

«Къа яІ-хьа» – «Возглас сочувствия»;

«Воай» – «Вопросительное восклицание»;

«Ов-вай, са Даьла! – «О, мой Бог!»;

«Ов-вай са» – «Междометие, выражающее боль»;

«Ва-а-а, ма к1орддаьд сона ер» – «Ва-а-а, как мне, все это надоело»;

«Са дег1аца, мел бола хьоаса айбаьб 1а» – «Ты, мне, все нервы поднял».

В ингушском языке, эмоциональную окраску могут иметь, различные типы предложений: повествовательные, вопросительные и побудительные. Недопустимыми, с этикетной точки зрения ингушей, считаются жесты и мимика, так как они могут показаться окружающим, как проявление неуважения к ним, но, тем не менее, утверждение и отрицание в речи ингушей, старшего поколения, может выражаться ими. Практикуются, и такие жесты: кивок головой направо – налево (отказ); кивок головой сверху – вниз (согласие); рукой вперед (указание); похлопывание руками по бедрам (у женщин) (удивление, потрясение); движение ладонью от себя (отвергающий жест); рукой к себе (приглашение) и т.д.

В ингушском языке, как и в русском, употребляются побуждения в обращении к животным. Например: «Цух», «Цух» или «Цухи», «Цухи» – поманить барана («УстагІага кхайкар»); «ХІа» – отгонять или погонять скотину; «Кис» – «Кис» – подзывать кошку.

В общении ингушей, крайне редко, но имеются и недобрые пожелания. Проклятья же, в своей речи, употребляли, в основном, женщины. Например:

1. «Анаша гергволва хьо»! // «Пусть, тебя, скрутит паралич»;

2. «ЦИи яла хьох»! // «Чтобы, ты сгорел»;

3. «Хьай мел венначо, вугалва хьо»! // «Чтобы, тебя, забрали все твои умершие»; 4. «Дохьаж хилда хьона цох»! // «Пусть тебе, это будет ядом»;

5. «Жинаша ваа хьо»! // «Чтобы, тебя, джины съели»;

6. «Дала паргIата ма воаккхалва хьо»! // «Дай бог, чтобы, ты, не знал покоя»;

7. «У кхеталда хьох!» // «Чтобы, ты, заразился заразной болезнью»;

8. «Истий белхалба хьох»! // «Чтобы, тебя, женщины оплакали»;

9. «Хьай наьна голаш текхае Iа»! // «Чтобы, ты, таскал кости (труп) своей матери»;

10. «ЦИийла наьк долда Iа! // «Чтобы, ты, плавал в крови»;

11. «ЦIока даттIа хьа»! // «Чтобы, у тебя, кожа лопнула»;

12. «Хьа даь йойла ц1и» // «Чтоб потух огонь, в очаге твоего отца» – Это было самое страшное проклятие, которое только можно было, пожелать.

Если, в повседневно-бытовой жизни мужчин, общепринятой формой приветствия является «Ассалам 1алейкум» // «Ва 1алейкум, салам»! то у женщин, приветствие, зависело от времени суток:

– «Iуйре дика хийла» / «Доброе утро» // «Хьа а хийла, Iуйре дика» / «И тебе, доброе утро!»;

– «Ди дика хилда» / «Добрый день» // «Хьа а хилда ди дика» / «И тебе, добрый день!»;

– «Сайре дика, хийла» / «Добрый вечер» // «Хьа а хийла сайре дика!» / «И тебе добрый вечер!»;

Как мужские, так и женские приветствия ингушей – пожелания благополучия, здоровья, добра, удачи, благословения и милости Аллаха, являются синонимами.

Литература

1. Абадиев И.У. «Эздел» (формула земной и вечной жизни). Назрань, 2005.
2. Агиева Л.Т. Ингушское гостеприимство. Магас, 2015.
3. Ахмадов М.М. Чеченская традиционная культура и этика. – Грозный, ГУП. «Книжное издательство». 2006.
4. Ахриев Ч.Э. Избранное. Под редакцией Мальсагова А.У. Назрань, 2000.
5. Байбурин А.К. Об этнографическом изучении этикета. – М., 1988.
6. Богданов В.В. Функции вербальных и невербальных компонентов в речевом общении// Языковое общение: Единицы и регулятивы.– Калинин, 1987. С. 22.
7. Введенская Л.А. Русский язык и культура речи. Справ. пособие. Ростов-на-Дону, 2002. 383 с.
8. Информатор Мерешков С.А. Житель г. Назрань, 55 лет.
9. Информатор Цицкиев Х.А. Житель с. Каским, 1919 года рождения.
10. Исаев Э.А. Этические воззрения, в системе традиционной культуры вайнахов. Южно-российское обозрение. Вып. 43. – Ростов-на-Дону, 2007.
11. Маркарян Э.С. Науки о культуре и императивы эпохи // Философские науки. М., 2000. № 2.
12. Мирзоян А.П. Мир этикета. Энциклопедия. Челябинск-Урал, Л.Т.Д., 2001.
13. Муканов М.М. Этнопсихологическая специфика невербальных коммуникативных знаков // Интеллект и речь. Психология. Вып. 2. – Алма-Ата, 1972.
14. Никишенков А.А. Традиционный этикет народ России XIX-XX в. – М., 1999.
15. Нуршаихов А. Истина и легенда. Т. 2. –Алма-Ата, 1982.
16. Почепцов Г.Г. Молчание как знак // Анализ знакомых систем: История логики и методологи науки. – Киев, 1986.
17. Тхагапсоев Х.Г. О кавказской культурной общности // Вестник Российской Академии наук. 1999. Т. 69. № 2. С. 130-134.
18. Хороший тон: Сборник правил и советов на все случаи жизни, общественной и семейной. Коллектив авторов. Изд-во «Советский писатель». М., 2002. С. 247.
19. Яковлев Н.Ф. Ингуши. М-Л., Гос. изд-во. 1925. 134 с.
20. Яковлев Н.Ф. Указ. соч. С. 44.

ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ ИНГУШЕЙ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАХСКИХ НАРОДОВ

Сагов Р. З.

Аннотация. Данная статья посвящена изучению ряда вопросов этнической истории нахских народов. Автор в своей статье полагает, что многие высказывания современных авторов неверны и не отвечают историческим реалиям. Рассматриваются высказывания исследователей по вопросам этнокультурного единства ингушей и чеченцев, а также проблема принадлежности тех или иных локальных групп тем или иным этносам. Утверждается, что некоторые авторы в своих изложениях тенденциозны. В то же время отмечается, что родство между коренными народами Кавказа имеет под собой реальную историческую основу.

Ключевые слова: историография, наука, этнонимы, этнолокальные группы, тейпы, ингуши, чеченцы, нахи, вайнахи.

ISSUES OF HISTORIOGRAPHY OF THE INGUSH IN THE CONTEXT OF PROBLEMS ETHNIC HISTORY OF THE NAKH PEOPLES

Sagov R.Z.

Annotation. This article is devoted to the study of a number of issues of the ethnic history of the Nakh peoples. The author in his article believes that many statements of modern authors are incorrect and do not correspond to historical realities. The statements of researchers on the ethnocultural unity of the Ingush and Chechens, as well as the problem of belonging of certain local groups to certain ethnic groups, are considered. It is argued that some authors are biased in their statements. At the same time, it is noted that the relationship between the indigenous peoples of the Caucasus has a real historical basis.

Key words: historiography, science, ethnonyms, ethnolocal groups, teips, Ingush, Chechens, Nakhs, Vainakhs.

Изучение процесса накопления исторических знаний и развитие исторической науки об ингушах и Ингушетии, показывает, что в ингушской историографии прослеживаются определенные тенденции, которые, на наш взгляд, красноречиво говорят сами за себя. Здесь очевидны тенденциозные подходы осмысления так и неверные интерпретации научно-исследовательских результатов. Особенно это касается вопросов этнической истории ингушей, вокруг которых уже долгое время продолжаются острые дискуссии и споры. Нередко дело доходит даже до абсурда.

Наличие определенных фактов в исторической литературе, посвященной проблемам происхождения ингушей, позволяют говорить, что наряду с объективным процессом развития науки, параллельно развивалось тенденциозное направление, которое можно характеризовать как псевдонаучное. Суть этих тенденций заключается в попытке обобщить исторические описания под мысль, что «гIалгIай» - «ингуши» это всего лишь узкое название отдельной родоплеменной группы, т.е. подвести мысль, к тому, что ингуши не являются нацией и самостоятельным субъектом истории. Некоторыми авторами предпринимаются попытки показать, что у ингушей нет собственной истории, собственной культуры, нет, так сказать, своего национально-политического «Я». Ингуши, это искусственно созданная общность людей, которая не творит свою культуру, и является участником чужой истории.

Очень часто отдельные исследователи пытаются подвергнуть сомнению сведения, недвусмысленно говорящие об ингушах, или увести проблему в «научные» дебри. Делаются попытки заболтать и запутать тему, несмотря на то, что сведения об ингушах уверенно позволяют говорить, например, об их этнокультурной связи с кобанской культурой, когда речь заходит об этногенетической связи ингушей с аланами, об этнолокальных группах ингушей. В случае установления фактов, говорящих или прямо указывающих на их родство с носителями кобанской культуры или с аланами, тем не менее, эти факты

и версии, игнорируются. В тоже время, в случае отождествления, к примеру, осетин с аланами, хоть и на косвенном свидетельстве, тем не менее, это выдается за истину последней инстанции.

Анализ историографии ингушей, позволяет обозначить основные проблемы, это: проблема этногенеза ингушей, в том числе этнокультурная принадлежность носителей кобанской культуры и исторических алан; проблема древней культуры и религиозных верований ингушей, интерпретация традиционных верований и история исламизации ингушей; тенденциозное освещение характера процесса вхождения Ингушетии в состав России; проблема массовых репрессий и депортация ингушского народа во время Великой Отечественной войны, как и участие ингушей в этой войне. Все эти проблемы актуальны и взаимосвязаны.

Наличие у ингушей своей, как сказал в свое время Е.И. Крупнов подлинной истории, яркой самобытной культуры, как храмовая и башенная культура, духовная культура, в том числе и нартский эпос, для некоторых исследователей, ничего не значит. Более того, башни, храмы, нартский эпос, как и многое другое, объявляется чужеродным явлением. Строителями башен и храмов, с их точки зрения, были то ли греки, то ли грузины, то ли какие-то монахи, кто угодно, но не ингуши, а создателями нартского эпоса вообще объявляются мифические древние иранцы. Создается впечатление, что делаются попытки подвести все это к тому, чтобы признать авторами древней культуры Кавказа кого угодно, но не кавказцев.

Мы ранее отмечали, что проблема этногенеза ингушей связана с географической зоной, т.е. «центрально-кавказской историко-этнографической областью», где следует искать этнокультурные корни ингушей, где происходило формирование ингушского народа. Поэтому, когда говорится об ингушах, об их этногенезе и этнолокальных групп, то непременно следует учитывать данный географический признак. Здесь необходимо учесть, о чем говорят данные археологии, антропологии и т.д., что позволит прийти к верному результату при исследовании этнической истории народов Центрального Кавказа.

Некоторые исследователи, как кажется, умышленно пытаются увести проблему происхождения ингушей в «научные» дебри, несмотря на то, что имеются достоверные исторические и научные сведения недвусмысленно и уверенно позволяющие говорить об ингушах и ингушской культуре, как об древнем этнокультурном образовании. Это очевидно по высказываниям исследователей, по тому, как они интерпретируют научные и исторические сведения о происхождении ингушей.

Как говориться, дьявол кроется в деталях. И в данном случае возникает вопрос, в связи с выше сказанным, о чем говорят детали научных и исторических сведений об ингушах, о чем говорят авторы относительно этногенетических корней ингушей и их этнолокальных групп?

В свое время Н.Ф. Яковлев ставил вопрос: «происходят ли чеченцы и ингуши от двух первоначально совершенно различных и по языку, и по расе народов, или они являются лишь видоизменениями, культурными вариациями одной и той же национальной массы»? [Яковлев, с. 197] Отвечая на поставленный вопрос, названный автор писал, что: «Ингуши и чеченцы, их культура и язык происходят, несомненно, из одного и того же культурно-исторического источника» [Яковлев, с. 197]. Верно ли данное замысловатое выражение, и если верно, на что основывался Н.Ф. Яковлев, делая подобное заключение?

В ходе нашего исследования попытаемся ответить на данный вопрос. Забегая вперед, отметим, что это может быть верно, относительно языка, а вопросы культуры, расы и т.п., вызывают вопросы.

Вместе с тем, предлагаем вниманию высказывания современных авторов, которые продолжают развивать концепцию Н. Яковлева и настойчиво подчеркивают идентичность ингушей и чеченцев. Так, сторонники единства ингушей и чеченцев, с большим упорством пытаются убедить всех в том, что они в недалеком прошлом представляли, да и представляют собой единый нахский или вайнахский этнос. «… Знатоки-этнографы – пишут они – видят эти два народа настолько близкими, что во многих источниках фигурируют под одним названием - вайнахи …» [Горковая]. «Чеченцы и ингуши, чётко осознают своё этническое родство, и этноним «вайнах» для них не пустой звук» [Горковая]. «Некоторые чеченцы и ингуши относятся с недоумением к информации о том, что термин вайнах как этноним был введен сравнительно недавно, а не «насчитывает тысячелетнюю историю»» [Чеснов]. «Рядовым людям странным кажется, когда говорят, что термин «вайнах» введён недавно. Они в массе своей считают, что у этого этнонима история тысячелетняя» [Гарковая].

Я.В. Чеснов пишет, что «в разделении первоначальной общности чеченцев и ингушей свою

роль сыграли ход Кавказской войны прошлого века и политика царских властей. Сейчас «простой народ» в большей мере привержен идее единства чеченцев и ингушей как одного этноса, чем творческая интеллигенция, которая склонна подчеркивать различия» [Чеснов]. То же самое пишет Л. Гарковая, что ингуши и чеченцы некогда представляли собой единую этнокультурную общность, которая «была несколько разобщена ходом Кавказской войны XIX в. и политикой царских властей» [Горковая]. Вслед за ними, тот же тезис повторяют и чеченские авторы: «Кавказская война, по большему счету, и разделила окончательно единый нахчийский этнос на чеченцев и ингушей, в том числе и через создание цепи казачьих станиц на территории нынешнего Сунженского района» [Нухажиев, с. 378]. Здесь как мы видим, термин «вайнах» заменен на вновь внедряемый термин «нахчийский».

Здесь следует отметить, что казачьи станицы, разделили не чеченцев и ингушей, а ингушей горных от ингушей равнинных, это, во-первых. А на освободившиеся от ингушей земли, пришли не только казаки, но и чеченцы с осетинами, это, во-вторых.

В попытках обоснования своей версии, сторонники единства ингушей и чеченцев пишут, что «с этнографической точки зрения можно сказать, что чеченская культура в большей мере утратила этнические ритуалы, чем ингушская. Например, у чеченцев ослаблен обычай избегания между зятем и тещей. С точки зрения ингушей чеченский обычай давать гостю суп, а не специальное мясное блюдо из баранины, куриного или индюшачьего мяса есть нарушение исконности обычая» [Чеснов]. То же самое пишет Гарковая «чеченская культура более утратила самобытность, чем ингушская, поэтому «чеченцы уже не избегают своих тёщ, как в старые добрые времена, могут накормить гостя супом, что нарушает исконность обычая. Ингуши же, как встарь, гостей кормят специальным мясным блюдом - полагается баранина, курица или индюшка, а с тёщами стараются не сталкиваться в обиходе вообще» [Горковая].

Во время возвращения ингушей и чеченцев на родину, в конце 50-х – начале 60-х гг. возникали проблемы по их приему и обустройству, и властям приходилось решать разные вопросы на месте. Проводились выездные совещания. Руководители ЧИАССР выезжали в районы с проверкой, как решаются проблемы обустройства людей. В одном из таких выездных совещаний, А.С. Трофимов, поручил В.Ф. Русину посетить Советский район, съездить в гости к первому секретарю района Денилову Хумиду, чтобы проверить, как обстоят дела в указанном районе – говорит В.Ф. Русин. В связи с этим, Русин позвонил Хумиду Денилову в Шатой и, рассказав о поручении Трофимова, спросил, когда можно ему приехать? Тот, наверное, чтобы не утруждать Русина отвечает ему: «Я к тебе сам приеду». – «Ну что ж, (говорит Русин Денилову – С.Р.) коль ты не желаешь принять друга и накрыть стол, как это принято у горцев, тогда приезжай. Я предчувствовал, что получу от тебя именно такой ответ, поэтому заказал индейку по-ингушски и шашлык из молодого барашка. Так, когда, говоришь, тебя ждать?» [Русин, с. 382]. В.Ф. Русин, хорошо знал ингушей и чеченцев. Давно жил среди них, и поэтому здесь интересно то, как он намеревался принять гостя по ингушский, т.е. накрывая традиционный ингушский стол.

Однако, по высказываниям выше приведенных авторов, следует, что, по их мнению, в прошлом у ингушей и чеченцев всё-таки была единая культура, хотя сегодня «образовалась некоторая разница». Но, надо отметить, что традиция избегания тещи, насколько известно, никогда не было у чеченцев, как нет и сегодня, и говорить в прошедшем времени, что якобы кто-то, что-то утратил, просто не уместно, тем более без наличия конкретных фактов и свидетельств. Это заводит в заблуждение не просвещенных в этнокультурных вопросах народов Северного Кавказа.

Исторические сведения свидетельствуют, что инициированные царской администрацией разнохарактерные реформы с середины XIX века, говорят, что все было наоборот, все делалось для сближения ингушей и чеченцев, о чем отмечают и сами сторонники единства. «Некогда часть Чечни была подчинена кумыкским и аварским феодалам, но чеченцы смогли к XVIII в. от этой зависимости освободиться. Эти перипетии политического антагонизма были перекрыты религиозным фактором. Сильные и постоянные импульсы ислама всегда шли из Дагестана на запад в Чечню и Ингушетию. Исламский Дагестан образует одну из силовых линий, образующих этническую идентификацию чеченцев и ингушей. Надо сказать, что много дагестанцев вошло в состав чеченцев как этнический компонент» [Чеснов, с. 26.] «Суфийский вариант ислама шел и для Ингушетии, и для Чечни со стороны Дагестана, «посредством которого чеченцы и ингуши всё более этнически «идентифицировались» [Горковая].

То есть, путем внедрения общих элементов «культуры» в бытовую жизнь через «религию», пытались формировать единые черты и традиции в бытовой жизни, что должно было послужить основой для этнической идентификации ингушского и чеченского народов.

Поэтому, Я.В. Чеснов справедливо отмечает, что «в современной политике эту этническую общность вайнахов учитывают, как чеченские, так и ингушские политические деятели» [Чеснов]. То есть, термин «вайнах» используют «политические деятели» в политических целях, а не в научных, т.е. не случайно здесь акцент делается на политику. Под эту политическую, а не научную концепцию, вероятно, и пишут историю.

В декабре 1928-го – январе 1929 г. был подготовлен план слияния Ингушетии с Чечней. Но, тогда из-за протестов руководства Ингушской области, данный план не был реализован [Шнирельман, с. 208]. Но произошло это в 1934 г., после чего «во второй половине 1930-х гг. местные власти поставили перед исследователями задачу написания истории чечено-ингушского народа, и с 1936 г. в ЧИ НИИ шел сбор необходимых для этого доказательств» [Шнирельман, с. 225]. В рамках решения партийной конференции властями было объявлено о создании «фундаментальной», с точки зрения объема работы, мифологическую историю «вайнахского народа», и эту ложную концепцию или теорию о едином народе стали широко внедрять не только в науку, но и с помощью информационных ресурсов, в общество, в сознание людей. Так, началось создания этнической истории единого вайнахского народа, и писалась эта история, как видно, в угоду геополитической номенклатуре.

В настоящее время начался очередной этап внедрения терминов и подмены понятий. Старт был дан «Первым нахским научным конгрессом» 2018 года, состоявшимся в г. Грозном, где инициировался процесс внедрения новых терминов и подмены понятий. Вместо уже «старых» научных дефиниций «нахский» и «вайнахский» предлагались новые термины «нахчийский» и «нохчий». Вероятно, это скорее следует рассматривать, как попытку логического завершения национальной политики, начатой в конце 1928-го и в начале 1929 г.

Вместе с тем, надо отметить, что все это неново. Как только не трактовалась историография ингушей. В разные времена ингушам приписывали то грузинские корни, то чеченские, то еще кого-то, то настаивают на влиянии пришлых каких-то племен на предков ингушей, что привело к этнокультурному новообразованию.

О том, что ингуши от кого-то произошли, от кого-то отпали, отделились и т.п., пытались говорить и в прошлые времена. Е.И. Крупнов приводит высказывания «историка Вахушти утверждавшего, что «кахетинцы считают своими дзурдзуков, глигвов и кистин, а они не ведают об этом с того времени, как отпали». Косвенным образом об этом же свидетельствует и грузинский историк царевич Теймураз: «Кистины, галгаи и дзурдзуки прежде говорили на грузинском языке и были христиане» [Крупнов, с. 31]. После выхода в 2011 г. фундаментальной авторской работы «История Ингушетия», чеченская общественность стала проявлять особую активность к истории так называемых нахских народов. Вышла в свет книга Х. Умхаева и Н. Нухажиева «В поисках национальной идентичности», где ингуши, надо думать, после очередного «отпада», в данном случае от чеченцев, занялись поиском своей национальной идентичности.

Особенно одной из остро дискутируемых в последнее время проблем, является проблема принадлежности тех или иных этнолокальных групп, тому или иному народу, т.е. предметом споров стали орстхойцы, аккинцы, мелхинцы и некоторые другие группы ингушей.

«Ингушско-чеченское соперничество из-за предков осложняет¬ся новым фактором, появившимся в 1990-х гг. и связанным с воз¬рождением орстхойцев. Орстхойская идентичность требует опоры на свою собственную самобытную историю (что значит, собственная самобытная история орстхойцев, в отличие от кого? – С.Р.), и в течение первого постсоветского десятилетия орстхойские интеллектуалы доказы¬вали, что те вайнахи, которые испокон веков заселяли плоско¬стные земли Чечено-Ингушетии, были их прямыми предками. В основе этой конструкции лежит обеспокоенность территориаль¬ной проблемой — ведь установление жесткой государственной границы между Чечней и Ингушетией сделает орстхойцев «разде¬ленным народом». Поэтому орстхойцы являются едва ли не самы¬ми преданными сторонниками создания единой Вайнахской рес¬публики, считая именно себя гарантом ее целостности. В этом им и помогает образ древних предков, заселявших когда-то Терско-Сунженские земли» [Шнирельман, с. 416].

Можно согласиться с утверждениями В.А. Шнирельмана, что орстхойцы, вернее его «номенклатурная» часть, «являются едва ли не

самы¬ми преданными сторонниками создания единой Вайнахской рес-публики», как и в 90-е гг., настаивавшая на сохранение Чечено-Ингушской республики. Следует отметить, что это компания началась после заявления ингушской общественности о намерении создания самостоятельной Ингушской Республики. Сигналом для начала антиингушской компании следует видимо считать публикацию статьи об истории аннексии или присоединения Сунженского района к Чечне (1929 г.) в бюллетене «Блокнот агитатора Чечено-Ингушского обкома» в конце 1988 г., что наталкивает на мысль, что эта компания имела связь с обкомом партии ЧИ АССР. Очевидно, все это сводится к идее присоединения Ингушетии к Чечне. То есть получается, что проблема не в возрождении орстхойцев, а «удаление» Ингушетии с геополитической карты Центрального Кавказа, и должно это произойти естественно путем «объединения» Ингушетии с Чечней, как в 1934 г.

Очевидно, здесь развернулась борьба не только за эти группы, и не столько за территорию этих групп, как может показаться на первый взгляд, а за этнополитический статус ингушского народа.

Некоторые исследователи Чечни склонны считать, что равнинная территория была изначально заселена чеченцами, и изначально был единый чеченский этнос. Таким образом, утверждается, что для расчленения этого единого этноса был запушен миф о «двух нахских народах». Но если даже и принять эту версию, если все этнолокальные группы, вошедшие в состав народов так называемой нахской группы языков, вошедших в состав ингушей и чеченцев, то эта группа никак не могла быть ядром, централизующим этнос. Почему? Потому, что нохчий или нохчмахкахой, находятся не в центре, а на самом краю от места расселения основного ядра этнолокальных групп, на границе с Дагестаном. Территория локализации собственно чеченцев - «нохчи» была известна под названием «Нохчи-Мохк» или «Нохче-чоь», что и явилось основанием для названия жителей этой территории «нохчамахкахой». Это территория, известна еще и под названием «Ичкерия».

Термин «Нохче-чоь» (Нохче-че), под которым подразумевается вся местность от Терского хребта до Черных гор» [История Чечни, с. 82], занимаемая собственно чеченцами-нохчи известна и как «Ичкерия», что в переводе с тюркского (кумыкского) языка означает «внутренняя», «посреди гор» земля. Под этим термином понималась «горная зона Веденского района до правобережья р. Хулхулау, весь Ножай-Юртовский район и части Гудермесского и Шалинского районов» [История Чечни, с. 82]. Примечательно отметить здесь, и то, что, по мнению авторов «Истории Чечни», собственно «нохчи» («охьара нах») не входили в объединение Дзурдзукетию [История Чечни, с. 81].

В связи с разбираемым вопросом, предлагаем остановиться на аспекте, характеризующем этнолокальную и территориальную картину ингушского народа XIX века. Важно остановиться на вопросах принадлежности тех или иных этнолокальных групп тому или иному этносу. Сегодня некоторые авторы пытаются говорить и интерпретировать сведения об этих группах тенденциозно. Поэтому, здесь следует обратиться к авторам рассматривающих этнолокальные группы?

Этнограф XIX в., знаток ингушской и кавказской действительности, Чах Ахриев пишет, что «ингуши разделяются на несколько обществ: Кистинское, Джейрахское, Назрановское, Карабулакское, Галгаевское, Галашевское и Цоринское» [Ахриев, с. 127]. Далее он пишет, что «назрановское общество составилось из переселенцев разных горских обществ, и поэтому не имеет своей самостоятельной истории» [Ахриев, с. 130]. «К числу позднейших обществ принадлежит еще Карабулакское, населявшее северо-западный угол ингушской территории. Оно составилось, как и Назрановское, из переселенцев горских обществ и не имеет никаких исторических преданий» [Ахриев, с. 130]. Это подтверждают и такие авторы, известные кавказоведы, как И.А. Гюльденштедт, А.П. Берже, Н.Ф. Грабовский и т.д. Исследователь С. Броневский рассказывая о месте расположения крепости Владикавказ, перечисляет горские общества, в том числе и ингушские общества, и наряду с Назрановским, Карабулакским и Джейрахским обществами он называет и Зауровцев, локализованных по Тереку, в районе современного города Владикавказ [Броневский, 160].

Соглашаясь с авторами XIX в., Е.И. Крупнов дает ту же самую картину этнолокальных групп ингушей. Он пишет: «Ниже мы помещаем довольно точные сведения о названиях и местоположении отдельных ингушских племен, какими располагала историческая наука в середине прошлого столетия (XIX столетия – С.Р.). Сведения эти взяты у А.П. Берже, который причислял ингушей вместе с чеченцами к единому этническому, так называемому вайнахскому массиву.

1. Назрановцы. Занимают низменные места, орошаемые реками Камбилеевкой, верхней Сунжей и Назрановкой до впадения р. Яндырки в Сунжу, и по Тарской долине. Они являются одними из первых переселенцев с гор на плоскость и здесь получили название ингушей.

2. Карабулаки (от тюркского «кара» - черный и «булак» источник). Занимают равнину, орошаемую реками Ассой, Сунжей и Фортангой, по течению которых и расположены их аулы. Сами себя карабулаки называли «арштхойцами» - «аршти». Между прочим, в районе с. Бамут на левом берегу среднего течения р. Фортанги до сих пор сохранились два небольших селения Аршти и Новый Аршти – следы некогда живших здесь карабулаков («орштхойцев»). В 1860 г. почти все карабулакское племя переселилось в Турцию.

3. Галашевцы. Расселены по рекам Ассе и Сунже. В 1851 г. их общество состояло из 30 аулов, 39 дворов (1139 мужчин и 992 женщины, всего 2131 чел.).

4. Джерахи. Проживают по обеим берегам Макалдона (осетинское название р. Армхи, правого притока р. Терек).

5. Кисты. Разделяются на ближних и дальних. Ближние расселены по ущельям Макалдона, а дальние – по ущельям р. Аргуна. Общество дальних кистин состояло в 1851 г. из 21 аула, 402 дворов, 3 267 чел. (1620 мужчин и 1647 женщин).

Общество ближних кистин сосредоточено в глубокой котловине, окруженной со всех сторон высокими хребтами, идущими от Главного Кавказского хребта и замыкающимися в долине Терека, у Джераховского укрепления, близ которого р. Кистинка (Армхи) впадает в р. Терек. В этом обществе в 1867 г. считалось 32 аула; они большею частью расположены по берегам р. Кистинки. Самый большой аул Джерах состоит из 20 дворов.

6. Галгаевцы. Обитают у верховьев р. Ассы и по берегам р. Тоба-чоч, между кистинцами, цоринцами и акинцами.

7. Цоринцы. Обитают в верховьях восточного истока р. Ассы. В 1851 г. это общество состояло из двух больших и трех малых аулов (87 дворов, 774 чел., из которых 390 мужчин и 384 женщины).

8. Акинцы. А.П. Берже считает их ингушскими племенами. Но в настоящее время большинство историков, языковедов и этнографов причисляют их к чеченцам (здесь Крупнов пишет это со ссылкой на Ю.Д. Дешериева – С.Р.), хотя, по мнению Н.Г. Ахриева, акинцы-горцы очень близки к ингушским племенам» [Крупнов, с. 36-38].

Известно, что в 1866 г. было принято решение об отделении акинцев от ингушей и присоединении их к Аргунскому округу. Вероятно, поэтому Е.И. Крупнов вынужденно писал подобным образом об акинцах, так как «территориально» они уже как бы относились к чеченцам. То же самое относиться и к осторожной оговорке Н.Г. Ахриева, который говорил, что «акинцы-горцы очень близки к ингушам» тогда как, он мог их уверенно отнести к ингушам.

Привлекает внимание перечень тейпов приводимый чеченским автором С. Дауевым, в связи с чем, становиться ясно какие тейпы и группы следует отнести к собственно чеченцам, а какие нет. Так он дает перечень чеченских тейпов (родов): Алерой, Айт-каллой, Белгатой, Бийтарой, Билтой, Беной, Барзой, Бугарой, Бавлой, Бошни, Варандой, Вашандарой, Гендаргеной, Гордалой, Гуной, Гатти, Дишни, Дерахой, Джарганхой, Жерахой, Зандакой, Ишхой, Ихарой, Куршлой, Келой, Кери стой, Кукадой, Лашкарой, Люнгихой, Мескарой, Маршалой, Могустой, Мозаргхой, Мацархой, Нашхой, Нижалой, Никарой, Ошни, Орсалой, Пхамтой, Пкиерой, Перангхой, Пешхой, Сесанхой, Саттой, Саной, Сарбалой, Санахой, Саканхой, Тезе-каллой, Тумсой, Терлой, Устар-гардой, Хаккой, Халгой, Хачарой, Хижигхой, Хилдехарой, Цонтарой, Цийлахой, Чармахой, Чуркхой, Чермой, Шарой, Ширди, Шуоной, Шунди, Эгашбатой, Энакаллой, Энганой, Элистанжхой, Эрсаной, Элтпхархой, Ялхой [Дауев, с. 160].

Как видно, среди перечисленных Дауевым тейпов нет ни одного орстхойского тейпа, как и нет многих акинских и мелхинских тейпов, за исключением нескольких, отдельных тейпов, которые, надо думать, скорее попали в данный перечень случайно. Вероятно, это потому, что орстхойские, акинские, мелхинские тейпы не имеют никакого отношения к чеченцам, собственно к «нохчи».

Названный автор утверждает, что «все эти общества, некогда объединявшиеся под этнонимом Нохч-Махкахой, теперь объединены этнонимом Нохчи (самоназвание чеченцев), которые ныне объединены под различными географическими названиями» [Дауев, с. 160, 161]. Что значит, некогда объединявшиеся под этнонимом «нохч-махкахой», а ныне под этнонимом «нохчи»? Понятно, что термин «нохч-махкахой» искусственно введен с определенной целью. Скорее всего, предпринимается попытка вывести этноним «нохчи» в качестве общенационального

названия. То есть, это навязывание самоназвания отдельной группы, собственно нохчи-чеченцев, на другие территориальные группы, как общенациональное название. Некоторые из выше перечисленных тейпов, не включались в группу «нохч-махкахой» и никогда не являлись «нохчоями». Они не относились к чеченцам, сами они себя не осознавали чеченцами, о чем и писал в свое время У. Лаудаев.

Я.В. Чеснов утверждает, что «сами чеченцы себя называют нохчий …. Ощущается, что этот этноним только-только завершил свое всеобщее распространение среди чеченцев. В памяти народа еще свежи представления, что горские группы термин нохчий относили только к обитателям «плоскости»» [Чеснов].

Как пишет В. Шнирельман «один из пер¬вых чеченских интеллектуалов У. Лаудаев (1827 — ?)', опи¬савший жизнь чеченцев в 1860-х гг., признавал отсутствие у них единого самоназвания. Он отмечал, что самоназвание «начхой» относилось лишь к населению бывшего (до 1862 г.) Чеченского ок¬руга, охватывавшего только плоскостную Чечню [Шнирельман, с. 205]. У. Лаудаев пишет «собственно Нахчой называется общество бывшего Чеченского округа; прочие-же общества, лишь поверхностно называясь этим именем, имеют каждое для себя особые названия» [Лаудаев 1872. с.4,5].

Кто такие чеченцы (нохчий), или какие тейпы следует отнести к чисто чеченскому этносу, видно и из высказываний самого Дауева. То есть, он считает «чистым» чеченским тейпом, как следует из его высказываний, того кто принадлежит, к примеру, к этнолокальной группе «нохчи». Получается, что в зависимости от принадлежности тейпа к той или иной этнолокальной группе, определяется статус-кво, т.е. чистый чеченский тейп или нет.

Вместе с тем, возникает проблема с общенациональным самоназванием чеченского этноса. Поэтому, они и пытаются обозначить как-то по-другому территориальную группу «нохчи», и надо думать потому и назвали эту группу «нохчамахкхой». То есть, ввели этот термин в научный оборот и в национальные массы как название локальной группы для того, чтобы освободить термин «нохчий» от узколокального значения. Таким образом, появилась возможность распространить название «нохчий» на все другие субъэтнические группы, чтобы одновременно это название воспринималось другими локальными группами, как равнозначное, равное для всех групп, т.е. как бы нейтральное.

Известно, что термины «нахи» и «вайнахи» были введены в связи с необходимостью как-то обозначить группу народов, говорящих на родственных языках, т.е. дать общее название группе родственных языков. Поэтому и назвали ее нахской группой. Но вместе с тем следует отметить, что необходимость введения этих терминов возникла именно из-за отсутствия общего наименования ингушского и чеченского народов, в отличие от некоторых других народов, как например, адыги, славяне, тюрки или картвелы. В связи с этим возникает вопрос, на самом деле имеют ли ингуши и чеченцы, общие корни, общих предков, известны-ли в истории названия их общих предков?

В настоящее время чеченские исследователи по-своему трактуют этноним «нохчи», принадлежность к собственно «нохчи», и значение термина «нохчи» в национальном самосознании. «Нохчи», по их мнению, общенациональное название, а «нохчамохкхой» узкогрупповое. Так они пытаются подменить понятия. Тем не менее, отдельные авторы, называя те или иные тейпы чисто чеченскими, выдают искомое, т.е. ставят знак равенства между терминами «нохчамохкхой» и «нохчий». То есть иногда все же к чистым чеченцам или к коренным чеченским тейпам относят тейпы, относящиеся к так называемым «нохчмахкхоевцам» (собственно «нохчий»).

В связи с этим, возникает вопрос, кого следует понимать под чистым чеченцем, что значит чистый чеченский тейп, если «нохчамохкхой» и «нохчий» разные понятия?

По мнению современных чеченских авторов, появилось множество басен и легенд, которые объявляют ту или иную местность «этнокультурным центром» формирования чеченского этноса, т.е. субстратная основа, вокруг которой происходило формирование чеченского этноса. В одной из таких басен, как утверждает Дауев, многие чеченские тейпы вышли из общества Нашха: агишбатой, белгатой, билтой, хаккой, ялъхой, эрсаной, цонтарой и т.д. Но также, даже с большей убедительностью доказывается, что из Нашха вышли и те, кто не считает себя чеченцами: акки, орстхой и т.д.» [Дауев, с. 219]. Получается, что некоторые чистые чеченские (нохчийские) тейпы вышли не их исторической Чечни - «Нохчи-Мохк» или «Нохче-чоь», а из «Нашха», наряду с другими, не чеченскими группами.

Именно поэтому, С. Дауев критикует Дж. Гакаева в том, что он утверждает, что «чистым» представителем чеченского этноса следует при-

знать того, кто вовсе не является таковым. Так, Дауев пишет: «… совсем непонятно, по каким критериям вайнах (заметьте не чеченец, а именно вайнах – С.Р.) Дж. Гакаев делит тейпы на «чистые» и «нечистые». К нечистым он относит «тейпы невайнахского происхождения». Поскольку понятие «вайнахи» не охватывает чеченцев (нохчи), то получается, что этнические чеченцы (нохчи) – «нечистые». И уж ни в какие рамки не укладывается утверждение Дж. Гакаева о «нечистом» происхождении древнейшего чеченского тейпа Гуной, который, по его утверждению, ведет «свою родословную от терских казаков» [Дауев, с. 219,220]. Думается, здесь и без комментариев все ясно.

Выше изложенное, возможно, нуждается в уточнении некоторых деталей, но в целом оно позволяет выстроить определенную логическую схему, которая обнажает тенденциозные высказывания отдельных авторов, стремящихся навязать свое субъективное мнение. Эти авторы считают, что так называемые нахские народы имеют единую этнокультурную природу, что ингуши и чеченцы – это в недалеком прошлом один народ, известный под названием «нохчий». Следовательно, «нохчий» играли роль цементирующего ядра в единении этого этнического целого. При этом, этноним «нохчий», название отдельной этнолокальной группы, они пытаются вывести за рамки узколокальной группы с целью использования его в качестве общенационального названия. Потому, вероятно, термин «нохчмахкахой» введен в научный оборот, чтобы подменить этим термином название этнолокальной группы «нохчий».

Наша трактовка отдельных вопросов историографии ингушей по этнической истории имеет предварительный характер с целью привлечения внимания исследователей, к данной теме рассчитывая на их объективность в изучении этой проблемы в дальнейшем.

Литература

1. Ахриев Ч.Э. Избранное // Составитель, ответственный редактор и автор научных примечаний Абу Мальсагов. Назрань, 2000. – 313 с.
2. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Москва, 1823. – 465 с.
3. Гаркавая Л. Чеченцы и ингуши - разница. Культура, традиции и история народов // https://fb.ru/article/244890/chechentsyi-i-ingushi---raznitsa-kultura-traditsii-i-istoriya-narodov April 30, 2016 г.
4. Дауев С.А. Чечня: коварные таинства истории. Издательство «Русь». Москва, 1999. – 241 с.
5. История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 1. История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2006. – 828 с.
6. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. Под редакцией В.И. Марковина и Р.М. Мунчаева. Издательство «Наука». Москва, 1971. – 207 с.
7. Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. Вып. 6.
8. Нухажиев Н.С., Умхаев Х.С. В поисках национальной идентичности. Грозный: ФГУП «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2012. – 720 с.
9. Русин В.Ф. Моя жизнь с чеченцами и ингушами. Издание второе, исправленное и дополненное. Нальчик: Эль-Фа, 2008. – 672 с.
10. Чеснов Я.В. Быть чеченцем: личность и этнические идентификации народа // https://zambek55.livejournal.com/164265.html
11. Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политики на Северном Кавказе в XX веке. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 696 с.
12. Яковлев Н.Ф. К вопросу об общем наименовании родственных народов // Записки Северокавказского горского института. Т.I. Ростов-Дон, 1929.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПОВЕРЯЯ ВРЕМЯ СЛОВОМ: ТВОРЧЕСТВО РАИСЫ ДИДИГОВОЙ
(к юбилею поэта)

Биттирова Т. Ш.

Аннотация. В статье рассматривается творчество Народного поэта Республики Ингушетия, Дидиговой Раисы Абукаровны.

Ключевые слова: Р. Дидигова, поэзия, С. Чахкиев, Г. Гагиев, «Прикосновение», А. Накастоева, Е. Карахоева.

BELIEVING THE TIME WITH A WORD: THE WORK OF RAISA DIDIGOVA
(to the anniversary of the poet)

Bittirova T.Sh.

Abstract. The article examines the work of the People's Poet of the Republic of Ingushetia, Didigova Raisa Abukarovna.

Key words: R. Didigova, poetry, S. Chakhkiev, G. Gagiev, «Touch», A. Nakastoeva, E. Karakhoeva.

Дидигова Раиса Абукаровна родилась 9 февраля 1956 г. в с. Ванновка Тюлькубасского района Южного Казахстана. По окончании в 1979 г. Пятигорского государственного педагогического института иностранных языков работала в сфере образования и управления*: учителем немецкого языка, директором СШ №1 г. Назрань.* С 1998 года – в различных органах власти Республики Ингушетия. В настоящее время активно занимается творчеством, является заместителем главного редактора газеты «Литературный Кавказ», возглавляет Правление Союза писателей Ингушетии.

Получила общественное признание, о чем свидетельствует такие награды, как «Отличник народного образования», лауреат Артиады народов России в трех номинациях за книгу «Прикосновение»,медалей «За доблестный труд», золотой медали Международной академии творчества (Москва), медали «За гражданское достоинство» и др.

Стихи пишет с 1975 года. Первое стихотворение было опубликовано в журнале «Жизнь национальностей» (№1, 2003 год, Москва). Стихи Р. Дидиговой публикуются в литературных журналах: «Литературная Ингушетия», «Литературная Кабардино-Балкария», «Голос Кавказа», «Минги Тау» («Эльбрус»), «Дон и Кубань», в международном журнале «AzerbaycanDunyasi» («Мир Азербайджана», 2013) и др. Первая ее книга стихов «Прикосновение», вышла из печати на русском языке в 2002 году. Вторая книга «Духовная память» опубликована в 2008 году.

Талант нуждается в поддержке и понимании таких же талантливых людей, их проникновении в суть творчества нового автора, определении значимости его творчества в контексте родной культуры. При таком благоприятном стечении обстоятельств – при поддержке и участии выдающегося ингушского писателя Саида Чакиева, пришла к читателям первая книга Раисы Дидиговой. Слово мэтра было важным не только для начинающей поэтессы, но и для читателя, уже знакомого с автором. Несмотря на то, что имя Р. Дидиговой уже было широко известно не только в Ингушетии, но и далеко за ее пределами, оно тогда еще не заняло подобающего места на литературном Олимпе. Предваряя «Прикосновение» небольшим своим вступительным словом, С. Чахкиев дал высокую оценку ее мастерству и таланту, а также исчерпывающую характеристику силе и красоте ее поэзии: «Если хотите узнать человека, умного, доброго, если хотите познакомиться с личностью, душа которой преисполнена чувством высокого патриотизма, любви человеческой и беспредельной преданности народу и Родине своей, и, если хотите войти в волшебный

мир поэзии, созданный талантом и темпераментом искусного мастера художественного слова, вы должны прочитать эту небольшую по объему, но весьма и весьма емкую по содержанию книгу стихотворений ингушского поэта, поэта-гражданина Раисы Дидиговой. Уверяю вас, вы не будете разочарованы. Вам не покажутся долгими и скучными минуты и часы, проведенные наедине с ее поэтическими произведениями. Вас невольно увлекут неуемная сила и творческая фантазия поэта, и вы сами как бы станете соучастником ее сокровенных мыслей и неожиданных открытий» [Чахкиев 2002:.3]. Книга стала популярной у массового читателя, имя автора стало широко известным в регионе. Появилось множество откликов литературоведов и критиков на первую книгу Р. Дидиговой. Так, в «Литературной Ингушетии» появились «Два мнения о сборнике стихов Раисы Дидиговой «Прикосновение» Айны Накастоевой и Елены Карахоевой [Накастоева, Карахоева 2002-3:117-119]. Надо отметить, что эти два мнения звучали в унисон и каждый посвоему давал высокую оценку книге. АйнаНакастоева начинает свой отклик вопросами мировоззренческого характера: «Легко ли писать стихи? И, вообще легко ли быть поэтом?» и анализирует творчество поэтессы через призму этих вопросов. Она ищет и находит главный стержень творчества автора в сопричастности и проявлении гражданской позиции, сопереживании тому, что происходит в обществе: «В поэзии Дидиговой есть много поучительного в отношении к жизни, друзьям, вообще к миру и окружающему миру. И, конечно, тема любви. У поэта она возведена в многократную степень лучезарной чистоты, освобожденной от лжи, предательства, фальши, от солнечных «идиллий». «Пусть о любви немало песен сложено», но, взглянув на это вечное чувство глазами автора «Прикосновения», начинаешь понимать: поэту есть что сказать свое о сокровенном чувстве…» [Накастоева – 2002:118].

Елена Карахоева, анализируя сборник стихов Р. Дидиговой, говорит и о личности автора, которой «можно неустанно любоваться и восхищаться, постоянно раскрывая для себя все новые и новые великолепные черты ее характера» [Карахоева – 2002:119]. Как и другие исследователи и критики, Е. Карахоева отмечает главную тему творчества Р. Дидиговой – судьба народа, ее трагические и славные страницы. Стихи Р. Дидиговой, посвященные депортации народа, содержат не только боль и разочарование, но и призыв к справедливости, подчеркивает критик: «Познакомившись с этой серией стихов, человек, не знающий наш народ и нашу историю, довольно четко может представить не только дни сталинской депортации нашего народа в 1944 году, но и невольно начать сопереживать вместе с автором. В этих стихах слышится пронзительный, душераздирающий крик, и тем он жалостней, чем безвыходней ситуация:

Не вздрагивайте, горы! Горе! Горе!
Не сокрушайтесь, снежные поля;
Не разбивайтесь, камни! Мы – в неволе...
Не содрогайся и... прощай, земля!

Характерно то, что современная женщина-ингушка, женщина-горянка, воспитанная на высоконравственных устоях, возмущена тем состоянием, в которое ввергли наш народ по милости сталинского режима» [Карахоева – 2002:119].

Завершая свой небольшой обзор первой книги Р. Дидиговой, Е. Карахоева в качестве пожелания пишет: «Единственное, о чем приходится сожалеть, что в ее прекрасных строках мало проглядываются нотки радости и надежды на прекрасное будущее, в ней почему-то больше печальных дней воспоминаний. Больше того, в ней преобладает несколько выдуманный или иллюзорный мир, который так обманчив, но в который поэтесса уходит, чтобы ощущать себя счастливой и быть понятой...» [Карахоева – 2002:119].

Удел поэтов – нести в сердце человеческие печали и Раиса Дидигова, как талантливый мастер слова и личность с активной жизненной позицией, не может пройти спокойно мимо человеческого горя, тем более, если им объято сотни тысяч жизней. После известных событий 1992 года, когда тысячи беженцев вынуждены были покинуть свои родные очаги, звучали страстные строки молодой поэтессы:

Верните нашу Родину, верните!
К раскаянию приходит и палач.
И, если только люди вы, поймите
Народов репрессированных плач!

Гражданская лирика Р. Дидиговой – одна из сильных страниц северокавказской поэзии. Какой бы темы ни коснулась автор, в ее стихах заложены страсть и вера, надежда и любовь, стремление к справедливости, к человечности. Как верно подметил С. Чахкиев, «В ее стихах биение сердца и подлинная страсть поэта, человека, гражданина, в них живая связь с про-

шлым, настоящим и будущим народа. А порою из-под пера поэта рождаются строки, полные печали и безысходного горя. Многие ее произведения обращены к истории ингушского народа, а она – и тут никуда не деться! – полна трагических страниц. Много в ней дикого, мрачного, жестокого: репрессии, убийства безвинных людей, пытки, унижения и оскорбления, пепелища пожарищ вместо бывших сел, кладбища, стертые с лица земли, стаи мародеров, снующих по квартирам, подвалам и чердакам чужих домов, и повсюду – плоды беспредела и беззакония. Раиса Дидигова сама стала жертвой репрессий, она свидетель и очевидец многих бесчеловечных преступлений, которые неоднократно чинились по отношению к ее народу, и поэтому неудивительно, что голос ее порою срывается, и из глаз ее начинают литься слезы. И все же, надо отдать должное ее стойкости и мужеству. Она создает произведения, одно за другим, полные оптимизма и веры в счастливое будущее своего обездоленного народа. Об этом очень емко, четко и доходчиво говорится в стихотворении «Баллада о выселении» … Такую же твердость духа и силу воли мы прослеживаем и в других ее произведениях, таких как «Родная Ингушетия», «Первый Президент», «Призыв», «Геноцид», «Неизбывная боль» и т. д.» [Чахкиев – 2002: 3-4]. В самом деле, поэт говорит простыми словами о беде, нагрянувшей в мирные дома, о невосполнимости людских потерь, ее сердце плачет и в то же время мы слышим в ее голосе силу духа:

Разбросанный повсюду, непреклонный,
Несломленный от горя и невзгод,
В своих правах жестоко ущемленный,
Истерзанный, ингушский мой народ!

Не обречен ты на исчезновенье,
Крепится в безысходности твой дух!
Не допусти раскола! К возрожденью!
Вновь обрети извечный мудрый слух!

И возродится несомненно
Омытый кровью отчий край,
Земля, в слезах воспетая,
Раздробленный бесценный рай –
Родная Ингушетия!
«Родная Ингушетия»

Первая книга Р. Дидиговой не оставила равнодушным и собратьев по поэтическому цеху. Ногайская поэтесса *Бийке Кулунчакова, народный писатель Дагестана,* написала полные любви и признательности строки, в которых поэтическое дарование ставится на один уровень с масштабом ее личности: «Среди моих знакомых есть одна поэтесса, для которой природа точно расщедрилась: вот тебе красота, вот тебе мудрость, вот тебе талант Поэта, вот тебе способность одолеть чиновничий путь и святой довесок ко всем дарам – материнство! Это Раиса Дидигова, знаменитая дочь Ингушетии. Только не думайте, что она спокойно почивает на лаврах, награжденная природой. Она мудра, и потому знает, что эти богатства даны ей авансом, их надо заслужить, а талант писателя надо отрабатывать каторжным трудом. Так и поступает. Даже сумела долгие годы совмещать творчество с государственной службой. Это разные полюса – как если бы физик стал лириком. Тем не менее, Р. Дидиговой удавалось две разные дороги держать в одной судьбе. У кого есть характер волевой, у того есть и удача. Поэзией Раиса увлечена с 1975 года – тогда ей исполнилось 19 лет… Вообще поэзии Дидиговой повезло: ее стихи буквально летели к своим читателям, не дожидаясь выхода книг. Крылья полета им давали разные журналы «Литературная Ингушетия», «Литературная Кабардино-Балкария», «Голос Кавказа», «Вайнах», «Дон и Кубань», «День и ночь», «Великороссь» [*Кулунчакова 2016-2: 6*].

Известный ингушский поэт Гирихан Гагиев, тематика творчества которого перекликается с творчеством Р. Дидиговой, писал после выхода «Прикосновения»: «От многих других ингушских поэтов, пишущих на русском языке, Раиса Дидигова отличается философичностью. Мыслить в стихах сложно, глубоко, свободно, как это делает она, умеет не каждый. И это требует определенного читательского уровня. И еще одна особенность ее творчества – совершенное владение русским языком.

Часто ее «воздушные» сюжеты порождены сновидениями, поэтический стиль неповторим, а общий настрой творчества отдает заметной грустью. Читателя не покидает мысль о том, что автор утаил от него нечто значимое, и эта недосказанность действует поистине интригующе! «Прикосновение» – так называется ее первая поэтическая книга, представившая публике оригинального Художника слова и Мыслителя» [Гагиев 2004].

«Творчество Раисы Дидиговой – это своеобразное путешествие в Мир развитой личности. В нем серьезные суждения соседствуют с пленительной сказкой строфы… рыдают новеллы о красоте седого Кавказа, зовут в дорогу», – пишет Малика Гортикова в своем большом интервью с поэтессой, в названии которого, взятой из ее стихотворения строки, содержится основная суть жизненного кредо автора: «Я – дочь народа своего» [Гортикова - 2004].

Как истинная дочь своего народа, Раиса Дидигова живет радостями и заботами каждого соплеменника, как и всего народа. В последние десятилетия в связи с процессами глобализации стала актуальной проблема сохранения родных языков. О роли родного языка в жизни личности автор, выбравший для своего творчества русский, тем не менее считает, что родной язык – «Призыв к земному совершенству».

Раиса Дидигова – человек активной жизненной позиции. Она известна своими яркими выступлениями на различный форумах, ее знает и любит весь Кавказ, ибо она несет своим творчеством идеи добра и взаимопонимания, идеи многовекового содружества всех народов России, видит дальнейшее развитие общества только в сохранении добрососедства. Об этом свидетельствует большое стихотворение «Возвысившийся, не роняя чести…», посвященное Нафи Джусойты и предваренное ее не менее значимым предисловием: «С Нафи Григорьевичем Джусойты я впервые встретилась на юбилейном вечере, посвященном памяти Кайсына Кулиева, в связи с 95-летием со дня его рождения, состоявшемся в городе Нальчике в декабре 2012 года. Его выступление на этом вечере меня потрясло. Он излагал свои мысли удивительно просто и сдержанно, но в каждом его слове ощущалась какая-то неизъяснимая сила человеческого обаяния. Казалось, эти слова, одно за другим открывали таинства непостижимой глубины его души, которая вмещала так много переживаний. Этот живой эмоциональный накал, который так тонко струился уже не только в словах, но и в глазах, полных слез, и во взгляде, устремившемся в такую близкую для Нафи даль безмолвия, и во всем его облике, невыразимо органично вписывался в мудрость его высказываний, проявляя всю красоту и гармонию его внутренней сущности… Лишь позже, общаясь с сестрой Нафи Клавдией Григорьевной, мы узнали, что он приехал на тот памятный юбилейный вечер, несмотря на тяжелое душевное и физическое состояние, вызванное кончиной накануне его супруги. Он превозмог острую и неизбывную боль утраты, потому что не мог предать память друга. Не в этом ли истинное величие Человека?!» [Дидигова 2014].

В самом деле, жизнь и творческая судьба славного сына Кавказа НафиДжусойты – образец для подражания для многих поколений горцев, стремящихся сохранить и приумножить кавказские традиции. Об этом и стихи Раисы Дидиговой:

Всего Кавказа совестливый сын,
Вы снова проявили безупречность.
И справедливо отмечал Кайсын
В товариществе и дружбе Вашу верность…
«Возвысившийся, не роняя чести…»

В своем обстоятельном исследовании творчества Р. Дидиговой Х. Накостоев пишет о ценном качестве ее поэзии: «Р. Дидигова абсолютно не приемлет фальшь – ни в словах, ни в поступках. Поэтому она и не хочет ни произносить ложь, ни слушать ее. Зная всю силу Слова, она даже в минуты, когда ей «так безумно одиноко», не способна на неискренние слова, на неприглядные объяснения, на унижающие человеческое достоинство попытки оправдаться. Ведь не выяснения отношений она хочет – она жаждет простого человеческого участия, внимания, просто «поговорить». О чем? Неважно! Главное для нее – это знать, что она не одна в этом мире. Знать, что есть на Земле еще хотя бы один человек, который может отозваться на ее голос, способен услышать ее призыв, готов обрадоваться ее счастью и разделить ее боль. Кажется, Диоген сказал: «Заговори, чтоб я тебя увидел». И лирическая героиня Р. Дидиговой просит «заговорить», чтобы она могла «увидеть». Чтобы убедиться, что этот мир, это «великолепье мирозданья» – не выдумка ее, не порождение ее сознания, а существует объективно, «сущностен», если воспользоваться любимым словом Р. Дидиговой» [Накостоев Х. 2014: 68].

Поэтический взгляд Раиса Дидигова замечает едва уловимые черты национального характера. В нескольких поэтических строчках она сумела передать и свое отношение к балкарскому народу через небольшую «зарисовку с натуры»:

Дорога вьется, виражей полна;
Вот промелькнули горные селенья...
Балкарочка, изящна и нежна,
Взглянула и потупилась в смущенье.
«На Чегемских водопадах»

Она смогла выразить благодарность ингушского народа Анатолию Приставкину, сумевшему первым прорвать молчание о судьбах и страданиях репрессированных народов:

Из суеты неправедного мира,
Где ночевала тучка золотая,
В просторы необъятного эфира
Вознесены Вы ангелами Рая…

Весь путь земной Ваш благостью лучился.
Дух ингушей сроднился с духом Вашим,
И образ Ваш навечно поселился
В краю чудесных гор и древних башен.

Родина для Раисы Дидиговой – не просто «бархатный волшебный край», она ее рифмует с земным раем, хранит в своем сердце. Любовь поэта передается читателям, настолько правдивы слова любви, обращенные к родной Ингушетии:

Влечет ансамбль стройных башен,
Жильем и ...крепостью порой,
Служивший мудрым предкам нашим;
Творенья строгих мастеров,
Застывшие в надменной позе,
Хранят историю веков.
Зовут, сияя, словно звезды!
Не омрачить нам их седин,
Что серебрятся незабвенно...
Бег времени необратим,
И возродится несомненно,
Омытый кровью отчий край,
Земля, в слезах воспетая,
Раздробленный бесценный рай,
Родная Ингушетия!

Раиса Дидигова в своих стихах передала думы и чаяния своего народа, о чем свидетельствуют и ее стихи, посвященные первому президенту, Герою Советского Союза Руслану Аушева:

…Уверенно и мудро, без прикрас.
Мы славим исторический момент,
Когда был избран первый Президент;
Он отступить заставил черный рок...
Народ от истребления сберег!

Но самые пронзительные строки написаны поэтом о репрессиях, постигших ингушский народ, эти строки в равной степени относятся и к судьбе всех репрессированных Сталиным народов:

Репрессии – и в судорогах сердце,
Репрессии – свинцовой стала грудь...
Остекленели леденцы-младенцы,
Застыли трупы матерей вокруг...
Долина окровавленная стонет,

…Так вспомним их, живых и истребленных,
Попавших в ужас сталинских облав,
На станциях сибирских погребенных
Под снегом, щебнем, сброшенных в подвал;
Мы помним всех, безвинно осужденных,
Замученных, завшивевших в пути,
Развеянных, расстрелянных, сожженных…

Уже в другом стихотворении, возвращаясь к теме геноцида, Р. Дидигова восклицает:

Но, умирая, оживали мы...
У женщин наших в жутких тех вагонах
Рождались Ингушетии сыны!

Раиса Дидигова пишет свои стихи-призывы и надеется быть услышанной, она апеллирует к человеческому разуму, к совестии благоразумию. Даже если не рассчитывает на понимание, она без устали говорит о своем «обездоленном народе», который «и сегодня в сталинской петле». Она обращается к матерям, чьи сыновья несут ответственность за случившееся:

Подумайте о детях, осетины,
Я – мать, всех призываю матерей,
Восстать и снять бесчестья паутину,
Не омрачать судьбу своих детей.
…Таят опасность ваши убежденья,
Каноны бытия не оттолкнуть!
И свято, и естественно стремленье –
Отрезанную Родину вернуть!
Гнетут нас ссыльных умерших заветы,
Их слезы, стоны о родной земле...
И ужасают злобные наветы,
Мы и сегодня – в сталинской петле;
Держали крепко, словно скот в загонах,
Неотторжимое вам не дано отторгнуть.
Мы в яме, вами вырытой, скорбим;
Прольются ваши слезы вслед восторгам...
Не угодить бы в пропасть вам самим.
Опомниться не поздно, осетины,

Вы роетесь в израненных сердцах!
Не проливайте кровь людей невинных,
Возмездие – в содеянных грехах!
1992 год, май

У Раисы Дидиговой есть цикл стихов, в которых она отдает дань памяти славным сынам ингушского народа, тем, кто перенес сквозь века честь и достоинства народа, стал примером для будущих поколений. Их трудная и славная судьба нашла достойное место в ее поэзии. Это такие стихи, как «Памяти Идриса Зязикова», «Затаенная печаль», «Чистилище – поэзия твоя», «Восточный голос», «Благодатный слой», «Народа скорбь безмерно глубока», «Не поддавался грозным вьюгам» и др. В них дается поэтическая оценка вкладу в развитие общества, культуры и литературы, как современникам, так и старшему поколению.

Известный чеченский литературовед Х Туркаев верно подметил, насколько своевременна поэзия Раисы Дидиговой: «Сейчас, когда в нашей общественной жизни ускоряются центробежные тенденции, я нашел, что форма поэтического обобщения духовной общности народов России, найденная Раисой Дидиговой, разом приобщает читателя к великому духовно-нравственному наследию, созданному путем самоотверженности выдающихся россиян.

Алиева Фазу Гамзатовна, Зумакулова Танзиля Мустафаевна, Балкарова Фоусат Гузеровна, Ахматова Раиса Солтмурадовна – яркое созвездие поэтесс Северного Кавказа второй половины XX века. Это благодаря их глубинному осмыслению своеобразия мыслей и чувств, страсти и воли мир узнал о красоте, богатстве и нежности легко ранимой души горской женщины. Теперь эту волшебную палочку у своих предшественниц взяла в свои плодовитые руки Раиса Дидигова» [Туркаев - 2009].

Поэзия Раисы Дидиговой – высокий пример служения родному народу, в ее мужественных и одновременно по-женски нежных стихах сплелись мудрость и мужество, материнская забота и проникновение в мир чувств своих соплеменников, в надежды ушедших, но не сломленных народных героев. Она еще не успела написать эпические произведения, но и в написанном мы можем увидеть широкую панораму жизни ингушского народа, переданную языком поэзии с любовью и болью, и непременно со светлыми надеждами и уверенностью в счастливом будущем своей малой родины.

Литература и источники:

1. Гагиев 2004 Гагиев Г. «Сердало, 2004, от 18 сентября
2. Гортикова 2004 Малика Гортикова. «Сердало, 2004, от 18 сентября
3. Дидигова 2014 Дидигова Р. «Возвысившийся, не роняя чести…» «Литературный Кавказ», январь 2014 г.
4. Карахоева – 2002 Карахоева Е. «Литературная Ингушетия», 2002, №3, стр. 118-119.
5. *Кулунчакова 2016-2: Бийке Кулунчакова.* О, если бы могло мое смиренье… Журнал «Дагестан», Махачкала, 2016, №2, стр.45-48.
6. Накостоев Х. 2014 Накостоев Х. «Высоких мыслей лаконичный строй» // Мысли об ингушской литературе. – Назрань: ООО «Кеп», 2014. – С.49-71.
7. Накастоева – 2002 Накастоева А. «Литературная Ингушетия», 2002, №3, стр. 117-118.
8. Накастоева, Карахоева - 2002- 3:117-119 Накастоева А., Карахоева Е. «Литературная Ингушетия», 2002, №3, стр. 117-119.
9. Туркаев 2009 Туркаев Х. Россыпи жемчужин на Мятлоаме. Некоторые мысли о поэзии Раисы Дидиговой. «Вести республики» (общественно-политическая газета Чеченской Республики), 21 октября 2009 года, № 207.
10. Чахкиев – 2002 Чахкиев С. «Прикосновение». В кн.: Дидигова Р. А. Прикосновение. Стихотворения. Магас, 2002, с. 3-4.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПРОНИКНОВЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

Галаева Ж. Б.

Аннотация. В данной статье рассматриваются неологизмы в общественно-политической лексике ингушского языка, их классификация и основные этапы их появления в ингушском языке.

Ключевые слова: неологизмы, ингушский язык, общественно-политическая лексика, новые слова, заимствование.

PERIODISATION OF THE EMERGENCE OF SOCIO-POLITICAL NEOLOGISMS IN THE INGUSH LANGUAGE

Abstract. In the paper discusses neologisms in the social and political vocabulary of the Ingush language, their classification and the main stages of their appearance in the Ingush language.

Keywords: neologisms, Ingush language, socio-political vocabulary, new words, borrowing.

Любые изменения в обществе, развитие науки и техники, литературы и искусства приводят к появлению новых слов, необходимых для обозначения новых понятий, что способствует развитию лексической системы Лексика языка постоянно пополняется за счет этих неологизмов.

Объектом исследования в данной статье являются общественно-политические неологизмы в современном ингушском языке.

Материалом исследования явились двуязычные словари современного ингушского языка, учебно-методическая литература ингушского языка, а также данные картотеки из личного архива автора. Методом сплошной выборки были отобраны слова, которые вошли в ингушский язык и имеют статус неологизмов.

Основная задача исследования – изучить неологизмы в общественно-политической лексике, систематизировать их, исследовать этимологию и степень освоения ингушским языком неологизмов, а также изменение их семантических полей.

«Неологизм – это слово или оборот речи, созданные для обозначения нового предмета или выражения нового понятия» [2].

Как известно, наиболее активно лексический пласт языка пополняется в период и в результате каких-либо открытий, событий, революций. Как правило, эти слова связаны с развитием науки, техники, культуры, экономики.

Пласт общественно-политической лексики ингушского языка все еще формируется и поэтому значительную ее часть составляют неологизмы, появившиеся в языке посредством заимствования.

Процесс развития ингушского языка принято делить на два периода: дореволюционный и послереволюционный.

Дореволюционный период охватывает время до 1917 года. Примером появления общественно-политических слов того периода могут являться слова: мехк-кхел – совет старейшин, белхий – помощь всей общины в работе, тхьамада – старшина (административная должность), эбарг – абрек.

Вместе с тем, многие неологизмы различных периодов своим появлением обязаны непосредственно заимствованию. Так появились заимствования из арабского: дуне – мир, зикр – религиозные песнопения; из тюркских языков: ахча – деньги, из иранских языков: тума – десять рублей, даьре – шелк.

После окончательного вхождения Ингушетии в состав России начинается рост экономических и культурных русско-ингушских отношений. Это привело к значительному обогащению лексики различных сфер: закон – закон; киниш-ка – книга; судхо – судья; инарал – генерал и др.

Послереволюционный период можно разделить на четыре хронологических этапа:

1. 1917-1944 гг.
2. 1944-1957 гг.
3. 1957-1991 гг.
4. 1991 по настоящее время.

Такая периодизация учитывает влияние определенных событий в общественно-политической, научной, экономической сферах на появление в языке неологизмов. Другими словами, такая периодизация основана на определенных событиях как внутри страны, так и за рубежом, приводивших к появлению неологизмов в ингушском языке. Речь идет о таких судьбоносных событиях в жизни ингушского народа, как установление новой (советской) власти, Великая Отечественная война, депортация ингушского народа, широкое внедрение средств массовой информации, создание электроники, актуализация загрязнения окружающей среды, и т.д.

Первый этап (1917 г. – начало 1944 г.) характеризуется созданием письменности ингушского языка, разработкой основ орфографии, открытием школ, формированием ингушского литературного языка и ростом художественной литературы. В этот период в основном общественно-политическую терминологию пополнили слова, заимствованные из русского языка: совет – совет; собрани – собрание*; суд* – суд, а также появившиеся в ингушском языке посредством русского языка: революци – революция*; агитаци* – агитация*; комиссар* – комиссар. Следует отметить, что наряду с такими заимствованиями для отражения в языке новых понятий и явлений использовались и внутренние возможности языка: лакхера суд – верховный суд, планови боахам – плановое хозяйство.

Дальнейшая работа по развитию ингушского языка была прервана в связи с депортацией в 1944 году.

Третий этап связан с восстановлением Чечено-Ингушской государственности в 1957 году. В 60-е годы возобновилось научное изучение языков, фольклора, истории. Развитие сельского хозяйства, промышленности, культуры, науки способствовали массовому проникновению в язык советизмов и интернационализмов. Примерами общественно-политических неологизмов и выражений этого этапа можем привести: совет, съезд, сесси, правлени, парти*, конференци, деклараци* [1].

И на четвертом, современном этапе мы видим активное развитие языка и пополнение его словарного состава в связи с появляющимися новыми понятиями на международной арене: компьютер, смс, терминал, глобализаци*, гаджет, ксерокс, принтер* и мн. др.

Одной из первых лексикографических работ того периода и является изданный в 1995 году «Краткий словарь общественно-политической лексики» М. У. Картоева, который описал политическую терминологию широкого употребления, в том числе абстрактно-философскую и религиозную лексику.

Появление новых слов – бесконечный процесс. До тех пор, пока человечество живет и развивается, он будет непрерывен. Поэтому ни одно исследование в этой области не может быть окончательным и завершенным.

Литература

1. Краткий словарь общественно-политической лексики. М. У. Картоев. 1995.
2. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. – М.: Просвещение. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. 1976.
3. Солтаханов И.Э. Основные характеристики общественно-политической лексики // Lingua universum. - Назрань: Изд-во «Пилигрим».

ОТОБРАЖЕНИЕ ГЕРОИЗМА НАРОДА В РАССКАЗЕ «РАССКАЗ СТАРЦА» БАГАУДИНА ЗЯЗИКОВА

Евлоева А. М., Бекова М. Р.

Аннотация. В статье исследуется как автором, который в детстве стал очевидцем событий гражданской войны, показывая её отражение в памяти героя Сайта, выдвигает на передний план свободу личности и народа. Рассматривается проблема героев и героизма в годы гражданской войны в Ингушетии.

Ключевые слова: Багаудин Зязиков, Сайт, Аминат, гражданская война, деникинцы, враги, героизм.

DISPLAYING THE HEROISM OF THE PEOPLE IN THE STORY «THE OLD MAN'S STORY» BY BAGAUDIN ZYAZIKOV

Evloeva A.M., Bekova M.R.

Annotation. The article examines how the author, who in childhood witnessed the events of the civil war, showing its reflection in the memory of the hero of the Site, brings to the fore the freedom of the individual and the people. The problem of heroes and heroism during the years of the civil war in Ingushetia is considered.

Key words: Bagaudin Zyazikov, Website, Aminat, civil war, Denikinites, enemies, heroism.

ЗЯЗИКОВ БАХЬАУДИНА «КЪОАНОЧО ДИЙЦАР» ЯХАЧА ДУВЦАРА Т1А КЪАМАН ДЕНАЛ ГОЙТАР

Евлоева А. М., Бекова М. Р.

Аннотаци. Ер статья хетаяьй Зязиков Бахьаудина проза юкъе белггала моттиг д1алоацаш йолча «дувцар» яхача жанра. Къаьстта тахка оттадаьд «Къоаночо дийцар», белгалдаькхад къаман денал цига говзамеча дешашца йоазонхочо мишта хьекхад.

Керттера дешаш: Зязиков Бахьаудин, Сайт, Аминат, граждански т1ом, деникинцаш, моастаг1ий, денал.

Вай мехка граждански т1ом лаьттача шерашка г1алг1аша моастаг1чунна яь духьале ювцаш да Зязиков Хьусена Бахьаудина кхоллама керттера дакъа. Уж йоазонаш дийшача гуш да, цо дика кхетаеш а, лоарх1ам беш а из тема хинналга. Ший да Товбот-Хьажий Хьусен ц1е партизан хиларга хьежжа, бера хана денз хургволча йоазонхочунна граждански т1ема доакъашхой гуш а, цар в1аший ду къамаьлаш хозаш а хиннад. Цул совг1а, 1930-ча шерашка ше Сурхот1а хьехархо волаш, къаман турпал хиннача Нальгиев Мандречун фусаме хулаш а фусам-даьга шийна б1аргадайнар ма дарре дувцийташ а хиннав Бахьаудин.

К1оарга чулоацам а болаш, ира къовсамаш а латташ йола произведенеш я цо граждански т1ема ха ювцаш кхелларашш. Т1ема духьала кхайкарал ду деша говзанчас, иразеи маьршеи вахар хьалдеш боахкараш хестабу. Уж ба эхьэздел, хоза г1улакх, маьрша вахар, хьаьнала къахьегам, ц1ена безам шоашца хиларца белгалбувла турпалаш. Вахаре нийса доацар, тийшаболх, мекъал ирача меттаца 1ото1адеш, гоамдолийт цо литература дешачунна, цул совг1а «къаман денали ч1оаг1али гойта символаш хинна д1аайттаб уж турпалаш» (Таржам – Евлоева А.М.) [6:295].

Зязиков Бахьаудина кхоллам тайп-тайпарча жанрех латташ а дукха темаш чуйоаг1аш а ба. Цига къаьстта доккха дакъа д1алоац къаман синоамалаш ювцача дувцарашеи очеркашеи. Цун «…дувцарех латтача кхолламо гойт йоазонхочун дег чура уйлаш, оамалаш, цо вахарах деча хьисапа белгало … » (Таржам – Евлоева А.М.) [1:110].

Г1алг1ай халкъа кхел, вахар, Деникина б1ууна духьале еш гойта денал, майрал дувц йоазонхочо ший «Къоаночо дийцар» яхача дувцар

т1а. Т1ема темаца хоттаенна лелаю Даьхенцара, 1аламцара, наьна ший берацара темаш, цхьабакъда, царех керттера хинна д1аэттай халкъа турпалал гойтар.

Ха дукха мара ца яхарах, дийшачун дог тохадолийташ, цу замах баьхача нахага хинна бала къаьгга гойташ да дувцар. Вай мехка этта хинна хьал т1ехьа т1абоаг1арашта долчча тайпара духьалъоттадеш, автора язду: «Нана-Наьсарен юрташка, наькъашка, аренашка т1ема белгалонаш, моастаг1чун г1аьралах хинна човнаш, къоаной а истий а йовхьамаш т1ара кортамукъале, парг1ато, ираз бахьан байнарий г1айг1ан лараш гора». Гойтараш я халкъа дегашта т1емо яь човнаш, царех юхедиса ц1аккха а д1адаргдоаца муаш да дувцараш.

Керттера турпалхой ба къоано Сайт, къона кхалсаг Аминат, революцен викалаш Орджоникидзе Серго, Киров Сергей Миронович. Дукхаг1ча даькъе Аминаата кхел а вахар а да автора дувцар, из дувцарца дешачунна духьалъоттаю дерригача халкъа кхел, цудухьа ала йиш я, керттера турпал халкъ да, аьнна.

Дувцар долалуш, моастаг1чо йоагаяьча юрташка хьажа баьхка Серго Орджоникидзеи Сергей Кирови гойт автора. Наьсарен-Вогзале царна духьалбаьхкача, моаршал хоатташ, мархlабеттaлуш болча й1аьха к1ай можамаш йолча къоаной аматаш а да д1ахо юкъедоаладаь, царех ца1 да Сайт яхача къоаночун амат.

Автора дувцар яздаьд ший тайпара композици йолаш: Сайта ц1ерах, цунна дагаухача хьисапе гучадоаккх деррига хиннар. Из ва къаман бала ший дег чу къувлаш, денал а эздел а долаш вола саг.

Сайта хьаьшашка дувц моастаг1чун къизалах лаьца. Иштта доладу къоаночо балах диза дола хиннар: «Тха юрташ йокъ хинна яьга д1аяьлар, гунахьа доаца истий, бераш, къабенна къоаной боабора Деникина б1ухоша. Шоашта дагайоха а могаш къизал, 1азап, низ битанзар цар тхона т1а ца бахьаш». Иштта, граждански т1емо шийна т1ехьа йита лар ювц автора хиннар цу къоаночунна дагаухача хьисапе.

Мел хало т1акхачарах, г1алг1ай халкъ ц1аккха а моастаг1чунна хьалхашка гора оттарг ца хилар гойташ да автора ший къамах б1убенна волча Сайтага оалийта ер дешаш: «Адамий денал, къонахчал дохаде, тхо эшаде маганзар царна».

Къаман викалаш догтийша болаш гойт большевикий 1аьдало парг1ато яхьаргхиларах. Дистараш кхувлаш, из уйла гучайоаккх автора: «…тешамерча новкъостах кхийттача доттаг1чо, е хьамсарча даьх кхийттача во1о санна, дог ч1ахкийташ къамаьлаш дир цар».

Сайта дувц Серго Орджоникидзенеи Сергей Кироваи Аминат яхача къонача кхалсага ший вахар фу бахьан долаш а мишта а хоаддадаьд. Цунга денад, сийрда яхар хоаддадеш, 1аьржа ди. Деникинцаш чубаьхкача хана, къаман къонгаша денал гойтача деношка моастаг1чун карагlа венна, царна майра духьала лаьттачарех ца1 вола саг хиннав Аминаата ц1енда.

Къона кхалсаг Аминат ший з1амигача бераца юртара д1а ца бохалуш бисача нахах ца1 хул. Антитеза лелаярца автора хозду ший дувцар: т1емо дена вонаши, балеи дицдаьд нанна цхьан юккъа цу ц1ен к1ийлен т1а 1отессача аьрга т1а ловзаш уллача беро. Укхаза йоазонхочо айяьй наьна ший берацара безам бувцаш йола тема, цунца хоттаенна йоалаяьй 1алама тема а. 1уйранна кхийтта боаг1ача маьлха з1анарашца ловзаш, делаш гойт из бер автора. Цунна хац т1ом яхилга фуд а, йовзац цо ю човнаш а. Иразе елакъежарца, хьамсара ший к1аьнка б1ара а хьежаш, ше-шийца йоах нанас: «Хьох доал-кх, к1аьнк, хьа наьна деррига ирази вахари. Сакхетарг хилча денз аз дог даьхача дуненгара сона кхаьча дика хьох доал-кх са, нани яларг».

Ц1аьхха яьннача топаша цу лоацача иразах йоаккх иразе хинна нана, матардода цун дог, дагабох латташ бола т1ом. Д1ахо гойт ц1аг1а чулелхача моастаг1ий къиза а дорха а дола аматаш. Царна духьала оттадаьд ший бера хабараш а дувцаш, велаш, ловзаш уллача з1амигача к1аьнка амат. Цу тайпара, иразерча вахара сурти т1ема ийрча сурти в1аши духьала оттадара автора дика карагlдаьннад шийна дагардар дешачунна ц1енаг1а гойта.

Д1ахо, деникинций къизал гучайоаккхаш, дег1адоаг1а дувцашдар: нанна гуш, моастаг1чо гебаг1а чакхбоаккх шу даланза долча цун бера ховхача дег1ах. Укх дунен т1а кхы г1озале йисац цу къонача кхалсага, цун деррига ираз доаду т1емо... Гуш улл ц1еша даькkха з1амига бер, из яьннай ц1ендаьх, юртах. Сайта дувцачун айдалар дола моттиг я Аминаата балано сахьовзадаь дола муг1араш. Автора гойт, шийна т1акхаьчар ла ца могаш, халонои баланои сихъяь, б1аргаш д1а мел хьеж едда йода из г1алг1ай кхалсаг. Дуненцара къастар мара уйла йисац цун кер чу, дего а йоах: «Хий! Хий!» Кен чу кхоссаенна, ший вахар чакхдоаккх Аминаата. Дешачунна санна, йоазонхочунна а из турпалхо хьамсара хилар гойташ да «… машаре т1аийцар из ц1енача хиво» яха, дувцар чаккхдоалаш доаладаь дешаш. Из я т1ема а моастаг1чоа а кхайкаеш йола вий. «Цхьайолча хана ч1оаг1а трагически айдаь къамаьл ду Б. Зязикова. «Къоаночо дийцар» яхача дувцар чу: хьаяькkха йоагаяь юрт, боабаь нах, ага чу дийнача бера нанна Аминаата ц1енача дег1а моастаг1чун

б1еха кулг кхетар, къона саг ялар – из б1арчча ийрча сурт кхелла дале а, Б. Зязикова еррига текст моастаг1чоа вий кхайкаеш, нийсхо ч1оаг1ъеш я» (Таржам – Евлоева А.М.) [2:515].

Даьхенцара безам гойташ, хьекхав автора къоано Сайт. Цун дег т1а я Деникина бандашца Даьхе бахьан т1ом беш йиса ерзаргйоаца човнаш. Сайта ший б1аргашца дайнад моастаг1аша халкъа т1аоттадаь къиза 1азап. Иштта, моатаг1чунна яь духьале ювцарца, автора гучайоаккх г1алг1ай халкъа турпалал гойта тема а.

Дувцар яздаьча шерашка диллача, «граждански т1ема истори къаьга гойтар беригача йоазонхошта хьалхашка латташ лоарх1ам бола декхар хиннад» [7:8]. Зязиков Бахьаудина ший кхолламе из тема цудухьа къаьга лелаю аьнна хеталургдар дешачунна, нагахьа санна къаман бала дег чу къувлаш а, йоазонхочун нач1ал лакха хилар гойташ а йола мах бола произведени из ецаре.

Йоазонхочо дукхаг1а гойтар да граждански т1ема шерашка вай мехка этта хинна туржа1, Даьхе бахьан лоаттабаь къовсам. Маьрша бахача мехкахошта т1абаьхка хиннача моастаг1ашца ший йола дорхал, гоамал, гойташ, белгалду харцахьа даьр ц1аккха а бекхам боацаш дусарг ца хилар. Цул совг1а, «Къоаночо дийцар» яхача дувцара т1а дика гуш да г1алг1ай къаман хинна вахар-лелар, эхь-эздел, цун сакхетам.

Дувцар яздеш, Зязиков Бахьаудина толам баьннаб халкъа метта говзалаш цунна ц1ена харах, «художественни проза тоалуш я халкъагара, фольклорацара хьаийца дукха х1амаш да цунца… Из ший доазонаш долаш да, цо г1о ду яздер а дувцар а къоастам болашаг1еи белгалеи хилийта» [5:146]. Цул совг1а, уж «говза, дукхаг1ъяраш исторически ларда т1а кхелла йола произведенеш ешаш гуш да г1алг1ай халкъа багахбувцама ж1овхьараш цунна дика довзаш хинналга а. Цун мотт б1аьхий хиннаб уж довзарах. Дика довзаш хиннад йоазонхочунна сурт кхоллара г1ирсаш а. Х1аьта, багахбувцам иштта бовзаро г1о даьд цунна адамий дегашка ювшаш йола уж произведенеш язъе» [4:295].

Г1алг1ай халкъа багахбувцамца хьашт долаш из хинналга гойташ да цо даь балхаш а: 1961-ча шера Мальсагов Дахий Дошлакъаца цхьана оттабаь «Хьайбаех дола фаьлгаш» яха багахбувцама гуллам; Мальсагов Артаг1а Оарцхойцеи Базоркин Муртаза Идрисацеи цхьана оттабаь г1алг1ай йоазонхойи багахбувцамеи произведеней «Дега г1оз» яха гуллам, иштта кхыдараш а.

Зязиков Бахьаудина вахара а кхоллама а никъ тахкача ала доаг1а, из ц1аккха а бицлургбоацача къаман къонгех ца1 хилар. «Таханарча дийнахьа цун ц1и латт г1алг1ай эздий турпалаш санна белгалбаьннача наьха муг1аре шийна йоаг1а моттиг д1алаьца» (Таржам – Евлоева А.М.) [3:3].

Зязиков Бахьаудина дукхаг1йолча произведеней керттера чулоацам мохки парг1атои къувсаш халкъо хьабена никъ бувцаш ба, уж ешаш, гуш да лакха говзал йолча йоазонхочо кхелла уж хилар, цар стиль а я ший тайпара, литературе цу шерашка керда ена. Даьхе бахьан майра лаьттарий аматаш гойташ, автора дувц г1алг1ай вахарах-лелараш. Цига гучадоал денал долча къаман амат, цун истории 1адаташи. Иштта, ший говзамеча муг1арашца Зязиков Бахьаудина хестаду Даьхеи цун хоза 1алами, цунца вувзавеш гойт вахар лорадеш а хоздеш а воалла эздий саг.

Литература

1. Горчханова Т. Х. Жанр рассказа в ингушской литературе. Истоки. Становление // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 2016. – 26 с.
2. Дахкильгов И. А. Зязиков Хьусена Бахьаудин (Вахари кхоллами) // Боль и гордость моя – родная Ингушетия. – Нальчик, 2007. – С. 511-520.
3. Дахкильгов И.А. Человек чести и долга // Избранное. – Магас, 2013. – С. 3-7.
4. Евлоева А.М. Зязиков Хьусена Бахьаудин // Х1анзара г1алг1ай литература. – 4 т. Т. 1. – Нальчик, 2009. – С. 291-334.
5. Мальсагов Д.Д. Зязиков Хьусена Бахьаудина общественни болх а говзаме йоазош а // Г1алг1ай советски литература историе очеркаш. – Грозный, 1961. – С. 137-147.
6. Мартазанов А.М., Мартазанова Х.М. Ингушская историческая повесть: И.М. Базоркин «Призыв», Б.Х. Зязиков «Именем республики» // Мир науки, культуры, образования. – №2 (81). – М., 2020. – С. 516-517.
7. Сарбашева А.М. Формирование историзма мышления и балкарский роман // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Нальчик, 1998. – 22 с.

ОБРАЗЫ ГЕРОЕВ РОМАНА САИДА ЧАХКИЕВА «НА ВТОРОЙ ДЕНЬ, УТРОМ»
(Боскар и Берд)

Евлоева А. М., Кулбужева М. О.,

Аннотация. В статье исследуется роман Саида Чахкиева «На второй день, утром». Анализируются образы героев, в частности Боскара и Берда, в аспекте их взаимоотношений с окружающими людьми.

Ключевые слова: Саид Чахкиев, роман, Боскар, Берд, антитеза, эпитет, конфликт, автор.

IMAGES OF THE HEROES OF THE NOVEL BY SAID CHAKHKIEV «ON THE SECOND DAY, IN THE MORNING»
(Boscard and Bird)

Evloeva A.M., Kulbuzheva M.O.

Annotation. The article examines the novel by Said Chakhkiev “On the second day, in the morning”. The images of heroes, in particular Boscard and Byrd, are analyzed in the aspect of their relationships with the people around them.

Key words: Said Chakhkiev, novel, Boscar, Byrd, antithesis, epithet, conflict, author.

ЧАХКИЕВ СА1ИДА «ИШТТА МАРА» ЯХАЧА РОМАНА ТУРПАЛИЙ АМАТАШ
(Боскари Берди)

Евлоева А. М., Кулбужева М. О.

Аннотаци. Статья хетаяьй Чахкиев Са1ида «Иштта мара» яхача романа. Турпалхой аматаш а, царна юкъе латта г1улакхаш а гойташ, белггала тахкад Боскареи Бердеи аматаш.

Керттера дешаш: Чахкиев Са1ид, роман, Боскар, Берд, антитеза, эпитет, къовсам, автор.

Г1алг1ай литературе нач1ал йолча йоазонхоех ца1 ва Чахкиев Идриса Са1ид. Цун тайп-тайпарча жанрех латтача кхолламе хьежача, дешачун аьттув хул тайп-тайпара турпалхой бовза. Къаьга аматаш юкъе долча произведене сага сакхетам лакхбоакх, нийса ваха-лела 1омаву из.

Роман «Иштта мара» кепатеха арадаьннад 1967-ча шера г1алг1ай меттала, х1аьта 1982-ча шера из арадоал ц1ихезача таржамхочо Сенчуров Юрийс эрсий меттала а даькхха. Дукхача 1илманхой теркам т1аэза а, тохкамхочунга уйла йойташ а да роман.

Романа т1а автора айяьй ший замах ира лаьтта темаш, оттадаьд къовсамаш, бовзийтаб тоъала турпалаш, царех цхьаболчар аматаш таханарча дийнахьа воашта юкъера нах уж болаш санна, хеталу вайна. Цига ювц г1алг1ай юртарча наьха кхел. Юкъеэзача темаша а, иштта цу т1арча аматаша а йоазонхочун заманхой вахар-лелар гучадоаккх.

«Бертий бийсаш» яхача романал хьалха кепатехад «Иштта мара», х1аьта «уж романаш в1аший духьала оттадича хеталу цу «Бертий бийсаш» яхачун д1ахододар «Иштта мара» яха роман долаш санна» [3:542]. Из жоп луш да «Бертий бийсаш» яхачун т1а ца доашхаш дисача цхьацца-долча х1амашта.

Чулоаца зама я 1960-г1а шераш. Сюжета т1а къаьга увттаду тайп-тайпара хаттараш: эздел мишта леладе деза, сий лорадар мел лакха г1улакх да, безама ц1енал, къахьегамца толамаш дахар, иштта кхыдар а.

Цига ба бакъ а харц а турпалхой, антитеза лелаеш гучабоах уж автора. Цар аматаш ц1енаг1а духьала оттадеш, лелаю эпитеташ а, метафораш а, кхыйола метта говзалаш а. «Цун турпалхой массанахьа вайца, вайна гонахьа ба – дог-цхьалха, эхь-эздел долаш бола болхлой. Цар шоаш бувцац, шоай г1улакхаш хьалхадахац. Духхьала говзал йоаллача, сакхетам дика болча йоазонхочоа мара б1аргагац уж оамалаш, къаьстта цун в1ашт1ехьдоал цар аматаш дика дахка» [1].

1илманхочо Танкиева Лидас а аьннад: «Иштта белгалдаккха деза – дилоге т1а керттера моттиг д1алоацаш дувцаш долга цхьан тайпан кхо ноахал. Уж ба – Таргиевг1ар – Боскар, цун во1 Мурад, Мурада во1 – Берд. Хеталу, цу кхаь ноахала кхел гучайоаккхаш Чахкиев Са1ид г1ерт цар оамалашцара эздел, нах безаш йола юкъмоттиг, бакъахьара г1улакхаш лаха. Цу кхаь ноахалца цхьаккха вац уж вай ювца оамалаш йоахкаш» [7:134].

Роман долалуш автора гойт юртахой вахар, цар хьинаре беш хинна колхоза болх. Ханнахьа лаьтта аха а, ялат д1аде а, т1аккха из хьувкъадаь чуэца дезаш да царна хьалхашка латта декхараш. Ди-бийса ца къовсаш, хан-ханнахьа де дезар кхоачашдеш, лаьттанцара болх беш хьабоаг1а бакъ турпалхой. Уж ба трактористаш Бийберд, Инал,Тархан, кхыбараш а. Царца ва Бийберда да Асхьаб а.

Царна духьала оттаваь вувц Боскар. Нахаца 1ийна, уж безаш вац из, шийна болча аьттонца мара бала бац цун. Боскара амат лелаш да Чахкиев Са1ида кхолламе граждански т1ема шерашка а. Деррига къам барт болаш моастаг1чунна духьалъэттача хана а, ший боахами дезали лорабеш хул из. Шийх тара болаш кхебу цо дезал а: во1 Муради ви1ий во1 Берди. Уж а ба атта вахар дезаш, нахаца лоарх1ам боацаш, Боскарах таралесташ.

Боскар гойт сало1аш болча къахьегамхошта ший вира-вордаца т1авоаг1аш. Из доахан долча ферме хаьхол деш в, яхаш, цигара шийна лочкъалур лочкъаеш лелаш ва.

Во1 Мурад Даьхен Сийлахь-боккха т1ом латтача хана, дезертир хул. Ший ц1аг1ара ахча, дошув лочкъадеш воаллаш, т1акхаьчача Боскара, 1аьдалага д1алу из. Цу муг1араша хетадолийт Боскара ви1ийл дукхаг1а ахча дезаш санна, х1ана аьлча Даьхе яцар цунна дагаяьллар а, из дар ахчеи наха юкъе сонтабаьнна бола ший корта чубахийта безаш хилари. Мурад штрафной батальоне вохийт 1аьдало, т1аккха цига ве а вув из.

Ший дезал, боахам, рузкъа мара х1ама дац романа турпалхочунна Боскара гуш, цар мара уйла еш вац из. Цо ший ви1ий во1 Берд, кхаъашца хьалхавоахаш, дехарца институте ха йоаккхаш лелаву. Ше иштта д1аоттарга хьежжа, институтера эккхавойт Берда. Цох шийна бохам баьнна бале а, Боскара сага ца хойташ, х1ама ца эшйташ лелаву ви1ий-во1. Цо мел деш дола ийрча, эсала г1улакхаш къайлакхухь даь-дас.

Боскар ва, цхьан оаг1орахьара аьлча, майра а къахьегам безаш а вола турпалхо. Х1аьта, вокх оаг1орахьа аьлча, из ва якха саг, 1инже оамалаш а йоахкаш. Из турпалхо автора говза лелаву шинна а романа т1а: «Бертий бийсаш», «Иштта мара».

Воча нахах д1акхийтта лел Берд, цо доккха зе ду мехкарашта а, къахьегама наха а. Жожаг1атенах тардаьд Берда ший фусам-наьна Нуфай вахар а, кагбаьб къонача Зайбий хьалхара безам а, вахар хоададу Аровхай а. Йоазонхочо романа оаг1онашка довзийт эхь-юхь доацаш, къизал йолаш Берда леладер.

Эггара т1ехьа б1ехача довна юкъе Берд вув, ше санна волча харц турпалхочо Якъуба. Ший эггара бочаг1а вола саг – ви1ий-во1 Берд – вувча еш йола г1араш, детта ц1ог1арч шийна хезача, Боскар х1ама бе-башха доацаш гаьнавоал цигара. Х1ана аьлча, цунна дагадац цу довна юкъе Берд ва, аьнна. Кхычунна из сагота а вац… Иштта да Боскара амат.

«Романа еррига оаг1онаш чулоацам болаш а, ира къовсамаш латташ а, атта ешалуш а я. Бакъда, къаьстта теркам т1аозаш я Боскареи цун дезалеи ший тайпара йола кхел» [5:29] (Таржам – Евлоева А.М.).

Йоазонхочо романа т1а гойт ши никъ. Хьаьналча къахьегама новкъа болх бакъ турпалаш, уж шоай вахарца т1абоаг1арашта сийрда кхоане халъеш боахк. Вожаш, харц новкъа баьнна лелараш, деррига шоашта яхаш, наха зуламаш деш боахк. Чахкиев Са1ида ший романаца 1омаву г1алатех лоравала, дика оамалаш лелае.

Халкъа эпосе санна, «метта кечалаш а, диалогаши монологаши а яьржа лел нач1ал йолча йоазохой кхолламе», [6:169] (Таржам – Евлоева А.М.). Из белгало йолаш да Чахкиев Са1ида роман а.

«Чахкиев Са1ида йоазонхочун ц1и г1алг1ай литературе санна, Къилбаседа Кавказе дахача кхыча къамий литературе а лакхача лаг1а т1а этта латт» [2:95] (Таржам – Евлоева А.М.), х1ана аьлча цо язбаь кхоллам дуккхача жанрех латташ а, нач1ал гойташ а, безам т1аозаш а ба.

Чахкиев Са1ида романа т1а ювцар вай къаман цхьан юккъа йола истори я, ший заманхой ба цо бувцараш. «Белгалде доаг1а, уж бакъахьара турпалхой бувцаш, дукхаг1йола цар оамалаш автора вахарцара, къахьегамцара хьаийца хинналга» [7:134]. Ира оттаяьча проблемашка хьежача, ала доаг1а «из вай вахар довза а, тахка а, массанахьа кхача а сутара хиларал совг1а, дилла а б1аргий са ира долаш, саькха лергаш долаш йоазонхо ва, аьнна» [4].

Цу турпалхой син-оамалаш айпе я, цар леладу г1улакхаш наха а шоашта а зене да, дег чура уйлаш б1еха я цар. Бакъахьарча а харцболча а турпалхой хьашташи психологии къаьга хьекхад автора. «…Йоазонхочо йизза гучайоаккх ший турпалхой психологи, цар оалаш а деш а мел дола х1ама дешашвар тешавеш хьахьокх» [3:541].

Роман чакхдоалаш, во1 а ви1ий во1 а боацаш цхьаь вус Боскар. Эхь-бехк дайна лийннача цо уйла ю, ванаг1а, фу хилар ше мел леладаьчох, яхаш. Автора гойт шийна, яхаш, долча вахарахлеларах сага ираз ца хулалга, из хила веза нахаца 1имерза, къахьегама т1ера, уйлаш ц1ена йолаш. Уж хьехамаш да йоазонхочо дераш.

Ший турпалхой кхел ювцаш, Чахкиев Са1ида гойт ц1енача наькъ т1а болха турпалаш сийрда кхоане йолаш хилар. Харц новкъа баьнна лелараш Боскари, Муради, Берди санна кхела чаккхе йолаш хул. Иштта, цкъа ког д1акхийтача мара, кхеташ хилац цу тайпара нах. Цудухьа тиллай автора ший романах «Иштта мара», аьнна, ц1и а.

Литература

1. Ахматова Р. Красота – это дорога к героическому // Сердало. – 1998, 2 июня. – С. 3.
2. Биттирова Т.Ш. Саид Чахкиев и его творческие связи с Кабардино-Балкарией // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. – Магас, №1 – 2019. – С. 91-95.
3. Дахкильгов И. А. Боль и гордость моя – родная Ингушетия. – Нальчик, 2007. – 574 с.
4. Мальсагов А. У. Заманца г1а боахаш // Сердало. – 2006, 6 июня. – С. 3.
5. Патиев Я. Душа, наполненная светом. Жизнь и творчество Саида Чахкиева. – Нальчик, 2009. – 214 с.
6. Сарбашева А.М. Особенности речевой структуры современной балкарской драмы (на материале творчества Алима Теппеева) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – Нальчик, № 2-2 (46) 2012. – С.169–174.
7. Танкиева Л.Х. Чахкиев Идриса Са1ид // Х1анзара г1алг1ай литература. – 4 т. Т. 2. – Нальчик, 2011. – С. 69-165.

ДУШИ ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЕ СТРУНЫ
(О творчестве Лидии Макшариповны Горбаковой)

Мартазанова Х. М., Евлоева А. М.

Аннотация. Статья посвящена поэзии Лидии Макшариповны Горбаковой. Анализируются вопросы её жизни и творчества, раскрывается особенность её поэтической мысли.
Ключевые слова: Горбакова Лида, поэзия, стихи, гипербола, метафора, лирика.

SOUL SENSITIVE STRINGS
(About the work of Lydia Maksharipovna Gorbakova)

Martazanova Kh.M., Evloeva A.M.

Annotation. The article is devoted to the poetry of Lydia Maksharipovna Gorbakova. The questions of her life and work are analyzed, the peculiarity of her poetic thought is revealed.
Key words: Gorbakova Lida, poetry, poetry, hyperbole, metaphor, lyrics.

ДЕГА МЕРЗАШ ДЕКАДУ ПОЭЗИ
(Горбакова Макшарипа Лидай кхолламах)

Мартазанова Х. М., Евлоева А. М.

Аннотаци. Статья хетаяьй Горбакова Макшарипа Лидай поэзех латтача кхоллама. Белгалдоаккх поэтессас ший муг1арашка говзамеча дешай новкъосталца тайп-тайпара уйлаш мишта екаю.
Керттера дешаш: Горбакова Лида, поэзи, стих, гипербола, метафора, лирика.

Дешачун а хозачун а дега мерзаш декадеш ба дукхаг1ча даькъе лирически стихаех латта Горбакова Макшарипа Лидай поэтически кхоллам. Формага диллача, уж я дег чура уйлаш гучайоахаш йола монологаш. Цигара лирически турпал ший дагардар дувцаш я, цо бувц ший Даьхенцара, 1аламцара, наьнацара, везачунцара, берригача нахацара ц1ена безам.

Поэтессай дег чура уйлаш, цунна дагадаьллар, вахарцара бувзам белггала гуш да уж муг1араш дешаш. Автора рифма тоаеш къахьийгад, масала, «…царех цхьайола стихаш вай хьаийцача, цар чаккхенаш таралест. Царех дукхаг1ъяраш, вай массаза ду къамаьл санна, шаьра а, атта дагахьа 1омалуш а, ешалуш а, ма1ан к1оарга долаш а я. Сага вахарцара дикадар, нийсадар, хозадар хестаду цига поэтессас, вахар – валар, ираз – г1айг1а яхача дешай ма1ан в1аший духьала увттаду [2:221].

Къонача шерашка язъяьча цун хьалхарча стихашка белгалдувл Даьлах тешаш, оамала к1аьда, безаме саг из хинналга. Ший дега мукъам гойташ, цо язъю «Ду1а» («Молитва») яха стихотворени:

Ва, Даьла, къахетам бань, сох
Хилийта Хьай лай.
Хье волча ду1ашца
Цхьа к1еззига мукъаг1
Кхачийта.
Сона бахьа могаргдолаш
Тешам – из боацача,
Сатувсар – дог ийккхача,
Дега г1озал – бала болча,
Безам – гоамал йолча,
Бакъдар – тувлабеннарашта,
Сердал – боадо йолча!
Ва, Даьла, 1омае со нах тебе,
Се цар теярга ца хьежаш,
Царех кхета,
Уж сайх кхетарга ца хьежаш
(Таржам – Евлоева А.М.).

Горбакова Лидас «Обновление наших дней» яха стихай гуллам кепатеха арабоаккх 2009-ча шера. Авторачох кхел тара йолаш я цу стихашка лела лирически турпал а, цудухьа вай ала йиш я Лидай кхоллам цун биографи я, аьнна. Цига поэта бувц Даьхенца, 1аламца, наьнаца, везачунца

бола ц1ена безам. «Ший стихашка из доазув доаца ц1ена безам цо буст 1алама белгалонашца. Цун сингара хьал тара да, цхьаккха саг духьала оттаргвоацаш, даьннача ду1аи дарцаи. Ший кхолламе цо кхувлача эпитететаша новкъостал ду цун к1оарга уйлаш дешачунна йовзийта, саг дунен чу вара бахьан дувца, говзаме аматаш кхолла» (таржам – Евлоева А.М.) [1:3-4].

Цун стихашкара лирически турпал цхьоал езаш, дуненца д1а1ийна, сашорта йолаш лелаш я. Из турпал а, х1ара дикача поэта муг1арашкара яр санна, «наьха дегашта 1имерзал телаш лел» [5:74]. Цудухьа, уж поэзен муг1араш мукъам т1а а даьха, иллеш а хинна, иллиалархоша д1аоалаш да эфире г1олла, царех къаьстта наха сало1ам хулаш, дезаш т1аийцад «Садетташ – сахьувзаш» яха Ахциева Хадишата д1аоалар.

Стихотворени «Са детташ – са хьувзаш» йиъйиъ стих йолча ялх строфах латт. Из ешаш, гуш да автора халкъа иллеех пайда ийцалга, укхаза лел халкъа иллешца лела муг1араш а, цхьанкхийтта дешаш а, «ва», «ма» яха деша дакъилгаш а.

Хьалхарча шин строфаца автора гойт лирически турпалхочун дег чура хьал, везачунцара ц1ена уйла:

Са детташ, са хьувзаш,
Са дала ма доаллий,
Сил дукхаг1а хьо везаш,
Со яла ма йоаллий.

Ер строфа оттабеш гиперболаш йоалаяьй: «са дала ма доаллий», «со яла ма йоаллий», дистар доаладаьд – «сил дукхаг1а хьо везаш». Уж метта кечалаш лелаярца поэтессай аьттув баьннаб дег чура хьал къаьгаг1а духьала оттаде.

Ма вайна валар хьо
Сийрдача б1аргашта,
Ма весса валар хьо
Кераrча дег чу.

Укх строфа т1а метафораш лел: «сийрдача б1аргашта», «кераrча дег чу», цу кечалаша дагадохийт халкъа иллеш.

Д1ахо, лирически турпалхо я «са детташ, са хьувзаш», везачун бала ба цунга. Халкъа лирике санна, Горбаковай лирике а лел «ва», «ма» яха деша доакъош, цар к1оаргаг1а гойт лирически турпалхочун дег чура хьал:

Мецвенна, хьогвенна
Хьо висар ва кхераш,
Балана, г1айг1ана
К1ал висар ва кхераш.

Сай бала, сай г1айг1а
Йицъенна ма лелий,
Хьо воацаш яькkха ха
Дунен чу ца лоарх1аш.

Поэта стих кхоллаш лелаю синонимаш: са детташ – са хьувзаш, бала – г1айг1а, са дала ма йоаллий – яла ма йоаллий.

Хьалхара ши строфа стихотворени чакхйоалаш юхайоалаю, цу тайпара, рефрена новкъосталца ше ала йоаллачун ма1ан к1оаргду поэтессас.

Стихотворени «Со юхайоаг1аргья» безамах йолча стихаех я. Лирически турпалхо догтийша я ший безама чаккхе х1анз а кхаьча ца хиларах, цо йоах:

«Я вернусь»
Расставшись с тобой
я не плачу
И не верю совсем
в наш закат
От тебя ухожу
я в дорогу, –
Это значит, –
Вернусь я назад.
Хьоцара къасташ,
со елхац.
Вай рузкъа чакхдаларах
со тешац,
Хьогара д1айода
со новкъа, –
Из да, –
со юхайоаг1аргхилар
(Таржам – Евлоева А.М.).

Горбакова Лидай поэзенна юкъе тоъала моттиг д1алоац лоацача стихаша – афоризмаша. Уж ешашвар уйлане вода; дуненах а, 1аламах а, вахарах-валарах а уйла ю цо. Йоалаергья вай царех цхьаяраш:

Поэзи – из да син кизга,
Цо ловргьяц х1илла.
Сингара йоаг1а поэзи, –
Из да вахарах дола бакъдар
(Таржам – Евлоева А.М.)..

Поэзия – есть зеркало души,
Она не терпит фальши.
Поэзия от души, –
Вот правда жизни

Стихотворени «Уйлаш уд, меттара лелхаш…» философски лирикацара я. Безамах йола лоаца монолог я из:

Уйлаш уд
меттара лелхаш,
Ц1ера юкъ хедаеш.
Тешам ба сона,
вай гургхиларах,
Безам
Лорабергболаш
(Таржам – Евлоева А.М.).

«Мысли мечутся вскачь»
Мысли мечутся
вскачь,
Высекая огонь.
Дай надежду
для встреч,
чтоб любовь
уберечь.

Гучча тайпара, «уйлаш», «цхьоал», «безам», «тешам» яха дешаш дукха лел Горбаковай поэзенна юкъе. Цу дешаша а таралестийт цун муг1араш халкъа поэзеца дарашта.

«Багахбувцама мотт шийна юкъе говзалаш – гиперболаш, эпитеташ, дистараш, метафораш дукха лелаш хул» [3:242], цул совг1а «халкъа эпосе метта кечалаш а, диалогаши монологаши а яьржа лел» [4:169]. Иштта, багахбувцама ж1овхьарашка санна, Лидай стихашка а говзаме лел уж еррига метта кечалаш.

Горбакова Лидас ший говзамеча дешаех латтача поэзеца хестаду дика а хоза а мел дар, кхайкаду бакъдар, сийлахьадар, сагага товшдар. Поэтессас, метта говзалех боаг1а пайда а эцаш, къаьга дийхкад тайп-тайпара аматаш, гойтад символаш.

Мехка 1аламцарча безамца д1аийна цхьана лел поэтессай Даьхенцара безам а. Даьхе, 1алама хозал, бакъдар, сий, дега ц1енал, денал, эздел да Горбакова Лидас хестадеш дувцар. Цун кхолламе нийсадар, бакъахьадар котдоал, харцдар эш, к1алдус.

Горбакова Лидай литературни кхолламах латта гулламаш дукха деце а, цун поэтически муг1араш профессиональни говзала лакхаленга кхаьчад ала йиш я. Цун стихаех, композитораша мукъам оттабаь, ладувг1архошта деза иллеш хиннад. Из поэзи халкъа лирикана таралесташ я, цига алсамаг1а лел безама хетаяь тема. Лидас ший поэтически кхолламе кхелла дуне дешачун безам шийна т1аозаш, т1аккха цунгара сина пайда а эцаш да.

Литература

1. Горбакова-Хамхоева Л.М. Обновление наших дней. Назрань, 2009.
2. Евлоева А.М. Горбакова Макшарипа Лида / Х1анзара г1алг1ай литература. – 4 т. Т. 4. – Нальчик, 2013. – С. 219-224.
3. Матиев М.А. Ингушский фольклор: образовательный аспект // Материалы Международной научной конференции, посвященной 25-летию образования Республики Ингушетия. Образование, наука и культура Кавказа: традиции и современность. – Магас, 2017. – С. 240-242.
4. Сарбашева А.М. Особенности речевой структуры современной балкарской драмы (на материале творчества Алима Теппеева) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2012. № 2-2 (46). – С.169–174.
5. Хадзиева А.А. Вышегуров Султана Мухьмад / Х1анзара г1алг1ай литература. – 4 т. Т. 4. – Нальчик, 2013. – С. 51-74.

ТЕМАТИКА ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ОЧЕРКОВ И СТАТЕЙ ГОЙГОВА А.-Г.

Мартазанова Х. М., Котиева З. М.

Аннотация. Статья посвящена исследованию художественно-публицистических очерков Абдул-Гамида Гойгова. Рассматривается тема гражданской войны.

Ключевые слова: художественная литература, Гойгов, автор, герой, очерки, гражданская война.

THEMES OF ARTISTIC AND JOURNALISTIC ESSAYS AND ARTICLES BY A.-G. GOIGOV

Martazanova H. M., Kotieva Z. M.

Annotation. The article is devoted to the study of artistic and journalistic essays by Abdul-Hamid Goygov. The topic of the civil war is being considered.

Key words: fiction, Goigov, author, hero, essays, civil war.

ГОЙГОВ І. -ХЬ. ИСБАХЬАЛЛЕН-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИ ОЧЕРКАЙИ СТАТЬЯЙИ ТЕМАТИКА

Мартазанова Х. М., Котиева З. М.

Аннотаци. Ер статья хетаяьй Гойгов Іаддал-Хьамида исбахьаллен-публицистически очеркайи статьяйи тематика тахкара, граждански т1емах йолча цу произведенешка хьекха халкъа денал гойтара.

Керттера дешаш: исбахьаллен литература, Гойгов, автор, турпалхо, очеркаш, граждански т1ом.

Дика лоарх1аме никъбаь, дег1аденад вай литература, из оттадара т1ате11а къахьийгачарех ца1 хиннав Гойгов Іаддал-Хьамид. Ший кхоллама никъ цо болабаьб, наьна меттала дешар а йоазув а доацача хана, эрсий меттала дукха говзаме литературан произведенеш язъярца. Х1аьта, цу хана цо царна кепаетташ хиннай Къулбехьарча Россе арадувлаш хиннача тайп-тайпарча прогрессивни периодически изданешка. Цун кхолламах МартазановаХьанифас ший монографе т1а аьннад: «Лоарх1аме моттиг д1алоацаш ба Гойгов І.-Хь. кхоллам г1алг1ай литературе…» [8: 34] (Таржам – Котиева З.).

Дукхаг1йола Гойгова очеркаш а статьяш а т1емах лаьца тематика йолаш я. Царна юкъе йоаккха еце а лоарх1аме моттиг д1алоацаш да Советий а 1арбий а дешар дувцаш дола йоазонаш. Геттара хала а 1азапе а хьахьокх цо кхалнаьха вахар, цар ца хинна бокъо, Советий 1аьдал оттарца царга бокъо енай ала г1ерт йоазонхо.

«Гойгова эггара хьалха язъяьча литературни произведенеех ларх1а еза «Эссах урач1а», «1918-ча шерара июль» яха ши очерки, «Даьг1астен лоамашка г1олла» яха дневника хьисапе д1аяьздаь йоазуви» [7: 39] (Таржам – Котиева З.), – яхаш яздора 1961 шера Гойгов Іаддал-Хьамида говзамеча йоазоний тохкам баьча литературоведа В.Б. Корзуна.

«Эссах урач1а» яха очерк Іаддал-Хьамида язъяьй 1919 шера. Цу т1а бувц Орджоникидзеи цун сесаг Зинаи, Фигатнерии, Назаретянии, Бутырини, Этингофии, Албогачиеви, Калмыкови, Зязикови, Гойгови, Арусяки ший сесагаца Цинцадзеца, цар з1амига йи1иги. З1амигача юрта Эрши кхача г1ерташ Эссах урач1а болхаш ба уж. «Т1ой-Юрта хиннача т1ем т1а ийша, х1анз дог деха, к1аьдбенна ба уж. Орджоникидзе цар к1езига самукъадаккха г1ерташ бегаш бу. Ше а царел ч1оаг1ач1а к1аьдвенна воллаше, ворх1 бийсан наб яь воаццашехьа воха ца вохаш, шийцарча наьха а саметтаоттаде г1ерт из, х1ана аьлча, кхы а дукха бе беза цар никъ» [1: 23]. Йоккха яц ер очерк, амма, автора дика гучайоаккх маьршача наха цу хана лайна хало.

«Даьг1астен лоамашка г1олла» яха очерк язъяьй 1920 шера. Цу т1а бизза хьахьокхаш ба селий, автора къаьгга дехкад цар аматаш, цул совг1а хьахьекхад цу хана мехка лаьтта хьал. «Дагестанцашца цхьана Гойгова кодам бу Махач Дахадаев яха революционер д1аваларах. Къахьегаш вола

саг, моллаг1ча къамах вар аьнна, башха доацаш, дег т1ара везаш ва Гойгова» [5:6].

Йоазонхочун «Г1алг1ай къам. Кортамукъале бахьан лайна 1азап» яха очерк кепатеха арайоал 1918 шера Буро т1а. Бакъдолча художественни сурташца хьахьокх цу т1а автора г1алг1ай халкъо б1аьшеренашка лайна халонаш, т1алаьтта доккха 1азап.

Гойгов І.-Хь. говзамерча йоазоний мах геттара лакхлу цо ший произведенен юкъе каст-кастта исбахьален говзаме приемаш кхувларах. Очерк д1айолалуш, экспозице, Къилбаседа Кавказа геттара хозача 1алама сурт диллад: «лакха, кура Бешлоам», «низ бола сиха Тийрк» – укхаза автора йоалаяьй эпитети гиперболеи. «Деррига дохадеш, шийца д1ахьош, цунгара кортамукъале яккха г1ерташ санна, сиха тата деш додар Тийрк» [2: 17] (Таржам – Котиева З.). Укхаза а йоалаяьй гипербола. Автора хьахьокх, мел царна тара доацаш хиннад паччахьа замах г1алг1ай къахьегамхой вахар. Белгала къаьга сурт оттадеш ювц цо паччахьа 1аьдала чиновникаша з1амигача къама т1алоаттаяь халонаш. Лаьтташ д1адаха г1ерташ, шоайла уж эг1абе г1ерташ. Г1алг1ай барт ч1оаг1а болга хайна, шоай уж бохабе в1ашт1ехь ца даьлча, лоалах дахача къамашта юкъе «ц1ур» бехкаш, уж духьалдаха хьежар. Цу тайпарча ший очеркаца Гойгов І-Хь. вайна дика хьагойт мишта дег1алдера къизача паччахьа 1аьдалцара г1алг1ай моастаг1ал, дагадохийт массайттаза а г1алг1ай къахьегамхоша шоай денал ураоттадаь, цунна яь духьале.

«Къулбехьарча Россе эрсий меттала арадувлаш хиннача тайп-тайпарча периодически изданешка, къаьстта ц1ихеза революционер Габиев Са1ид редактор а волаш Буро т1а 1918 шера 27 октябре хьалхара номер араяьннача Къилбаседа Кавказа коммунистий орган хиннача «Революционни лоамаро» яхача газета т1а вайна корайоаг1а Гойгов Іаддал-Хьамида говзамерча йоазонашта дикка тара а йолаш, к1ала «Агсиго-Черный» яха псевдоним а латташ йола литературно-публицистически жанрах язъяь кхы а цхьа иттех очеркаши статьяши» [4: 24], – яьзду И.А. Дахкильговс.

Гойгов Іаддал-Хьамида «Кортамукъаленга кхача г1алг1ай халкъо бихьа никъ» яхача очерка керттера чулоацам ба къизача паччахьа 1аьдало Къилбаседа Кавказа лоамарошта т1алоаттаяь хало гойтар, из бахьан долаш шоай Дай-мохк а бита, кортамукъаленга сатувсаш дуккха г1алг1ай Туркий мехка д1абахар, х1аьта ца болхаш бисараш цо етташ, 1етташ, шоай лаьтташ т1ара лелхабеш, дунен т1арча парг1атонех баьха хьувзабар. Дуккхаза а из хьал ца ловш паччахьа 1аьдала духьалбийлар г1алг1ай, – йоах авторо, –бакъда, низ к1езига хиларах, массаза а эшар, х1аьта а цар ц1аккха а догдиллацар кортамукъаленахи парг1атонахи.

Белгала из дар г1алг1ай къахьегамхой юхьанца денз шоашта лаьттеи, кортамукъалеи, парг1атои лургья аьнна кхайкадаьча Советий 1аьдалагахьа бовлар. Цул совг1а, цу очерка цхьацца дола доакъош вай лакхе йийцача очерка т1ара хьаийца да. Х1аьта, цхьатара ба очеркий мотт, фразеологически обороташ, тематика, композици, стиль, лелаю метта говзалаш. Цу очеркий автор Гойгов І-Хь. волга бакъду цхьаькха цхьан белгалоно а – вай лакхе ц1ияькхача произведенешта юкъе йоаг1аш йола «Г1алг1ай мехка хинна школаш» яха очерк цул т1ехьаг1а ший «Сомавалар» яхача повеста юкъеяхийтар авторо.

Д1аяхача 1азаперча паччахьа замах яздаь ца 1еш, Гойгов Іаддал-Хьамида лоамарошта парг1ато йоаккхаш латтача кердача заманна а хетаяь хиннай ший цхьайола статьяши очеркаши. Горьке дуккхача произведеней санна лакхара граждански пафос йолаш, нах б1убенна кердача вахара т1абехаш хиннай уж. Царех ларх1а езаш я «Къилбаседа Кавказерча лоамарой Союз», «Бицбеннараш», «Г1алг1ай коммунистий сотня», «Къоалаш д1адахар» ц1и йола статьяш.

«Къоалаш д1адахар» яха статья кепатеха араяьлар 1973 шера Гойгов Іаддал-Хьамида «Кортамукъален 1уйре» яхача книжка т1а. Цу т1а вувц Албогачиев Юсуп. Цо нахага т1ахьехам барца кхеллар «Гадз» яха тоаба. Из кхоллара бахьан – къоалаш д1адахар да. Цу тоаба 350 саг чуводар. «Тхайса 1одуларгда оаха, амма бакъда, къоалаши зеи мел деш дола х1амаш д1адоахаргда» [1: 33] (Таржам – Котиева З.) – йоахар диканга сатувсача г1алг1аша.

Серго Орджоникидзес могаварца ше «Горская беднота» яхача газета редакторалла хьожавича язъйир Гойгов І.-Хь. «Забытые» («Бицбеннараш») яха очерк. Эггара хьалха из кепатеха араяьнний «Халкъа 1аьдал» яхача газета т1а. Вокхарна юкъе а дика лакха лоарх1ам болаш я из. Цу т1а ше мел дувцачун керттера ма1ан а деш Гойговс т1ахьех лакхарча кхетамца бола парте викалаш лоамарошта юкъе оаг1ув хьаллаца малув д1ахайтара, агитаци шерег1а йоаржаяра, къеча наха шоай моастаг1а малув, доттаг1а малув д1ахайтара.

1919-ча шера Деникина х1алакъяьча г1алг1ай юрташкара экономически а политически а хьал дувцара хетаяь хиннай Гойгов Іаддал-Хьамида «Кортамукъа лоамаро» ц1и йолча газета т1а кепатеха «Г1алг1айче» аьнна корта а болаш йола йоккха статья. «Цун хьалхарча даькъанна к1ала латт «Кара» яха подпись. Хетарах, из а Гойгова псевдоним хиннай, х1ана аьлча цу деша

ма1ан де вай делча, «Кара» яхар туркий дош да, эрсий меттала даькхача из да йоазонхочун вай хьалхаг1а «Агсиго-Черный» хинна йаьнна белгалъяьча псевдонима шоллаг1а дакъа» [6: 25].

Къаьстта хьоахае еза 1арбий дешара хетаяь статьяш. Уж я «Г1алг1айче. Бераш довш латт», «Лоамарой юрта хинна 1арбий ишкол». Уж произведенеш кепатеха араяьлар 1973 шера «Кортамукъален 1уйре» яхача книжка т1а. Тхога хаьттача, автора дукха шийгара 1от1атеха х1амаш дувц цу статьяш т1а, ч1оаг1а во, ийрча ювц хьужаре, сийз боах моллаш, х1ана аьлча, цу заман чу ишта дувца дезаш хиннад. Ца дувце, цу тайпара йоазонаш кепатохацар.

«Лоамарой юрта хинна 1арбий ишкол» яха статья д1айолалуш ювц хьужаре мишта яр. Из ювцаш автора пайда ийцар тайп-тайпарча исбахьаллен белгалонех. «Цун гонахьа хотта мара кхы х1ама дацар. Б1еха фо араухар з1амигача ишколан корашкара, арара хоттаца в1ашаг1ъийча дакъий хьадж хьахулар цох». Укхаза автора доаладаьд эпитети метафореи. Дешархой ц1ог1арч мара кхы х1ама дацар цу чу. З1амигача ц1алгача в1ашкате1а баг1ар «мискаш». Шоаш дешар фуд хацар, сихаг1а кхоачалудалара ер 1азап, яхаш санна ни1 йолча д1ахьежар каст-кастта. Укх статьяш т1а, автора дистар доала а даь молла тараверзаваьв эрсий палача. Нагахьа оаз хаьда, мута1аламашта ч1оаг1а деша ца лой, саьрг беттар цо. Автора йоах, укхаза хьадаьхка бераш бутт баьлча воча боалар, г1еллора, лазараш хулар. 1уррехьа сарралца цу хьужаре чу бахкарах, б1еха феца садахарах пехкашта лазар хилее бовра.

Уж статьяш 1ойийшача кхыча къаман нах унзара бувллал х1ама да из. Цу хана хиннача 1аьдала дезаш а дар из, х1ана аьлча бусалба ды наха лелабар царна эшацар. Цу тайпа хьужаре ийрча йоахаш, моллаш сийзабоахаш цу замах дукха произведенеш язъяьй йоазонхоша. Массала, Базоркин Идриса «Боадонгара» яхача романа т1а ч1оаг1а воча ваькхха хьахьекхав Хьасан-молла. Дукха моллана ца доаг1а, ийрча дола г1улакхаш леладу цо.

Кхы а хьоаха ца деш дита йиш яц Плиев Махьмад-Са1ида «Хала урхе» яха роман. Из д1адолалуча хана ювц хьужаре. Берашца моллаша лелаяь къизал, готтига б1еха хинна ц1алг дувц цу т1а. Юрта напах деха ухийтар бераш. Царна из г1улакх мишта гоамадар а эсала хетар а дувц автора. Амма бакъда, моцалла ца балар духьа а шоашта та1азар ца дайта а фуннаг1а де кийча бар уж.

Оаха лакхе ма аллара, йоазонхоша хьужареш воча а яьха,моллаш къиза хьахьокхара бахьан хиннад шоай произведенеш кепатохаргьйолаш. Бокъонца цу тайпара ийрча г1улакхаш леладеш хиннадац.

Иштта, къамо кортамукъале йоаккхача хана, вахаре хиннача хатарех, цу шерашка актуальни хиннача темаех яздеш д1аволавеннав Гойгов І-Хь., цудухьа цун очеркаш идейни к1оарга чулоацамболаш а я. Цул совг1а, автора дика в1ашт1ехдаьннад турпалхой денал, цар к1оарга хинна хьаькъал, леладаь эхь-эздел хьахьокха.

Боккхача маьхе йола исбахьаллен-публицистически очеркаши статьяши язъяь хиннай белггала 1918-1921-ча шерашка, вешта аьлча Къилбаседа Кавказе Советий 1аьдал ч1оаг1далалехьа, цига къиза т1ом лаьттача хана. Х1аьта, цу г1улакхо ч1оаг1а лакхбу цу произведеней мах а лоарх1ам а.

Литература

1. Гойгов А.-Г. С. Избранное / – Грозный, 1961. – 218с.
2. Гойгов А.-Г. С. Ингушский народ. Страдания ради свободы // За новую жизнь: Повести, рассказы, публицистика, письма. – Грозный, 1986.
3. Гуляев Н.А. Теория литературы. – М.: 1977. – 320 с.
4. Дахкильгов И.А. Нет литературы – нет духовности / Боль и гордость моя – Родная Ингушетия. – Нальчик, 2007. – 576 с.
5. Дахкильгов И. Г1алг1ай проза д1аоттар // Лоаман 1уйре. – 1968, №1. – С. 6
6. Корзун В. Б. Писатель Гойгов Абдул-Гамид // Сердало. – 1960, 11 сентябрь. – С. 25
7. Корзун В.Б. Жизнь и творчество А.-Г. С. Гойгова / Гойгов А.-Г. С. За новую жизнь: Повести, рассказы, публицистика, письма. – Грозный, 1986. –257с.
8. Мартазанова Х. М. Ингушская проза XX века: национально-художественные истоки, жанровая специфика, поэтика. – Махачкала, 2017. – 333 с.

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В РАССКАЗАХ АБДУЛ-ГАМИДА ГОЙГОВА

Мартазанова Х. М., Котиева З. М.

Аннотация. Статья посвящена исследованию тематики рассказов Абдул-Гамида Гойгова. Рассматривается роль женщины, раскрывая особенности художественного произведения.

Ключевые слова: литература, Гойгов, месть, тема, идея.

THE IMAGE OF A WOMAN IN THE STORIES OF ABDUL-HAMID GOYGOV

Martazanova Kh.M., Kotieva Z.M.

Annotation. The article is devoted to the study of the themes of the stories of Abdul-Hamid Goygov. The role of a woman is considered, revealing the features of a work of art.

Key words: literature, Goigov, revenge, theme, idea, mountain woman.

ГОЙГОВ ІАДДАЛ-ХЬАМИДА ДУВЦАРАШКА КХАЛСАГА АМАТ

Мартазанова Х. М., Котиева З. М.

Аннотаци. Статья хетаяьй Гойгов 1аддал-Хьамида литературни т1ехьален юкъе лоарх1аме моттиг д1алоацаш долча дувцарий тематика тахкара, цул совг1а цо цар т1а белгалдаькхха хьахьокха кхалнаьха вахар мишта хиннад дашхара.

Дукхаг1а юкъе лела дешаш: литература, Гойгов, пхьа, тема, идея.

Вай мехка Советий Іаьдал оттадара т1ате11а къахьийгачарех а, хІаьта цул тІехьаг1а Мальсагов Кураза Зоврбикацеи Беков ДордагІа Темботацеи цхьана г1алг1ай литература дег1адоаладеча къахьийгачарех а, цун лард еллачарех а ца1 хиннав Гойгов Сипсой Іаддал-Хьамид.

Вайна юкъе лелаш хинна цхьадола харца г1улакхаш: бахьан доацаш довнаш леладар, пхьенаш хьерчадар, цатоамаш дахар, дешара г1улакх ладара хилар – из деррига а тахан эргадаьннад, бакъда, ший замах ч1оаг1а уж г1улакхаш кхыча тайпара йола моттиг д1алоацаш хиннад вай даьй вахара юкъе. «Къаман сийдола къонгаш хиннаб даьй вахар-лелар сердалга дига г1ерташ» [9:12] (Таржам – Котиева З.). Иштта, «…уж халонаш наха юкъера юстараяха г1ерташ кхеллад Гойговс ший исбахьаллен литература» [5:211].

Гойгова І. -Хь. 30-ча шерашка кхаччалца хиннача кхоллама корта ба ала мегаргда«Дербича ч1ир» («Месть Дербича») яха произведени. Цо из язъяьй 1929 шера. Цох тешал ду вайна цун керда юцаш йола тема, к1оаргга хьахьекха идея, кердача заман бокъонца вола турпал, вахар революционно дег1аахар, лакха эстетически боарам – деррига чудоаг1а цу дувцара. Укх прозведене экспозици я 1алама сурт. Из кхоллаш авторо кхийлай тайп-тайпара дешай говзалаш.

Дувцара керттера турпала ва Дербич – миска ахархо. Цун Советий 1аьдало лаьтта а говр а лу. «Б1аьхийча наха 1оттараш ю цунна – говр сенна еза, х1аьта лаьтта аха мишта хов хьона, яхаш. Ше санна къебараш в1ашаг1тохаш, цо хьаю ТОЗ-а хьисапе юкъарал» [3:18] (Таржам – Котиева З.). Ше бегвоахаш лийннача моллашцара, кулакашцара, совдегархошцара ч1ир лаха дага ва Дербич, бакъда ширача замах санна герзаца а доацаш, къечар кхетаченца цар са хоададе лерх1 цо. Из карагІа а доал цунна.

Гойгов Іаддал-Хьамид исбахьаллен литературе «…мел дег1авенав гургда цун шин турпалга Джан-Гирега а Дербичага а хьежача. Шаккхе а цхьаттара къе бар уж, бакъда д1ахо д1а мел долчунца дукха къасташ ба уж. Дербич хьинарег1а къувсаш ва ший бокъонах, классови кхетам лакха бар цун, кердадар ший кулгашца хьаккхоллаш а ва из» [8:430].

Цун литературни т1ехьален юкъе лоарх1аме г1а йола моттиг д1алоацаш я вай кхалсага вахар дувцаш язъяь произведенеш. Ший «Из тьмы прошлого навстречу светлому будущему» яхача дув-

цара т1а цо юст кхалсага Советий 1аьдал оттале-хьеи, из эттачул т1ехьаг1еи хинна бокъо. Дийтта шу даьнначул т1ехьаг1а ше енна д1аяллалца къахьегаш яха езаш гойт лоаман кхалсаг. Цо аьнна дош саго ларх1ацар, шийга дас, е вошас, е мара аьннар де дезаш яр из. Кхай т1а болх цо бора, коа кулг цо тохар, дезалага из хьожар, баа кхача цо лоаттабора. «1а, шелал, г1орал. Б1арчча дийнахьа биркъа кочилг йийха коа йоал из: кхо д1адоаккхаш, жа-доахана ялат тоссаш, эзар декхар да цун. Ди сайренга лестача, еррига этта, тишача к1удалача хий дахьар цо. Бакъда, ма1саг й1айха ферта кхелла ва, пишка юхе мерза наб еш улл из» [2:83] ((Таржам – Котиева З.).

Авторо хьахьокх ма1ача сагеи кхалсагеи бокъо. Из иштта хиннадоацалга ха мегаргда вай боккхийча нахага ладийг1ача. Халаг1а дола х1амаш къонахчо даьд, дезал а цо кхаьбаб. Сесаг кхаш т1а болх бе а яхийта, ц1аг1а й1айхача пишка юхе вижа илавац из. Амма бакъда, д1ахо Гойгов 1аддал-Хьамида ший дувцара т1а кхалсаг маьре мишта д1алора хьоахадича, из харцве йиш яц. Ц1аг1а дага ца воалаш, хаьтта-аьнна ца деш, ший йи1ий барайтта шу даьлча, маьре д1айохийташ хиннай. Д1ахо йоазонхочо цу «баьдеча» хана духхьала оттаю Советий 1аьдал этта хинна зама, кхалсага вахар мишта хувцалу хьахьокх цо. Х1анз лай е доахан санна йохка йиш яц из, низ-заг1а е йодаяь маьре йига йиш яц. Шийна дезаръшар хержа йиш я цун, безам хуле деша отта мегаргьяь. Царна юкъерча диалогаша ший тайпара бос болаш яьй уж оаг1онаш. Вайна ховчча тайпара, «керттерча турпалхой диалогаша ший бос болаш хулийт произведени» [11:171] (Таржам – Котиева З.).

Укх произведенеца Гойгов Іаддал-Хьамид ала г1ертар да, Советий 1аьдало кхалсага сийрда никъ хьабийлаб, 1аьржа боадо т1ера д1аяькккхай, ма1ача сага санна бокъо еннай. Тхога хаьттача, автора дукхаг1а мел дола х1ама гиперболизировать даьд, ма1саг кхалсага воаккхаг1вола моастаг1а санна хьахьекхав.

«Сердал йоаца никъ» («Беспросветный путь») яха произведени масайттаза тоаеш кепайийттай 1922, 1924, 1929 шерашка. Цу т1а автора дувц наьха хала вахар, къел, кхалсага бокъо, 1адат. Доккха дац из дувцар, ялх дакъах латт, амма бакъда, Іаддал-Хьамида дика в1аштехьдаьлар цу з1амигача произведенеца сага кхел, цун вахар, дезале оамал гучаяккха.

Кхы а ала деза, 1алама сурт кхоллаш, турпалхой сурт-сибат оттадеш автора дукха дешай говзалаш кхийлай, уж я: эпитеташ, дийндараш, гипербола, кх. а д1. Укх произведене экспозице 1алама сурт дувц: «Г1ар еш, булкъаш беш да эг1аздаха доаг1а Эсса, аралелхаш сийдолча лоамий дег чура уд из» [2:21]. Укхаза йоазонхочо доаладаьд дийндар, цул совг1а эпитет а. «Дувцара къовсам гучабоал автора кертерча турпалхочун маьре яхалехьа хиннача вахаре цун маьрел мишта хиннад хьахьокхарца» [10:43] (Таржам – Котиева З.).

Дувцара т1а автора ювц 1айшет, лай санна маьрац1аьшта чулатташ. Ше йи1иг яьчул т1ехьаг1а, маьрц1аьша цунца лоаттаяь къизал д1аяргьяь моттар 1айшена, бакъда, цунна моттар гаьна дар. К1аьнк х1ана ваьвац 1а, во нус я хьо, яхаш 1оттараш йора цунна. Дерригача вахарах дог эккх къонача несий. 1айшета дог г1оздоахаш, д1ахо яха низ тел цун з1амигача беро. Деррига вахар а дегаг1озале а цунца дувзаденна да цун.

Ц1аьхха тиф яха лазар кхийтта д1авоал цун мар Осман. Из венначул т1ехьаг1а парг1атйоал 1айшет. «Мукъаяьнна лай хувцаелар. Хьалха г1ийла, этта хинна из, х1анза хоза хиннаяр. Боккха 1аьржа ши б1арг, шера сома ц1ацкъамаш, илдара г1ов долаш… Цу дерригача х1амо йоахар из мишта раьза я» [2:50] (Таржам – Котиева З.). Ше х1анз парг1ата ма яьннайий аьнна хетача хана, бирсача михо санна горайохийт 1айтеш. Ца1 мара йоаца йо1 д1айоаккх маьрц1аьша, цун вахара г1озале, цун дунен сердал.

1адати шари1ати 1аьржа морх хинна 1айшета т1ехьалел ала г1ерт автор. Цу ханага диллача, иштта язде дезаш хиннаб произведени кепатоха безам бола деша говзанчаш. Цудухьа Гойгова І.-Хь. турпалхо а шийга маьрц1аьша ма аллара, йи1иг йита ц1аяха езаш хул. Д1адоаккх цунгара хьамсара бер. 1айшета т1еххьара барташ доах ший йи1ига, мархьа ехк, хьест… Укхаза вайна дагайох «Джан-Гири» яха повесть. 1айшет санна ший дезалах къоастаю Лида, доаду цун ираз, йоаккх сийрдача кхоанех. Фу бахьан долаш оттаяьй нана цу хьала т1а, гойташ дег1айоалаяьй автора ший произведени. Из ала г1ерт нанеи бери ма къоастаде шоайла.

Йоазонхочоа геттара дика ховра вахара тайптайпара сурташ хьакхолла, дале а эсала моттигаш к1езига яц повесте, х1аьта Гойгова І.-Хь. низ тоъ кхалнаьха хьал хьахьокха, цар бокъо к1езига йолаш дола хала вахар дувца.

Йоазон метто белгалду ер произведени очерка тара лесталга, атта хиннадац цунна ц1аьхха очер-

кашкара эпически произведенешка вала. «Сердал йоаца никъ» («Беспросветный путь») яхачоа тара долаш дукха да ГойговаI-Хь. «Лоаман кхалсага г1а» («Сон горянки») яхача дувцара т1а а: корзаг-1даьнна Эса – вай халача вахара символ, лоамарой къел, кхалсага доал. Произведени йоакха яц, цхьабакъда, цу чу кизга чу санна хьахьокх г1алг1ай кхалсага атта ца хинна вахар. Цу дувцара т1а ювц Фатима яха йи1иг. Да-нана доацаш, даь-вешийца ях из. Цхьан бийсан ч1оаг1а мух а баьнна, дог1а делхаш хул. Тхьовса ца могаш, метта керчаш улл йи1иг. Мичара боаг1а ца ховш кхо-виъ ма1саг хьачу а лийлха, йодаю Фатима. Из йодаяьр хул кховзткъа шу даьнна «з1амига саг». Шийга яхар ца дича г1адж етта волалу из цунна. Ше мича г1оргья ца ховш, д1а-схьа хьежа йолалу Фатима. Саьн чу латтача дигах б1аргкхет цун, кхы д1ахо уйла ца еш, из диг хьа а ийца метта уллача «з1амигача сага» дул цо. Ара а ийккхе, йода из. «Шийлача михо уйлаш метта оттаю йи1ий. Лакхача лоама т1а да едда йода из. Ког лайжа 1ойожашшехьа…сомайоал» [4:26] (Таржам – Котиева З.).

Ала деза, цу замах санна, х1анз а т1ехьа нийслу къона йо1 ха яхача сагага д1алуш. Из иштта д1аялар дукхаг1йолча метте хьал долаш саг хилар дар, шортта урдув хьаделча, мискача дас-нанас «вохкар» ший дезалхо. Масала, Базоркин Идриса яздаьча «Боадонгара» яхача романа т1а а нийслу из х1ама. Иштта,Озиев Салмана ший «Урдуви Тамареи» яхача поэма т1а а хьоахаду Аьлмарзас ший йо1 Марем хьал долча воккхача сагага маьре йохийташ.

Кхалсага бокъо ювца эттача, хьоаха ца еш йита йиш яц Гойгов І.-Хь. «Нана-есар» яха легенда. Из кепатеха арайоал 1961 шера «Хержараш» («Избранное») яхача книжка т1а. Кхалнахах язъяьча произведнешта юкъе белггала моттиг д1алоацаш а, вай багахбувцама ларда т1а г1олла кхелла а я из. Произведени д1айолалуш, экспозици йолча, ювц Шоане яха моттиг. Цига ювц йоккха статистически элемент – 1алама сурт. Из сурт кхоллаш автора кхийлай тайп-тайпара дешай говзалаш – эпитеташ, дистараш, дийндараш, гиперболаш. Масала, йоалаергья вай эпизод: «Цига, лоаман з1оаголаш сигаленга кхоачача (гипербола), к1оаргача аьлешка тоатала тата хозача, лоамара бер санна (дистар) цхьалха волча, михо тохача х1ара чингаца (метафора)» [1:2].

Легенда кхоллаш Гойгов І-Хь. йоалаяьй ретроспекци. Дувцара чулоацам шийна хьабийцар воккха саг Элмарза ва йоах автора. Цо цу дувцара т1а вувцар ший да Мочкъа ва. Ж1айрахьаи Тирканеи дехьа г1аьр еш, цо йодаяь хиннай хозалла ялайоалла х1ирий йо1 Нана. Кхадж тессача Мочкъанна кхаьчай из. Д1ахо дувц Нанас ловш хинна 1азап, дог те1а яьхай из, г1ожача маьрело к1езига беш хиннаб цунна тоам. Кхы а укх моттиге автора гучабоаккх йи1ий ший Даьхенцара хинна безам.«К1езига-дукха Нанай вахара кхел М. Ю. Лермонтова «Мцыри» дагавохийташ а я. Шиннена а сил дукхаг1а шоай даьхе еза, цох къаьста ла уж» [6:426]. Цул совг1а, дагайох багахбувцама «Уцага Малсаг» яха сюжет а, Дахкильгов Ибраьх1ама яздаь «Фоти» яха дувцар а.

Легенда т1а Уцага Малсага хьайоалаяц шийга йоаг1а черсий аьлан йо1, цу йи1ий ший Даьхенца къаьстача ираз а хургдац, аьлан мулка т1а хинна оатто а хургьяц, аьле «Аьлан коа в1ашаг1а мел кхийттараш шийна ловцаш даха болабелча, сакхийра Уцага Малсага аьлан йо1 шийга хьалуш йолга. Т1аккха пурам а дийха, къамаьл даьд цо: «Сихлургдац вай, сих даха хий фордах кхийттадац, оалаш да тха кица. Тахан аьлан коа в1ашаг1кхийттараш шо-шоай къамашта юкъе эггара ч1оаг1аг1а хьал-торо йола, эхь-эздел, хьаькъал дола аьлий к1антий ба. Со къеи мискеи саг ва. Аьлан мулка т1а эшар-дезар фуд ца ховш яьхача йо1а бала бергбац аз тахан сай мискача фусвме йига. Из езарга диллача дунен т1а мел дола дошуви жовхьари цхьан оаг1орахьа а оттадаь, шоллаг1ча оаг1орахьа из оттайича, аьлан йо1 мара хьаэцаргьяцар аз. Х1аьта а бала бергбац аз цунна а сайна а. Со шун дикан т1а вар г1алг1ай къаман яхь ца йохкар г1оне нийсденна да. Шун йо1-йиший даим дог делаш яхар хилда, ираз долаш даькъала моттиг хийла» [7:10-11].

Х1аьта, Дахкильгов Ибраьх1ама «Фоти» яхача дувцара т1а вайна гу вай къаман нах «есар» яхача дешах лоралуш хинналга. Цикне яхача къоаночо оал цига: «Баьччага д1аала, лоалла увттадара духьа 1о а деш хьалкхедац уж бераш. Тхоех ца1 лай ца хилийта, дерригаш а дала кийча да тхо. Хьо а хье лай хиннача тайпара лувш ва, визза цу баьччий лай ва хьо. Кхы а ала хьай баьччага, ер г1алаш яха дукха нах г1ийртаб, бакъда х1анзолца цхьаннена мегаьдац из де» [8:65].

Вайна ма харра, ч1оаг1а хала да ший мехках а, даьх-наьнах а, дега хьамсара болча нахах

а къаьста ваха. Из бахьан долаш ч1оаг1а х1алак хул Гойгова турпал Нана-есар, денгара-ди мел доал, эшалу цун хозал. Яда йоларах х1ама хилац цун, юха а ерзаяь, эг1азвахача Мочкъас г1алий чу къовл Нана. Т1ехьара дегаг1оз д1аяккхарах, из деррига ла низ боацаш соц къонача йи1ий дог. Йоазонхочо уйла йойташ долча укх риторически хаттараца чакхйоаккх легенда: «Маца д1адаргдахьог1 лоаман кхалсага т1ера боадои лоали?».

Укх произведенеца автора хьахьокх вайна цу хана кхалсага хиннайоаца бокъо, цун хала вахар. Кхы а ала деза, укх легенда эсала ларх1а дезаш дар да г1алг1ай къонахий оакхарий санна хьахьокхар. Из, тхога хаьттача, харц да. Из харц хилар белгалдаьд лакхе доаладаьча Уцага Малсагах долча халкъа легенда т1а а, деша говзанчас Дахкильгов Ибраьх1ама ший «Фоти» яхача исторически ларда т1а яздаьча дувцара т1а а.

1илманхочо Дахкильгов Ибраьх1ама ма аллара: «Таханарча, эргаяьннача, замангара цу д1аяхача заман 1от1а а хьежаш, цу хана из а вож а, е харцахьа е бакъахьа хиннад яха къамаьл деча метте вай лорадала дезаш да цу ханарча йоазонхоех бехкаш даха. Вай къаман цу хана лазаш хинна х1амаш дукха дувц І.-Хь. Гойговс, цо уж дувцаш хиларца вай къам цо 1оте1адеш санна а хеталу цхьаболчарна. Из иштта дац. Ший къамах дог лазаш хиларах, цунна юкъера зуламаш сихаг1а д1адаларга сатувсаш хиларах дувц цо уж боадан, т1ехьадиса, тайпан замангара хьадоаг1а тишденна г1улакхаш. Ший граждански декхар лоарх1аш хиннад йоазонхочо къаман юкъера цунна новкъа дола х1амаш д1адахар, къамо д1ахо хьош бола никъ ц1енаг1а хилийтар» [8: 231].

Лакхе йийцача Гойгов Іаддал-Хьамида произведенешка бувцаш болча кхалнаьха – 1айшета а Фатимай а – вахар а кхел а тара дар Къулбаседа Кавказерча кхыча къамий кхалнаьха вахара, цудухьа царца дувзалуш дукха да «П1аьт1амат» яхача С. Бадуева романа а драма а, «Камачич» яхача Д. Гулиа произведенеца а. И ш т т а , Гойгов Іаддал-Хьамида уж дувцараш 1одийшачо г1алг1ай ма1асаг кхалсага эггара воккхаг1вола къиза моастаг1а ва аргда, ираз дайна миска бо санна хьахьокх кхалсаг а. Уж еррига произведенеш ширача замах юхедисача г1улакхашца къовсам лоаттабеш я ала мегаргда.

Литература

1. Арчаков С. Нана-есар // Сердало. – 3 ноябрь, 2016. – С. 2.
2. Гойгов А.-Г. С. Избранное / – Грозный,1961. – 218с.
3. Гойгов А.-Г. С. Месть Дербича // Сердало. – 1929, № 26-29. – С. 18.
4. Гойгов А.-Г. С. «Сон горянки»: рассказ // Сердало. – 1928. – С. 24, 26.
5. Дахкильгов И. А. Г1алг1ай говзаме литература. – Нальчик, 2009. – 607 с.
6. Дахкильгов И. А. Наьначе. – Магас, 2012. – С. 6
7. Дахкильгов И. А. Антология ингушского фольклора. Ингушские предания. – 10 т. Т. 8. – Нальчик, 2010. – С. 65
8. Дахкильгов И. А. Боль и гордость моя – родная Ингушетия. – Нальчик, 2007. – 575 с.
9. Евлоева А.М. Образ народного защитника в очерке «Верой и правдой» и в драме «Террор» Саида Чахкиева // Тезисы докладов научно-практической конференции «Вузовское образование в современных условиях». – Назрань, 2002. – С. 11-13.
10. Мартазанова Х. М. Ингушская проза XX века: национально-художественные истоки, жанровая специфика, поэтика. – Махачкала, 2017. – 333 с.
11. Сарбашева А.М. Особенности речевой структуры современной балкарской драмы (на материале творчества Алима Теппеева) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2012. № 2-2 (46). – С.169–174.

ШТРИХИ К ТВОРЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ ВЫШЕГУРОВА МАГОМЕДА СУЛТАНОВИЧА

Хадзиева А. А.

Аннотация. В данной статье показан жизненный и творческий путь М.С. Вышегурова, проведено исследование его поэзии, показаны особенности его творчества.

Ключевые слова: поэт, становление, этап, поэзия, становление, зрелость, традиция, онтология, новаторство, проблема, тематика, приоритеты, архетипический, генезис.

SKETCHES FOR A CREATIVE PORTRAIT VYSHEGUROV MAGOMED SULTANOVICH

Khadzieva A.A.

Annotation. This article shows the life and creative path of M.S. Vyshegurov, a study of his poetry was carried out, the features of his work were shown.

Key words: poet, formation, stage, poetry, maturity, tradition, ontology, innovation, problem, theme, priorities, archetypal, genesis.

Магомед Султанович Вышегуров – поэт, педагог и публицист, член Союза писателей России (с 1990 г.), председатель правления Союза писателей Республики Ингушетия (с 1992 по 2001 годы), член Союза журналистов (с 1984 года), Народный писатель Республики Ингушетия, лауреат премии Ленинского комсомола, лауреат премии имени Идриса Базоркина, кавалер медали за строительство Байкало-Амурской магистрали.

Родился будущий поэт 23 декабря 1955 года в селе Федоровка Кустанайской области Казахстана. В 1972 году окончил среднюю школу№ 1 города Назрань, затем исторический факультет Чечено-Ингушского государственного университета имени Л.Н. Толстого. В период обучения в университе он проявлял большой интерес к истории и культуре Ингушетии, внимательно изучал литературу .

В 1977 году Магомед Вышегуров был принят на работу в редакцию газеты «Сердало» («Свет») на должность корреспондента, одновременно преподавал ингушский язык и литературу в средней школе города Назрань. Профессиональные занятия М.С. Вышегурова в этот период жизни позволили ему заявить о своём творческом потенциале и начать реализовывать его.

С 1978 по 1980 годы М.С. Вышегуров служил в армии.

После демобилизации работал главным редактором журнала «Утро гор» (1981-1984 годы). В 1984 году был участником Всесоюзного совещания молодых литераторов СССР.

Как поэт, М.С. Вышегуров сложился в 1980-е годы. Его стихотворения переведены на русский язык И. Елисеевым, О. Савельевой, И. Николаенко, Ф. Чуевым, Е. Пучковой. Многие произведения автора публиковались в отечественных журналах «Огонек», «Литературная учеба», «Дон», в газетах «Литературная Россия», «Вечерний Ростов». Газета «Московский литератор» писала о его творчестве как об особом явлении советской поэзии.

Интерес к творчеству поэта со стороны литературоведов возник сразу после появления произведений автора в печати. Среди исследовательских работ о творчестве М.С. Вышегурова особое место занимают статьи и рецензии М. Озиева, А. Танкиева, С. Чахкиева, И. Дахкильгова и др. Значительная часть научных публикаций посвящена изучению генезиса творчества поэта в контексте традиций ингушской литературы.

В статьях М. Озиева «О новом сборнике стихов «Солнечные гимны Ингушетии» и А. Танкиева «Вопросы художественности в творчестве молодых ингушских поэтов (Истоки, поиски и находки)» анализируются особенности лирики М. Вышегурова, стиль и язык его поэтических произведений. В частности, М. Озиев пишет: «Язык его (Вышегурова – Х.А.) произведений приобретает всё большую лаконичность, емкость и образность. Поэт стремится мыслить самобытно и оригинально, подчиняя форму содержанию,

смело экспериментируя с ней. Он избегает голых деклараций и констатаций. Все это заметно выделяет произведения М.С. Вышегурова в современной поэзии» [11, с. 69-70].

Рецензии Б. Абадиева на сборник стихов «Надежда» и А. Костоева на книгу стихов «Тамада земли» вместили в себя интересные наблюдения за динамикой творчества М. Вышегурова, а также содержат обоснованные выводы о самобытности поэта и его связях с национальной литературно-поэтической традицией.

В предисловии профессора И.А. Дахкильгова «Вхождение в мир поэзии» к поэтическому сборнику М.С. Вышегурова «Назам» («Молитва», 1990 г.) указывается, что лирику поэта условно можно разделить на философскую, пейзажную и любовную (2, с. 3). В дополнение к этим традиционным тематическим группам И.А. Дахкильгов выделяет «экологическую» лирику (там же, с. 7). Ученый подчеркивает, что М.С. Вышегуров находит яркие образы, метафоры, эпитеты и сравнения, и благодаря этому, каждое его стихотворение «имеет свой облик, свою душу, свой смысл, свой рисунок», то есть уникально и узнаваемо (там же, с. 7).

В предисловии «Эггара лакхагlа бола лоам» («Самая высокая гора») к сборнику стихов «Наькъий иллеш» («Дорожные песни») С. Чахкиев пишет, что стихи М. Вышегурова характеризуются глубоким содержанием, смелыми рифмами и образностью языка. Он подчеркивает, что молодой литератор не любитель, а весьма серьезный и талантливый поэт (5, с. 5), особо отмечая его способность несколькими словами создать многозначный поэтический образ.

Подробное исследование творчества М.С. Вышегурова проведено в работе А.А. Хадзиевой, которая вошла во второй том четырехтомного издания «Х1анзара г1алг1ай литература» («Современная ингушская литература»), изданный в 2013 году.

Периоды творчества М.С. Вышегурова отмечены выходом в свет поэтических сборников. Так, первый этап творчества, который можно обозначить как время становление поэта, ознаменован появлением в 1978 г. поэтического сборника «Наькъий иллеш» («Песни дороги). В этот период молодой поэт определяется с тематическими и эстетическими приоритетами, получает широкую известность и признание собратьев по перу.

Второй период творчества приходится на 1980-1990 гг. Это время расцвета поэтического таланта М.С. Вышегурова, зрелый период его творчества. Лирические произведения этого периода свидетельствуют о поэтическом мастерстве автора, глубине и содержательности его раздумий о мире и человеке в нём. В 1982 году поэт публикует второй поэтический сборник «Эздел» («Благородство»), в который вошли стихи на различные темы. Образы родного края и матери становятся доминантами его поэзии («Родина-мать», «Сердце матери – солнце», «Мой народ», «Разные народы», «Подарок»). Лирический герой – это современник поэта, живущий в быстроменяющемся мире, но свято соблюдающий лучшие традиции своего народа («Слово», «Пожелание», «Пожелание человеку», «Думы поэта», «На крыльях» и т.д.). В этот же период были опубликованы такие сборники, как «Созвучие», «Бочал» («Ласка» 1987 г.), «Отражение» (1988 г.), «Лирика» (1990 г.).

Третий период творчества М.С. Вышегурова – с 1990 по 2006 гг. – условно можно назвать временем пристального внимания автора к философской теме свободы. Эта тема оказалась созвучной как личным раздумьям поэта, так и содержанию эпохи. В последние годы жизни М.С. Вышегуров опубликовал сборники стихов «Солнечные ингуши» (2001 г.) и «Жалоба земли» (2004 г.).

Лирика М.С. Вышегурова стала важным явлением ингушской литературы второй половины XX века. Отличительной чертой поэзии М.С. Вышегурова как целостного литературно-поэтического явления следует назвать углубление на протяжении творческого пути поэта интереса к онтологическим проблемам. Стихотворения автора пронизаны мыслью о будущем, о смысле жизни, о предназначении человека. Философские раздумья поэта оказываются тесно связанными с размышлениями о прошлом, настоящем и будущем ингушского народа. Гражданственность звучания поэзии, таким образом, обусловлена стремлением М.С. Вышегурова к многогранному осмыслению действительности. Тематические приоритеты лирики автора обусловили его активный интерес к поэтической форме, различным способам выражения лирического «Я».

Система философских взглядов поэта складывалась и эволюционировала под воздействием традиций классиков русской и ингушской поэзии, в контексте которых художник стремился найти своё решение противоречий между искусством и жизнью, долгом и чувством [10, с. 111].

Анализ лирического наследия М.С. Вышегурова позволяет сделать вывод о гуманистическом звучании его лирики. Идеи гуманизма, утверждение права человека на счастье пронизывают все творчество поэта. Размышляя о важных составляющих человеческой жизни, М.С. Вышегуров часто использует вопросно-ответную форму лирического стихотворения, что отправляет нас к притчевой традиции:

– Что на земле всего короче?
– С невестой счастье первой ночи.
– А что тогда всего длиннее?
– Мужчины болтовня от лени.
(Перевод Е. Пучковой)

Конечность и бесконечность жизни человека – одна из ключевых тем лирики М.С. Вышегурова. В стихотворении с характерным названием «Не может человек исчезнуть без следа» (13, с. 14), поэт высказывает мысль о бессмертии человеческой души:

Не может человек
Исчезнуть без следа.
И живы все, кто жил
До нас – я верю в это.
(Перевод И. Елисеева)

Власть времени, по мысли поэта, необратима, она делает человека смертным, но он продолжается в своих потомках, точно так же, как он своим рождением продолжал жизнь предков. Утверждение «Не может человек исчезнуть без следа» отсылает читателя к известному фразеологизму, значение которого подвергается в стихотворении творческому переосмыслению: жизнь человека не может не оставить следа, она не возникает из ниоткуда и не уходит в никуда.

Поэт пытается осознать и осмыслить жизнь как таковую, понять тайну смерти и бессмертия («Что значит смерть для человека?», «Солнечные мюриды», «Фатум», «Иметь столетнего отца»)

Стихотворение «Что значит смерть для человека?» построено на смысловой антитезе «Смерть – праздник». Эта антитеза отсылает читателя к ассоциативному ряду: «Смерть – горе – утрата – прощание – слёзы». М.С. Вышегуров отказывается интерпретировать уход человека из жизни в контексте привычных ассоциаций. Его лирический герой убеждён, что достойно прожитая жизнь дарует человеку достойную смерть, которую можно назвать праздником. Дружба и любовь к Родине и женщине, пронесённые через всю жизнь, – свидетельство того, что человек прошёл свой жизненный путь, не утратив самого важного, не потеряв самого себя:

Что значит смерть для человека?
Смерть – это праздник, если та,
кого любил ты, поцелует
тебя в застывшие уста.
Что значит смерть для человека?
Смерть – это праздник, если тот,
кто был тебе надежным другом,
твой гроб к могиле понесет.
Что значит смерть для человека?
Смерть – это праздник, если ей,
не рассуждая, жизнь ты отдал
во имя Родины своей.
(Перевод И. Елисеева)

М.С. Вышегуров подвергает философскому и эстетическому переосмыслению многие традиционные для мировой лирики образы. В частности, следует упомянуть образ звезды, который в лирических произведениях классиков мировой литературы символизирует зарождение жизни или, наоборот, смерть. Генезис такого противоречивого толкования образа связан с архетипическими толкованиями небесных стихий, а также с индивидуальными авторскими подходами к символическому осмыслению образа.

Для М. Вышегурова звезда – образ, который олицетворяет единство человека и природы. Образ звезды в стихотворении «Когда человек уходит…» отвечает главной идее произведения о том, что человек – частица Вселенной:

Когда человек уходит
Из жизни, его звезда,
В печали, одета в траур,
На землю летит тогда.
И, ставши надгробным камнем,
Собой пронзив темноту,
Стоит у его изголовья,
Как часовой на посту
(Перевод Е. Пучковой)

Конфликт физического и духовного как один из аспектов философских рассуждений поэта за-

является о себе в нескольких стихотворениях М.С. Вышегурова. Физическое бессилие, одиночество перед лицом смерти – естественные приметы старости: «Я стар. Голова моя поседела, и в коленях я ослаб. Как тяжело, жизнь любя, раньше ровесников умереть. Еще труднее такому старцу жить в одиночестве». Мудрость лирического героя заключается в умении принять естественные изменения, смириться с неизбежным, противопоставив этому силу духа и ясность ума.

В творчестве М.С. Вышегурова тема бессмертия души человеческой тесно связана с темой поэта и предназначения поэзии, которая нашла яркое отражение во многих стихах («Поэт», «Дума поэта», «Поэзии», «Верю я», «Как пишутся стихи», «Редактору»).

Можно говорить о трёх ключевых положениях, которые в равной степени заявляют о себе в стихах М.С. Вышегурова о сути поэтического творчества. Поэт, согласно пушкинской традиции, – это творец, охваченный вдохновением; это гражданин, осознающий всю меру ответственности перед своими читателями; это человек, который наделён свыше даром проникновения в суть вещей, явлений и событий.

Для М.С. Вышегурова очевидно высокое предназначение поэзии и поэта: «Поэзия – дорога, ведущая к солнцу», – именно так он сформулировал главную установку своего творчества. Размышления о поэте и поэзии в лирике автора напрямую связаны с раздумьями о языке, о силе эмоционального воздействия слова на человека. Кроме того, для поэта было важным утвердить идею красоты и богатства ингушского языка.

Совершенно не случайно одно из его стихотворений на эту тему «Язык человека» отсылает нас к стихотворению классика ингушской литературы Дж. Яндиева. Магомед Вышегуров, вступая в диалог с известным ингушским поэтом, находит новые оттенки смыслов, заявляет о своём восприятии лингво-культурной традиции:

Язык человека, ты многое можешь,
Захочешь – и башню из золота сложишь.
Захочешь – и вмиг человека прославишь,
Захочешь – смеяться и плакать заставишь.
Ты можешь поссорить влюбленную пару,
Затеять меж старых приятелей свару.
И всем ингушам, молодым или старым,
Известна у нас поговорка недаром:
«Всего лишь один был заколот кинжалом,
А девять – язык погубил своим жалом».
(Перевод И. Елисеева)

Как видно из приведённой цитаты, автор использует анафору («захочешь»), чтобы подчеркнуть безграничные возможности языка. Отсылка к прецедентному тексту – пословице – в логике лирических размышлений автора выглядит как бесспорный аргумент, ещё раз подтверждающий мысль автора о величии языка. Нельзя не упомянуть, что Дж. Яндиев дал высокую оценку этому стихотворению, сказав, обращаясь к М. Вышегурову: «Твой «Язык человека» лучше моего».

Новаторство поэтического творчества М.С. Вышегурова сказалось и в решении темы родного края. Поэт имеет свое собственное видение окружающего мира, свидетельством чему является стихотворение «Ингушетия»:

С чем сравню я тебя, Ингушетия!
Благородство сравнится с тобой?
Или гордость сравнится с тобой?
Или песня, мне в детстве пропетая?
С чем сравню я тебя, Ингушетия?
Солнце рядом с тобой затуманится,
Побледнеет, луною покажется.
И звезда с небосклона скатится,
От смущения за горы спрячется.
(Перевод Е. Поликутина)

Обращения к родине, любимой Ингушетии, способствуют созданию образа, предельно близкого лирическому герою, вызывающего его любовь и поклонение. Главным композиционным приёмом организации стихотворения является вопрос «С чем сравню я тебя, Ингушетия?». Вопрос выглядит как риторический, но автор, следуя внутренней логике своих рассуждений, отвечает на него:

Над тобой проплывают столетья.
С чем сравню я тебя, Ингушетия?
Ты и радость моя, и боль…
Сердце матери мне ответило.
С ней сравню я тебя, Ингушетия!
Только мать сравнится с тобой.
(Перевод Е. Поликутина)

Таким образом, поэт создаёт олицетворённый образ Родины, который наделяется такими архетипическими чертами, как красота, мудрость, любовь к своим детям, доброта. Стилистические приёмы создания образа родины в этом и других стихотворениях М. Вышегурова уходят своими

корнями в стилистику народных героико-исторических песен. Обращения, повторы на уровне организации композиции стихотворения, анафоры, система сравнительных оборотов – вот далеко не полный перечень тропов, которые свидетельствуют о том, что поэт активно использовал в лирических произведениях о родине приёмы народно-поэтического творчества.

Пейзажная лирика М.С. Вышегурова тесно связана с темой родины. Черты пейзажа в его лирике приобретают черты обобщённости, вечности и сакральности: «Земля лежит вспаханная, желтые хлеба цветут. Вишня-красавица расцвела, радуга горит яркими красками». (Подстрочный перевод наш – Х. А.)

М.С. Вышегуров ощущает себя частью своего народа, его культуры и истории. Размышляя о трагическом историческом пути нации, лирический герой М.С. Вышегурова ставит простой, но очень глубокий, содержательный вопрос, на который дается не менее содержательный ответ. В этом ответе заключен исторический и нравственный урок:

– Ингуши, откуда у вас столько сил?
– Мы дружим со всеми народами.

Поэтическая мысль М.С. Вышегурова о прошлом и настоящем родины и мира часто выражается посредством развёрнутых метафор. Так, в стихотворении «Двое идут по дороге» поэт выстраивает метафорическую картину исторической преемственности поколений:

Двое идут по дороге.
У одного ордена сверкают на груди.
Золотая Звезда горит.
А другой, держа ручонкой пустой рукав пиджака,
Смотрит на него с любовью снизу вверх.
По дороге Величие с Совестью эпохи идут,
Провозглашая мир.

(Перевод И. Елисеев)

Поколение тех, кто спас мир от фашизма, в поэтической интерпретации М. Вышегурова передаёт своего рода эстафету тем, кто сегодня олицетворяет совесть эпохи и её будущее.

Интимная лирика М.С. Вышегурова не замыкается на описании чувств лирического героя, но выходит на уровень поэтико-философского осмысления любви. Образ возлюбленной в стихах М.С. Вышегурова – это средоточие жизни, смысл существования лирического героя. Именно такой образ женщины дан в стихотворении «Я все в тебе, о, женщина, люблю»:

Я все в тебе, о, женщина, люблю:
Твою печаль, твою слезу и горе,
Я о тебе Вселенную молю.
В твой час последний с небом я скорблю,
Как будто вся земля на смертном одре.

(Перевод Е. Поликутина)

Для М.С. Вышегурова красота и сущность мира, его гармония заключались в единстве чувства и природы, любви и творчества, мужчины и женщины. Философия поэзии автора заключается в его умении увидеть зримые и незримые связи между человеком и природой, миром человеческих переживаний и одухотворённым миром природы. Именно об этом его стихотворение «Лицо природы – женщина»:

Лицо природы –
Женщина
Мужчина –
Душа её
А жизнь ее –
Любовь.
[13, с. 33]

При всей глубине философского содержания, лирика М. Вышегурова о любви близка и понятна любому читателю. Одна из причин близости лирического героя поэта к читателю – использование автором приёмов народной поэзии. А. Танкиев писал: «Молодые ингушские авторы в поисках более ёмкой художественной формы умело, с профессиональным знанием своих возможностей, силы и слабости фольклорной художественности, используют этот народный опыт. Так, у Магомеда Вышегурова мы находим краткую, лаконичную, но емкую стихотворную миниатюру» [12, с. 68].

Вот один из весьма характерных для поэзии М. Вышегурова стихотворений, в которых он использует характерные для ингушского фольклора метафоры и сравнения, призванные передать восторженное отношение лирического героя к возлюбленной. Нельзя не указать на то, что индивидуальное переживание лирического героя имеет

здесь предельно обобщённый характер, что является отличительной чертой поэтики народных песен о любви:

Счастливой улыбкой
Хотел бы я стать –
Тогда на губах твоих
Смог бы играть.
Лучом золотистым
Хотел бы сиять,
Чтоб глаз твоих бархат,
Как солнце, ласкать.

(Перевод Е. Пучковой)

В то же время лирике М. Вышегурова свойственны размышления о том, что любовь – это чувство глубоко индивидуальное и свою историю любви каждый человек пишет с чистого листа:

На синей,
Безоблачной,
Чистой странице
«Люблю»
Самолетик выводит.
Высокое слово
в лучах серебрится,
над всею землею восходит
на небе нетронутом
белой строкою…
И люди, конечно, взглянули,
одна улыбнулась,
взмахнула рукою,
а все остальные вздохнули.

(Перевод Е. Пучковой)

Истинное чувство всегда устремлено ввысь, оно не подчиняется закону земного притяжения, оно свято для всех, кто испытал его.

В целом мы можем утверждать, что лирика М.С. Вышегурова является самобытным явлением в истории ингушской литературы. Индивидуальный стиль автора формировался под воздействием традиций ингушской, русской и мировой поэтической традиции, а также под влиянием народной песенной лирики.

В лирических стихотворениях М.С. Вышегурова мы наблюдаем реализованную тенденцию к диалоговости. Используя систему обращений, вопросов, побудительных конструкций и т.д. автор отказывается от лирического монолога в пользу диалога – доверительного разговора с читателем.

Поэту важно понять и объяснить мир во всём его многообразии. Отсюда – активный интерес автора к жанру притчи. Следуя притчевой традиции, он стремится посредством простых примеров, афористичных высказываний донести до читателя некую философскую и нравственную истину.

«Экология души» лирического героя М.С. Вышегурова проявляется в том, что он ощущает себя нераздельной частью мира природы: его чувства, переживания, стремления соотносятся с движениями одухотворённой природы.

В силу особого, философского характера мировосприятия, поэт наделяет лирического героя, предельно близкого самому автору, целым комплексом глубоко индивидуальных переживаний, связанных с такими понятиями, как «смерть», «любовь», «творчество», «красота», «судьба». Можно утверждать, что М.С. Вышегуров создал авторскую поэтическую онтологию.

Смерть настигла поэта на самом пике его творческого расцвета. В день кончины Магомеда Султановича Вышегурова Игорь Елисеев, талантливый и чуткий переводчик многих его стихов на русский язык, написал:

Мой друг, которого
Я никогда не видел
И с кем уже
Не встречусь никогда, –
Ты тоже не был бы
На Господа в обиде…

Литература

1. Абадиев Б. Хьалхара книжка // Сердало. Назрань, 1983.
2. Дахкильгов И. Поэзе дунен т1а валар. Рецензи // Вышегуров М.С. Назам. Стихотворенеш. – Назрань, 1983.
3. Мальсагов А. Керда вахар бахьан. – Грозный, 1990.
4. Танкиев А. «Маьлха г1алг1ай» яхача сборника язъяь рецензи. Назрань, 2001.
5. Чахкиев С. Эггара лакхаг1а бола лоам. Грозный, 1978.

6. Хадзиева А.А. Вышегуров М.С. // Хlанзара г1алг1ай литература. 4 Т. Нальчик, ООО «Телеграф». 2013. 340 с.
7. Абадиев Б. (Название рецензии) Рецензия на сборник стихов М. Вышегурова «Надежда». Грозный, 1988.
8. Антология ингушской поэзии (Текст). Ингушская поэзия. Век XX / Автор-составитель А.М. Мартазанов. Ростов-на-Дону, 2006.
9. Костоев А. Рецензия на сборник стихов М. Вышегурова «Дунен тхьамада». Грозный, 1983.
10. Литература народов России: XX век: словарь [отв. ред. Н.С. Надъярных]; Институт мировой литературы им. А.М. Горького. – М.: Наука, 2005. – 365 с.
11. Озиев М. О новом сборнике стихов М. Вышегурова «Солнечные гимны Ингушетии».
12. Танкиев А. Вопросы художественности в творчестве молодых ингушских поэтов (Истоки, поиски и находки) // Поэзия и современность. Вопросы творческой индивидуальности поэтов Чечено-Ингушетии и взаимообогащения художественных культур. – Грозный, 1989. 155 с.
13. Вышегуров М.С. Жалоба земли: Стихотворения. Ростов-на-Дону, 2004. 35 с.

ОЧЕРК ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА БОРИСА МАГОМЕТ-ГИРЕЕВИЧА ХАРСИЕВА

Хадзиева А. А.

Аннотация. В данной статье показан жизненный путь, творческий рост Б.М.-Г. Харсиева, научно-исследовательская деятельность автора, сделан анализ его поэзии и прозы.

Ключевые слова: поэт, писатель, книга, рассказы, повести, сентенция, эпичность, интертекстуальность, аллюзии, цитаты, репрезентация, интерпретация.

SKETCH OF LIFE AND WORK BORIS MAGOMET-GIREEVICH HARSIEV

Khadzieva A.A.

Annotation. This article shows the life path, the creative growth of B.M.-G. Kharsiev, the author's research activities, an analysis of his poetry and prose is made.

Key words: poet, writer, book, story, story, maxim, epic, intertextuality, allusion, quotation, representation, interpretation.

Борис Магомет-Гиреевич Харсиев – ученый-этнолог, поэт и писатель, член Союза писателей Республики Ингушетия. Родился в Караганде 21 апреля 1953 года в семье ингушского общественного деятеля Магомет-Гирея Эльбертовича Харсиева и Калимат Бековой.

Литературно-творческие поиски будущего писателя во многом обусловлены фактами его биографии. Самым значимым из них, на наш взгляд, стала депортация семьи Харсиевых в Казахстан.

Несмотря на то, что Б. Харсиев с теплотой вспоминал о своём детстве и не единожды писал о своей благодарности «доброму и щедрому душой казахскому народу, поддержавшему ингушей в самые трудные годы сталинской депортации» [8, с. 2], его всегда будут волновать нравственные уроки истории, проблемы исторической ответственности и исторической памяти.

Б. Харсиев окончил Чечено-Ингушский педагогический университет, прошёл курс обучения в аспирантуре при СКНЦ в Ростове-на-Дону, где и защитил кандидатскую диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук. После защиты диссертации Б. Харсиев посвящает себя профессиональному изучению истории и культуры ингушского народа. Им опубликовано свыше 150 статей в научных изданиях по различным проблемам этнологии, этнографии и социальной антропологии ингушей. Среди них монографии «Этнокультурные процессы на Северном Кавказе во второй половине XIX века» (Ростов-на-Дону, 2002) «Адаты ингушей как феномен правовой культуры» (Назрань, 2010), «Имущественные отношения народов Северного Кавказа. Конец XIX – начало XX веков» (Магас, 2010), «Кавказский излом» (Назрань, 2011), «Семья и семейный быт ингушей» (Майкоп, 2015), «Этногенез ингушей и циркумкавказская провинция» (Майкоп, 2015).

Научно-исследовательская деятельность Б. Харсиева объясняет стремление писателя к философскому осмыслению прошлого и настоящего. Творчество автора заняло достойное место в ингушской литературе и поэтому неоднократно становилось темой исследований современных ингушских ученых. Исследованию особенностей художественного мира писателя, некоторым аспектам тематики и проблематики его творчества посвящены статьи А. Газдиева, А.М. Евлоевой, Л.Х. Танкиевой.

Научной интерпретации произведений писателя посвящено предисловие к сборнику стихов Бориса Харсиева «Мадина», а также предисловие к книге «Кавказ седой – судьбы награда» (оба предисловия написаны А.М. Евлоевой). Исследовательница раскрыла идейно-тематическое содержание его стихов, особенности творческой манеры автора, указала на своеобразие его поэзии, самобытность таланта. В итоге своих наблюдений она делает следующее заключение: «В волнующе притягательных стихах Бориса Хар-

сиева красота поэтических образов сочетается с глубиною мысли и остротой философских обобщений. Его стихи отличаются свежестью образов, глубокой мыслью, искренним чувством и повышенной музыкальностью. Но главное качество и достоинство его поэзии – это философичность» [4, с. 7-8].

Сборник стихов «Осеннее изобилие» получил высокую оценку в литературных кругах. В предисловии к книге рассказов и повестей «Страна отцов» дана следующая характеристика содержательного аспекта «малой» прозы Бориса Харсиева: «В книге прослеживаются философские взгляды писателя, его видение проблем человеческой жизни, нравственно-этические принципы, его понимание места религии в жизни людей, принципа любви как одного из составляющих веры человека» [10, с. 3].

Таким образом, во всех этих отзывах о творчестве Б. М.-Г. Харсиева прослеживается одна и та же мысль: в поэзии и в прозе автора раскрылась его душа и мысли, исполненные высоких гражданских чувств, пронизанные патриотическим пафосом. Об этом же пишет и Ахмет Газдиев в своей статье о его творчестве: «Борис Магомет-Гиреевич бесконечно любит Кавказ, гордится его уникальностью, древней культурой и богатейшей историей. Это не только находит отражение в его научной и литературной деятельности, но и ежечасно питает жизненными силами, наполняет особым смыслом каждый прожитый им день, помогает преодолевать все трудности и преграды» [8, с. 3].

Публиковать стихи, рассказы и повести Б.М.-Г. Харсиев начал относительно недавно, хотя писались они еще в юношеские годы. Первая публикация появилась в 2009 году в журнале «Ингушетия». Это было стихотворение «Радость жизни спряталась во сне». И сразу же стали выходить в печати сборники его стихов, поэм и рассказов («Кавказ седой – судьбы награда», «Осенние мотивы», «Мадина», «Страна отцов», «Откровение сердца»), которые, бесспорно, вызвали определенный интерес со стороны исследователей и литературных критиков. Можно утверждать, что идейная доминанта всего творчества автора заключается в том, что литература для него является сферой воплощения национального ингушского характера, способом сформировать в читателе уважение к нравственным и историческим ценностям культуры ингушского народа.

В прозе Б.М.-Г. Харсиев развивает традиции многих классиков ингушской литературы и в то же время стремится сказать своё слово. Основные герои произведений писателя – типы, взятые из самой жизни. Особой популярностью среди читателей пользуется книга рассказов и повестей Б. Харсиева «Страна отцов», в которую вошли рассказы «Созвездие стрельца», «Вторая ошибка капитана Татре», «Священный долг», «Под солнцем», «Три пуда», а также повести «Холостой патрон», «Встреча», «Запас прочности», «Горбатый мост», «В гостях у прошлого».

Многие рассказы и повести, вошедшие в сборник, обрели самостоятельную жизнь в литературе и являются мерилом творческого роста писателя: «Каждое новое произведение Бориса Харсиева является показателем его творческого роста, и оно продиктовано стремлением доискаться до истины, потребностью выразить мысли и чувства настоящего гражданина своей Родины и народа» [5, с. 8].

Произведения в сборнике «Страна отцов» расположены в соответствии с замыслом писателя, который стремился репрезентировать главную идею книги в каждом из своих сюжетов – показать связь прошлого и настоящего, нравственную силу национальной культуры, воспитательную роль народной мудрости. Можно утверждать, что данный сборник имеет ярко выраженный циклический характер, что обусловлено развитием единой для всех произведений мысли о связи поколений.

Национальный характер в его произведениях раскрывается посредством создания таких типов, которые формируются под непосредственным влиянием духовно-нравственного опыта предшествующих поколений. При этом автору свойственно интерпретировать национальную традицию как динамичный процесс, предполагающий эволюцию под влиянием времени.

Старушка Айша, героиня повести «Вторая ошибка капитана Татре», пытаясь воспитать «своего любимца в лучших традициях национального духа, часто рассказывала внуку о подвигах легендарных героев, любивших свой народ, о том, как герои страдали, гибли, защищая от врагов женщин и детей, но при этом обретали вечную жизнь в народной памяти» [1, с. 80]. Соприкасаясь с вековой мудростью народа, Б. М.-Г. Харсиев пытается показать, что без уважительного отношения к прошлому у героя не может быть настоящего и будущего.

Писателя занимают нравственные вопросы, он размышляет о своем современнике и его душе. И в этом смысле самым значительным произведением из сборника «Страна отцов» является, на наш взгляд, повесть «В гостях у прошлого», представляющая собой кульминацию мысли писателя, которая раскрывает нравственную и психологическую суть героев произведения. «Без бережного, уважительного отношения к прошлому не может состояться будущее, как и дерево не может вырасти без корней… Поколения хранят легенду о дружбе сильного и смелого, о выборе в пользу жизни людей. Способность к правильному выбору всегда отличает героев от простых смертных», – говорит старик Исмаил из рассказа «В гостях у прошлого» [3, с. 164].

Народный и исторический материал в повести находит своё художественное воплощение в романтизированном образе Исмаила, который является героем-резонёром, в уста которого вложены важные для автора нравственно-философские сентенции.

В книге Бориса Харсиева «Страна отцов» звучат не только философские мысли писателя (повесть «Под солнцем» и рассказ «Запас прочности»), его видение и осмысление проблем человеческой жизни (повесть «Вторая ошибка капитана Татре» и рассказ «Холостой патрон»), но и понимание места религии в жизни людей (повесть «Священный долг» и рассказ «Встреча»).

Вечные жизненные ценности, важность понимания связи между людьми – вот основные мотивы рассказа Бориса Харсиева «Встреча». Сюжет построен как разговор друзей – однокурсников, встретившихся после большого перерыва. Думается, что значимое для каждого из них событие не случайно происходит во время священного Рамадана. Автор таким образом указывает на судьбоносный характер встречи, на то, что каждый из его героев несёт ответственность за свои поступки не только перед людьми, но и перед богом. Почти исповедальный, откровенный разговор бывших друзей заставляет их по-новому взглянуть на себя и свои поступки. Нравственный урок, преподанный автором читателю, как нельзя лучше сформулировала А.М. Евлоева: «Блажен тот, кто стремится к чистоте помыслов и воздержанию, к тому человеческому добру, отнять которое никто на земле не в силах, ни близкий друг, ни скрытый враг, чья душа устремлена к неотъемлемому будущему» [4, с. 131].

Рассказ Б. М-Г. Харсиева «Созвездие стрельца» начинается с небольшого авторского эпиграфа, в котором выражается отношение писателя к родному краю: «Страна отцов, как ты прекрасна, свободный дух непобедим» [3, с. 9]. Эпичность повествования в «Созвездии стрельца» обусловлена выбором темы, широким историко-легендарным контекстом, гражданственным пафосом, свойственным этому произведению.

Будучи профессиональным этнологом, историком, знатоком ингушской культуры, Б. Харсиев наполняет сюжетную канву произведения исторически точными художественными деталями. Вместе с тем он активно апеллирует к фольклорной традиции, народному эпосу. Его герои – легендарные горцы, сумевшие отстоять независимость своей родины.

В первой главе «Воин» автор дает подробный портрет воина, участвовавшего во многих исторических сражениях. Функцию художественной детали в этом случае можно обозначить как портретно-ассоциативную. Посредством художественной детали автор не только создаёт запоминающийся портрет воина, но и актуализирует в сознании читателя множественные ассоциации, расширяя таким образом границы авторского текста: «По крутому склону расположились шеренги воинов, закованных в железные латы… В левой руке каждого ратника блестел начищенный медный круглый щит, на голове – острый шлем, шею закрывала кольчуга, на широком поясе висели сабля и прямой кинжал. В правой руке почти у каждого воина имелось длинное копье – гебага» [3, с. 9].

Большое место в рассказе отводится описанию древних национальных традиций и обычаев ингушей: соблюдение этики поведения (Эздел), организация главного управления страной (Мехка Кхел), военное дело (Тlема гlулакх). Автору важно создать собственно национальный колорит произведения, а также способствовать сохранению культурной памяти нации, воспитанию патриотического чувства в читателе.

Во второй части рассказа «Битва» описывается жестокая схватка между ингушами и монголами. Сражение происходит на переправе у реки Терек: «Воины расступились на расстоянии вытянутой руки с мечом, и сошлись с врагом в смертельной схватке. Отступающие монголы

только скрылись за поворотом, как по дороге показались всадники, мчавшиеся полным аллюром в сторону горцев. Кони всадников были явно не монгольской породы, да и сами всадники чем-то отличались от монголов» [4, с. 25].

Сцены сражений в рассказе, согласно эпической традиции, даны на фоне природы. Пейзаж в «Созвездии стрельца» носит глубоко символический характер. Автору удалось показать мир природы через восприятие его героев, в картине мира которых природа – живой организм: «Словно разверзлось небо, загремели раскаты грома, солнце спряталось за почерневшими тучами, огненными копьями засверкали молнии, резкими струями теплого дождя грянула гроза. Гром гремел, сотрясая окрестные горы, гроза наполняла ущелье свежим дыханием синего неба. Казалось, сама природа вступила в схватку с темными силами» [3, с. 26].

Название книги – «Страна отцов» отражает идейный замысел рассказов и повестей, вошедших в нее. Б. М.-Г. Харсиев ставит перед собой задачу художественной интерпретации истории ингушей в произведениях разных жанров. Обращение к историческому и фольклорному материалу позволяет автору продемонстрировать связь времён, бесконечность исторического процесса. Вечность нравственных истин, передаваемых из поколения в поколение, убеждает читателя в том, что судьбы современного мира тесно связаны с его прошлым.

В книгу Б. М.-Г. Харсиева «Кавказ седой – судьбы награда» вошли лирические и лиро-эпические произведения. Стихи, вошедшие в нее, делятся на два цикла: «Времена» и «Судьба». Кроме того, сюда вошли две поэмы «Бек и Малга» и «Отечество». Авторский замысел обозначен в названии книги: в неё вошли произведения, в которых отражается любовь автора к Кавказу, восхищение его судьбой, судьбами горцев, их поступками и чувствами. Именно эта тональность становится своего рода связующим звеном всех произведений, включенных автором в книгу «Кавказ седой – судьбы награда».

Ключевым словом для понимания авторских художественных решений для каждого отдельного произведения следует считать «романтизм». Так, в основу поэмы «Бек и Малга» положен сюжет о разлучённых влюблённых, которым не суждено обрести счастье. Сюжет поэмы отсылает читателя к известной ингушской легенде о Малгобеке. Поэма решена автором в духе романтической традиции: герои обладают исключительными личностными качествами. Главный герой намерен во что бы то ни стало отстаивать своё право на счастье. Несмотря на некоторую предопределённость в решении основного конфликта произведения, автор сумел создать привлекательные характеры главных героев, которые являются носителями высоких нравственных качеств.

Поэма заканчивается авторской сентенцией о вечном противостоянии любви и зла:

Погибло вдруг любви мгновенье,
Но гонит солнце злую тьму.
Из поколенье в поколенье
Любовь со злом ведет войну.

В сборнике стихов Б.М.-Г. Харсиева «Мадина» (2014 г.) представлена философская лирика поэта и лирика любви. Философские размышления автора и его лирического героя лейтмотивом проходят через весь сборник, равно как и через всё поэтическое творчество Б.М.-Г. Харсиева: «Вся поэзия пронизана философским содержанием, поэт задумывается над вечными вопросами: о смысле человеческой жизни, о добре и зле, о смерти и бессмертии, о нежной любви мужчины к женщине. Особое место в лирике занимает тема человека и природы. Осенний дождь, серая погода, человек в зрелом возрасте проходит через все его поэтическое творчество» [5, с. 3].

Особое место в лирике автора занимают размышления о роли Всевышнего в жизни человека. По мысли поэта, только тот человек, который ощущает связь с создателем, понимает смысл своего бытия. Земной путь человека должен быть отмечен поступками, отражающими его духовную связь с богом. В стихотворении «Для блага путь земной дается» автор призывает нас совершать благие, добрые поступки, напоминает о том, что жизнь быстротечна и что смерть неизбежна:

Благословенный путь Пророка,
Его слова во всем верны.
Пусть солнце движется с востока,
И жизни нет другой цены.

Ритмико-звуковое единство лирического текста способствует созданию интонации размышления, постижения вечных истин. Размышления на тему веры для автора – это путь к самопо-

знанию. Он далёк от стремления наставлять, но стремится посредством философских размышлений приблизиться к постижению духовных истин. Стихотворение «Всевышний милостью Коран…» содержит призыв к праведной жизни. В первой строфе автор воспевает драгоценную милость миров – священный Коран:

Всевышний милостью Коран
Души великое спасенье
В заветный месяц Рамадан
Ниспослан грешным в утешенье.

Поэтическое осмысление Библии и Корана – один из традиционных мотивов философской лирики. Очевидно, что Б.М.-Г. Харсиев вслед за А.С. Пушкиным не просто воспевает Коран, но видит в нём основу вечных нравственных ценностей. Трёхчастная композиция стихотворения, характерная для философской лирики, отражает внутреннюю логику авторских размышлений: от рассуждений о величии Корана к изображению жизненного идеала, которому должен следовать человек, и в заключительной строфе содержится указание на роль молитвы в жизни человека.

Вторая строфа стихотворения содержит также предостережение не поддаваться жизненным искушениям, которые закрывают для человека путь к духовному совершенству:

К блаженству путь земной открыт,
Держись подальше от порока.
Пусть скромны будут нрав и быт –
Ступай заветами Пророка.

В третьей строфе поэт обращается к размышлениям о том, что молитва – это единственный способ обращения к Всевышнему. Именно в молитве человек черпает силы для преодоления жизненных трудностей, мудрость и смирение:

Молитве верность сохрани,
Во власти мир высокой воли.
Гордыни страсти прокляни
И не страшись жестокой доли.

В стихотворении «Спасенье черпаем в грехе» автор продолжает размышлять о земном пути человека, ищущего смысл своего бытия. В этом произведении нет того патетического пафоса, которым отличалось стихотворение «Всевышний милостью Коран…», но в нём больше психологизма, что обусловлено стремлением автора показать переживания лирического героя по поводу жизненных перипетий:

Спасенье черпаем в грехе
Себя под козни подставляя.
Живем от блага вдалеке,
На небо изредка взирая.

Такая философская категория, как время, осмысливается Б. Харсиевым во многих стихотворениях. Интерпретация времени как бесконечного в жизни Вселенной и конечного в жизни человека сродни пушкинским размышлениям о связи человека и природы, о смирении человека перед неумолимым бегом времени.

В стихотворении «Юность дважды не дается» Борис Харсиев размышляет над быстротечностью времени. Можно сказать, что это философское стихотворение с элегическими мотивами. Лирический герой размышляет о скоротечности человеческого бытия на фоне сменяющихся времён года:

И весна совсем не мимо,
Лето жаркое идет.
Осень, грусть неодолима,
Зимних вихрей хоровод.

Время не стоит на месте, человек проходит определенные этапы жизни. На жизненном пути мы переживаем как невзгоды, так и счастливые моменты. В минуты отчаяния важно видеть и чувствовать все приметы окружающего нас мира, нужно помнить, что на смену горестям приходит облегченье. Нельзя жить прошлым и пытаться заглянуть в будущее, нужно жить в настоящем и быть благодарным за все хорошее и плохое.

Таким образом, философская мысль о неразрывной связи законов жизни человека с законами жизни природы даёт лирическому герою основания для жизненного оптимизма.

В стихотворении «Не меняю дружбу на монеты» Борис Харсиев поднимает тему любви и дружбы, правды и лжи, верности и патриотизма. В нем показана сущность человеческой души, противостоящей суете жизни. Основной тезис этого стихотворения заключен в словах:

Не меняю дружбу на монеты:
Верен я всегда родной среде.
И отцов не предавал заветы,
Шел, не прячась, по своей судьбе.

Мотив судьбы как жизненного пути звучит не только в этом стихотворении. По нашим наблюдениям, интерпретация судьбы в философской лирике Б. Харсиева не меняется на протяжении всего его творчества. Судьба благосклонна к его лирическому герою, т.к. он стремится соответствовать духовно-нравственному идеалу.

В стихотворении «Осень» автор отсылает нас к знаменитому пушкинскому стихотворению (отрывок «Осень»). Этот интертекстуальный приём можно обозначить как неслучайное совпадение названий произведений. Вступая в диалог с великим предшественником, Б. Харсиев позиционирует себя и как продолжателя пушкинской традиции, и как автора, создающего новые смыслы, имеющего своё видение предмета. Осень привлекает автора как некая точка отсчёта времени: это одновременно и момент умирания природы, и момент зарождения новой жизни. Однако, в отличие от пушкинского оптимистического восприятия осени как поры творческого и жизненного вдохновения, Б. Харсиев демонстрирует иное видение осени. Для него это «осенние мотивы», «осенняя печаль», «дождь унылый», «серые дни», «дни пасмурны и тоскливы». Этот мотив получает своё продолжение и в других стихотворениях автора: «Осенний звон, осенние мотивы», «Усталая осень», «Осенняя ива», «У парка плачет дождь осенний».

Весна в системе эстетических координат автора является тем временем года, которое рождает вдохновенье, символизирует счастье жизни: «Лист проснулся, заблестел росою», «Март приносит хмурые рассветы». Романтический пейзаж, неотъемлемыми элементами которого являются горы, высокие небеса, бесконечные просторы как символы свободы, древности, вечности, является центром стихотворений поэта о родине. В стихотворении «Люблю свой край, пусть непокорный» Б.М.-Г. Харсиев выражает свою любовь к родному краю:

Прекрасны скал моих просторы,
Великий дух хранит земля.
Утесов дивные узоры,
И трав альпийские поля.

В творчестве Бориса Харсиева большое место занимают стихотворения, посвященные теме любви («Иногда я боюсь, что тебя не услышу» «Солнышко, когда ты станешь греть», «Юность дважды не дается», «Грусть моя, ты больше мне не пишешь»). Жизнь без любви кажется поэту бессмысленной. Любовь изображается им как чувство, сопровождающее человека всю его жизнь. Любовью Всевышнего, близких людей человек окружён с момента своего рождения. Любовь к женщине для лирического героя – это сложное, противоречивое, иногда даже драматичное чувство, но герой счастлив уже потому, что пережил его. Для лирического героя Б. Харсиева свойственно ощущение бессмысленности жизни, в которой нет любви:

Иногда я боюсь, что тебя не услышу.
Может, где-то во тьме затаилась беда?
Одинокой ночи дождь стучится по крыше,
И остаться с тобой я хочу навсегда.

В стихотворении «Грусть моя, ты больше мне не пишешь» показано, что любовь бывает разная, сладкая и горькая, светлая и грустная. В этом произведении говорится о неразделенной любви, но, какой бы она ни была, лирический герой не отказывается от нее, он осознает, что чувство является благословением небес:

Видно чувств моих тебе не надо,
Тень ночи сменяет летний зной.
И разлук унылая награда
Гложет сердце тихою тоской.

В стихотворении «Дождь прошел, тепла совсем не стало» мы находим традиционный для лирики о любви мотив расставания с возлюбленной, угасания былого чувства, мотив, который передаётся посредством психологического параллелизма. Личные переживания лирического героя («спрятались желанья», «не тревожит сердце расставанье», «усталость чувства не прошла», «слов желанных я давно не слышу», «сердца боль совсем мне не нужна») соответствуют состоянию природы («у весны осталось мало дней», «светит месяц ясный запоздало», «не приходит полная луна», «сад роняет белые одежды»). Таким образом, поэт утверждает мысль о том, что развитие любовного чувства часто приводит к разрыву отношений и это не противоречит логике жизни и природы:

Во мраке сонном спрятались желанья,
Тихой сапой опустилась мгла.
Не тревожит сердце расставанье,
И усталость чувства не прошла.

В целом можно утверждать, что на формирование Б. М.-Г. Харсиева как писателя и поэта большое влияние оказали его профессиональные занятия этнологией, историей, народным творчеством. Именно это способствовало тому, что у автора выработался особый, философский подход к восприятию действительности.

В исторических повестях и рассказах Б. М.-Г. Харсиев демонстрирует стремление к эпичности повествования. При этом в стилистике автора большую роль играет художественная деталь, призванная выполнить функцию маркера определённой эпохи, вызвать соответствующие ассоциативные реакции у читателя.

В сборнике «Страна отцов» эпическое и лирическое начало оказываются тесно связанными. Широкая панорама исторических событий, размышления автора и его героев отвечают задаче философского осмысления истории.

Нельзя не указать на влияние романтической традиции на творческую манеру Б.М.-Г. Харсиева. Автор активно использует возможности романтического конфликта, создаёт романтические образы героев в своих поэмах, в центре многих его стихотворений о родине – традиционный романтический пейзаж (идеальный пейзаж), включающий в себя элементы реального пейзажа. Олицетворённый пейзаж часто становится героем произведений Б. Харсиева, соучастником события, отражением переживания лирического героя. К романтической традиции восходят мотивы судьбы и веры, которые проходят через всю лирику автора. Б. Харсиев создаёт в своих стихотворениях образ человека, постигшего мудрость бытия, ощутившего свою связь с Пророком.

В лирике Б. М.-Г. Харсиев предстаёт перед читателем как поэт с философским складом мировосприятия. Нельзя не отметить стремление автора вступить в диалог со своими литературными предшественниками посредством интертекстуальных приёмов. Речь идёт, прежде всего, о том, что автор использует в качестве прецедентных текстов произведения устного народного творчества, а также об отсылках в названиях произведений, аллюзиях и цитатах.

Литература

1. Харсиев Б. М.-Г. Кавказ седой – судьбы награда. – Нальчик, Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2011 – 225 с.

2. Харсиев Б. М.-Г. Мадина. Сборник стихов. – Назрань: ООО «КЕП», 2014 – 118 с.

3. Харсиев Б. М.-Г. Страна отцов. Повести и рассказы. – Ростов-на-Дону. Южный издательский дом, 2015 – 168 с.

4. Евлоева А.М. Предисловие. // Харсиев Б. М.-Г. Мадина. – Назрань: ООО «КЕП», 2014 – 118 с.

5. Евлоева А.М. «В поисках истины» // Предисловие к сборнику стихов Харсиева Б. М.-Г. «Кавказ седой – судьбы награда». – Нальчик, Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2011 – 225 с.

6. Исмаилов А. Вооружен одной гитарой (Дорога в Чечню и обратно). Тюмень, 2005.

7. Газдиев А. Как диктует новое время // Сердало. 2006. 1 августа.

8. Газдиев А. Жить с надеждой на лучшее // Сердало. 2010. 23 сентября.

9. Газдиев А. Служить своему народу // Сердало. 2018. 18 мая.

10. Хадзиева А.А. Предисловие. // Харсиев Б. М.-Г. Страна отцов. Повести и рассказы. – Ростов-на-Дону. Южный издательский дом, 2015 – 168 с.

ЧЕРКЕССКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ АСЛАНА КУАЗО

Ялхароева М. А.

Аннотация. В статье рассматриваются черкесские мотивы в творчестве ингушского поэта А. Куазо. Данная тема занимает в творчестве А. Куазо важное место. Зародилась она в опыте автора под влиянием личных контактов со многими черкесами (адыгейцами, кабардинцами, шапсугами) и, на наш взгляд, имеет большое идейно-нравственное и культурное значение, способствует взаимному обогащению и сближению наших народов.

Ключевые слова: Кавказ, ингушский поэт, черкесские мотивы, черкесы, адыги, кабардинцы, кавказцы.

CIRCASSIAN MOTIVES IN THE WORK OF ASLAN KUAZO

Yalkharoeva M.A.

Annotation. The article examines the Circassian motives in the works of the Ingush poet A. Kuazo. This theme occupies an important place in the work of A. Coiseau. It originated in the author's experience under the influence of personal contacts with many Circassians (Adyghe, Kabardians, Shapsugs) and, in our opinion, has great ideological, moral and cultural significance, contributes to the mutual enrichment and rapprochement of our peoples.

Key words: Caucasus, Ingush poet, Circassian motives, Circassians, Adygs, Kabardians, Caucasians.

Кавказ богат многообразием народов, каждый из которых имеет свои неповторимые особенности, великую историю, оригинальную культуру. В то же время в их быту, традициях и обычаях много общих черт, объединяющих их.

Известный ингушский публицист, один из лидеров северокавказского зарубежья В-Г. Джабагиев говорил: «Наши племена маленькие, а когда мы вместе – это большая сила» [5, с. 3].

В укреплении дружбы между кавказцами, населяющими этот дивный край, свою лепту вносит ингушский поэт, писатель, публицист, переводчик Аслан Куазо, посвятивший целый цикл стихов братским народам Кавказа, в частности черкесам. Произведения поэта полны восхищения и любви к их благородным сыновьям и дочерям. Одно из его стихотворений «Друг Сулиета» посвящено настоящей патриотке и дочери Кавказа, шапсугского (черкесского) народа, искреннему и доброму другу поэта Сулиете Чухо (Кусовой). А. Куазо очень дорожит ее дружбой, высоко оценивает ее преданность своему делу и родному народу.

«Я тобой безмерно восхищён…
Да к тому же сильно я польщён, –
Дружба наша – не пустая фраза.
Ты благоразумна и умна,
Чтишь отцов священные заветы,
Отдаёшься делу ты сполна…
Ты в боренье мужеством полна…
В поединках всяких ты сильна
И «врагу» на милость не сдаёшься…
Знать, черкесов кровь в тебе жива –
Ты ведь дочь великого народа…» [4, с.41].

А. Куазо любит путешествовать по Кавказу, и все это находит отражение в его творчестве: «В гостях у адыгов», «Шапсуги», «В черкесском ауле» и др.

«Навестил я как-то разом
Адыгейцев – в торжество.
<…> Дружно встретили адыги,
Провели в уютный дом..
<…> Кратким был мой тот визит.
Но отныне с гор вейнахов
Буду им салам дарить…» [3, с.22].

***

«В горах шапсугов розовый рассвет.
В нём зарево низвергнутой эпохи:
Прошла через горнило тяжких лет <…>
Я знаю, что шапсуги будут вновь,
Как прежде, стойки и полны отвагой» [2, с.176].

Кавказ, вдохновлявший многих поэтов, захватывает и воображение А. Куазо, сердце поэта покоряет его прекрасная, удивительная и неповторимая природа.

Поэт понимает, что именно через познание друг друга укрепляется братство между людьми, народами, поэтому он частый гость у своих друзей, которых немало по всему Кавказу. Эти посещения дают ему пищу для ума и сердца, служат источником поэтического вдохновения, рождаются новые произведения, в которых читателю открывается душевная красота адыгейцев, черкесов, шапсугов, кабардинцев. А. Куазо находит теплые, задушевные слова братским народам, их прекрасным краям.

Есть у него «Песня о Кабарде», через которую он готов прославлять этот дивный край «Денно, нощно, не смолкая» [1, с.174]. Поэт желает ей славиться вечно, «мир познав, не зная горя!»:

«Славить хочется всегда
Мне поля твои и долы,
О, край дивный – Кабарда,
Ты мои ласкаешь взоры.
<…> Ты – Кавказа красота!
Я красот не знаю боле!» [Там же].

Памяти черкесов, отдавших жизни во имя чести, национального достоинства и ради сохранения родины во все времена, и ныне живущим поэт посвящает поэму «В черкесском ауле».

Пережитое черкесами, их боль и скорбь поэт разделяет как близкий друг, сопереживая им всем сердцем и душой:

«Вот и я пришёл всем сердцем
С гор ингушских, как кунак,
Хлеб вкусить и добрым словом
Боль с души черкеса снять…» [2, с.181].

Здесь так ждут дорогого гостя, что «…от радости сердечной Весь аул почти не спит…» [1, с. 182].

«Захожу во двор и слышу
В честь свою немало слов,
Словно я под эту крышу
Внёс сокровища даров.
Молодой черкес хлопочет –
Чтоб с дороги угодить, –
Он к столу меня подводит,
Просит тамадою быть…» [2, с.181].

Ничего не ускользает от пытливого взгляда поэта. Отмечая гостеприимство и щедрость черкесов, он пишет:

«Стол от разных яств ломится –
Много сочных, вкусных блюд:
На Кавказе не годится,
Если гостя слабо чтут…» [2, с.182].

Особое место отводит А. Куазо описанию исполненного им с юной черкешенкой «танца дружбы», мастерски воссоздавая картину этого важного для кавказцев действа с помощью художественных средств: эпитетов, метафор, сравнений: «горит румянец», «как газель, легко плывёт», «изящность горной лани», «вихрем мчусь», «поступь сизого орла» и т.д.

«Вот, зовёт гармонь на танец,
В круг черкешенка идёт,
На щеке горит румянец,
Как газель, легко плывёт…» [Там же].

На Кавказе танец, можно сказать, имеет сакральное значение: «На Кавказе танец важен, Он – венец и тамада, Языком своим негласным Лучше слов гласит всегда» [2, с.183].

К танцам горцы приобщают детей часто с первых же шагов. Редкий кавказец не умеет танцевать.

«Просят и меня уважить,–
Танец дружбы – я в кругу,
Вихрем мчусь, – ей-ей не сглазить, –
Деву юную веду.

<…> В танце – вихри грозной бури,
Поступь сизого орла,
Да изящность горной лани, –
Всё сливается сполна...» [Там же].

Языком танца можно рассказать о том, что порой от избытка чувств сложно выразить словами.

«Вот и тут, в черкесской дали,
Он поведал без труда
То, на что ингуш, едва ли,
Смог бы сам найти слова» [Там же].

Идейно-эмоциональное содержание поэме придает повествование поэта о задушевной

песне, которую исполнила юная черкешенка «В честь куначества и дружбы» …[2, с. 184].

Грустная песня о незаживающих душевных ранах «Понеслась <…> по далям, По отрогам и лугам, Волны чистые Кубани Ей дарили свой салам» [Там же].

«Песня воспевала доблесть,
Честь, отчизну, отчий дом,
И лилась печально повесть
О черкесах, о былом…» [2, с. 185].

Поэт, чей народ пережил не меньше горя, хорошо понимает боль братьев, с которыми его единит трагическая судьба:

«Но поведал я черкесам
Боли родины своей –
Как немало было в прошлом
Горя в жизни ингушей <…>
Оттого и боль черкеса
Понимаю, с ним делю;
Ведь до дна испили оба
Чашу горькую свою» [2, с. 186].

Именно поэтому он знает, что народам, живущим в этом божественном крае, прежде всего, нужны мир и согласие.

Об этом он говорит в своем тосте и эта мысль красной нитью проходит во всех его произведениях:

«Много было в данном сказе
Мыслей чувственных о том,
Как нам нужно на Кавказе
Всем крепить наш отчий дом.
Чтобы дружба там селилась
И уютно было в нём,
Чтоб сосед с соседом бились
Только в тостах за столом» [2, с. 185-186].

Народная мудрость гласит, что дружба удваивает радость и вдвое уменьшает горе. Страдание облегчается, когда, сопереживая тебе, его разделяет твой друг и брат. Именно в этом благородном порыве в память о черкесах, жертвах Кавказской войны XIX века, поэт написал стихотворение «Сегодня – 21 мая».

«Сегодня сердце наполняет болью,
Это – боль черкесского народа.
Сегодня я всецело предан горю <…>

Минуло время, многое – ушло,
Но, всё равно, не заживает рана, –
Прошлое, хоть и былью поросло,
Да в нас живёт, и это всё не странно.
С тобой сегодня, также заодно
И боль твою, и горе ощущаю;
Хоть и ингуш, черкес я – всё одно…» [1 , с. 37].

Произведения Аслана Куазо, посвященные братским адыго-черкесским народам, имеют непреходящее значение. Вне всякого сомнения, они способствуют укреплению единства между народами Кавказа, и в частности, между ингушами и черкесами. Следуя заветам своих отцов, которые завещали такую дружбу, и став послом мира, поэт вносит свой посильный вклад в укрепление нашего общего дома.

И мы верим, что с такими проводниками наши народы будут «Дружбу так крепить свою, Чтоб никто под синим небом Помешать не смог тому» [1, с. 188].

Литература

1. Куазо А. В родном краю. Стихотворения. Назрань. Кеп. 2017.
2. Куазо А. Кавказская лира. Назрань: Кеп, 2012. Том 1.
3. Куазо А. Кавказская лира. Назрань: Кеп, 2012. Том 2.
4. Куазо А. Кавказская лира. Назрань: Кеп, 2012. Том 3.
5. Ялхароева М. «Если бы он видел вас сегодня…» // Сердало, № 85 (8682). 9 октября, 1998.

УДК 005.35

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ НАУЧНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ НА ПРИНЦИПАХ МОДЕЛИ ТРОЙНОЙ СПИРАЛИ

Салогуб А. М., Арсельгова М. А.

Аннотация. В публикации авторами исследуются актуальные проблемы управления внешней социальной ответственностью научных учреждений в современных условиях экономики знаний. Обосновывается необходимость применения концепции «тройной спирали» к управлению внешней социальной ответственности субъектов взаимодействия. Представлена структура модели «тройной спирали» для достижения общественно-значимых целей, определены принципы взаимной социальной ответственности субъектов модели. Предложен организационно-управленческий механизм управления социальной ответственностью научного учреждения на принципах модели «тройной спирали».

Ключевые слова: внешняя социальная ответственность, научные учреждения, экономика знаний, тройная спираль, социальное партнерство, государство, бизнес.

SOCIAL RESPONSIBILITY MANAGEMENT OF A SCIENTIFIC INSTITUTION BASED ON THE PRINCIPLES OF THE TRIPLE HELIX MODEL

Annotation. In the publication, the authors investigate topical problems of managing the external social responsibility of scientific institutions in the modern conditions of the knowledge economy. The necessity of applying the concept of «triple helix» to the management of external social responsibility of the subjects of interaction is substantiated. The structure of the «triple helix» model for achieving socially significant goals is presented, the principles of mutual social responsibility of the subjects of the model are determined. An organizational and managerial mechanism for managing the social responsibility of a scientific institution based on the principles of the «triple helix» model is proposed.

Key words: external social responsibility, scientific institutions, knowledge economy, triple helix, social partnership, government, business.

Современная социально-экономическая система мирового сообщества характеризуется доминированием инновационной деятельности – главного фактора, стимулирующего устойчивое развитие экономики. Инновации сегодня это не только основной источник долгосрочного роста экономики и основа конкурентоспособности любой страны, но и ключ к решению многих проблем социального характера.

Инновационная экономика может существовать только в условиях, когда наука является детерминирующим фактором развития производства и непосредственной производительной силой [2].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного пересмотра основ социального управления в условиях новой индустриальной революции, состоявшейся в 2010-е годы, драйвером которой выступили инновации, основанные на применении цифровых технологий [1]. В новых условиях функционирования экономики знаний кардинально трансформируется общественная и экономическая роль научных организаций, как ключевых субъектов разработки инноваций, внедрение которых осуществляется как в коммерческом секторе (предпринимателями), так и в публичном (государством и уполномоченными им структурами). Именно указанная триада субъектов в условиях экономики знаний активно взаимодействует, и от результативности такого взаимодействия зависят многочисленные аспекты социального

бытия [3]. Для опосредования рассматриваемого социального партнерства могут быть применены научные концепции, на основании которых могут быть пересмотрены и уточнены подходы к различным аспектам взаимодействия в общества, среди которых системообразующую роль играет социальная ответственность. Реализуя внешнюю социальную ответственность перед обществом в целом и перед ключевыми социальными партнерами, организации, в том числе научные учреждения, «цементируют» складывающиеся социальные взаимодействия, обеспечивают их устойчивый, долгосрочный и, главное, результативный характер. При этом разработка организационных основ управления внешней социальной ответственностью применительно к научным учреждениям характеризуется неполнотой и незавершенностью, в отличие от практик, реализуемых, прежде всего, в коммерческой сфере [5]. Данная ситуация видится в не соответствующей роли и месту научных учреждения в экономике знаний и требует корректировки с учетом актуальных трансформаций социальных отношений.

С учетом изложенной аргументации следует оценить возможности применения к управлению социальной ответственностью научных учреждений в современных условиях индустрии принципов модели «тройной спирали» Г. Ицковица [5], обеспечивающей реализацию социального партнерства государства, бизнеса и научных учреждений в инновационной и научной сферах.

Свою научно-исследовательскую деятельность соответствующие организации и учреждения осуществляют не в вакууме, а в открытом обществе, в тесном партнерстве с многочисленными субъектами, среди которых в условиях разработки инноваций к научным учреждениям наиболее приближены государство и предприниматели. Оба указанных субъекта являются, прежде всего, потребителями инноваций: в то время как предприниматели стремятся их коммерциализировать и улучшить бизнес-процессы, государство обеспечивает общественный прогресс, совершенствование публичных услуг и управление их исполнением. Как государство, так и предприниматели могут выступать собственниками или социальными патронами научных учреждений, но так или иначе, они получают от исследовательских организаций сами инновации для воплощения их в жизнь.

Модель «тройной спирали» предполагает, что субъекты социального партнёрства (государство, предпринимателями и научные учреждения, именуемые в концепции Г. Ицковица университетами в соответствии с западной традицией) вступают во взаимодействие, опосредованное многочисленными социальными обязательствами, однако не предполагающее утрату самостоятельности субъектов (тем самым, формируется конструкция, внешне напоминающая спирали ДНК). Результатом такого взаимодействия выступает, по сути, неизбежное возникновение среды для устойчивой и расширенной мультипликации инноваций.

Анализ литературы [6-8] показывает, что модель «тройной спирали» не только наилучшим и наиболее полным образом описывает социальные взаимодействия в экономике знаний, но и может быть результативно использована для целей организации и управления многочисленными социальными процессами, в том числе внешней социальной ответственностью, которая, как было показано выше, выступает одним из системообразующих элементов социального партнерства.

Представленная концепция может быть успешно применена для исследования и совершенствования ключевых процессов, складывающихся в системе социального партнерства, важное место среди которых, как было показано ранее, занимает внешняя социальная ответственность.

Под внешней социальной ответственностью представляется целесообразным понимать отношения, основанные на принятии организациями – субъектами социального партнерства обязательств в сфере этики научных исследований, обеспечения доступа к жизненно важным исследованиям и их результатам всех заинтересованных лиц, соответствие социальным запросам ключевых групп внешних стейкхолдеров.

Могут быть выделены следующие ключевые принципы социального партнерства в рамках «тройной спирали», на основании которых представляется возможным разработать контуры внешней социальной ответственности участников взаимодействия:

– добровольный характер участия в партнерстве с сохранением независимости участников («спирали» ДНК не пересекаются, однако всегда находятся на одном расстоянии друг от друга и следуют друг за другом, аналогичным образом

должны взаимодействовать участники «тройной спирали»;

– взаимность (субъекты взаимодействия учитывают интересы каждой из сторон и в рамках партнерства действуют сообразно данным интересам);

– транспарентность и общественный контроль (истинный характер равноправного и результативного взаимодействия может быть обеспечен и простимулирован через обязательное раскрытие информации о партнерстве и широкое общественное обсуждение. Элемент общественного контроля призван усилить данные эффекты. Следует отметить, что публикация отчетов сама по себе выступает инструментом реализации внешней социальной ответственности и способом трансмиссии лучших социальных и управленческих практик в предметной сфере [9]);

– справедливый характер распределения результатов партнерства с учетом социальных интересов, в том числе, в части обеспечения общественного доступа к наиболее чувствительным инновациям, например таким как разработки вакцины от массовых заболеваний, а также – в обратном направлении – по недопущению свободного распространения результатов инноваций, которые могут быть использованы во вред человечеству.

В результате могут быть представлены ключевые аспекты, характеризующие направления социальной ответственности научных учреждений по «тройной спирали»: за достоверность полученных научных знаний и этику в проводимых исследованиях, за безопасность применения инноваций и полноту научного сопровождения (комментариев) по поводу безопасного их использования; за целевое и грамотное распределение внешнего финансирования; за полноту и своевременность выполнения заданий на научные исследования и разработки; за обеспечение открытого доступа к наиболее чувствительным инновациям с позиций интересов общества и, напротив, сохранения ограниченного доступа к инновациям, применение которых может составлять угрозу интересам национальной безопасности.

Применительно к функционированию научного учреждения, представленные аспекты могут быть интерпретированы через приоритетные направления трансформации организационных основ управления социальной ответственностью, в связи с чем предлагается следующее:

– при разработке инструментов и выборе методов управления внешней социальной ответственностью активно адаптировать лучшие практики у партнеров по «тройной спирали», – у коммерческого и публичного сектора;

– сотрудничать с партнерами по «тройной спирали» по поводу получения новых знаний в сфере социальной ответственности, а также технологий инструментального управления и контроля в данной сфере, например, цифровых мониторинговых платформ по идентификации обратной связи со стороны социума и других стейкхолдеров деятельности исследовательских организаций по поводу их функционирования, с помощью которых может быть получена комплексная информация для разработки управленческих решений по развитию социальной ответственности;

– активно участвовать в обмене опытом и лучшими практиками с социальными партнерами по поводу внедрения инструментов управления внешней социальной ответственности и реализации ее элементов;

– воспроизвести в научных учреждениях современную методологию управления внешней социальной ответственностью с учетом партнерства в «тройной спирали»: подготовить и утвердить стратегию социального партнерства; предусмотреть создание организационных структур по управлению социальной ответственности, например, силами специалиста или отдела; подготовить и реализовать планы деятельности в сфере внешней социальной ответственности; обеспечить независимый мониторинг и контроль за их реализацией, внедрить новую систему ценностей в организационной культуре;

– предусмотреть публикацию отчетов о социальной ответственности и социальном партнерстве научного учреждения с обязательным раскрытием аспектов ответственного подхода при разработке инноваций и обеспечении открытости тех аспектов, которые касаются наиболее чувствительных общественных интересов;

– сформировать систему независимого контроля за результатами научно-исследовательской деятельности с привлечением субъектов гражданского общества. Форматом представления материалов контроля могут быть ежегодные или иные периодические доклады о социально-ответственном развитии научного учреждения, обсуждение которых следует осуществлять также с

привлечением заинтересованных представителей из числа партнеров по «тройной спирали»

– обеспечить взаимное (обратное) участие представителей научного учреждения в обсуждениях результатов социально-ответственного поведения других субъектов партнерства по «тройной спирали».

В условиях, когда развитие социально-экономических отношений происходит на основе комплексного внедрения инноваций, приоритетной моделью выстраивания социального взаимодействия может выступать модель взаимодействия государства, предпринимателей и научных учреждений по «тройной спирали» Г. Ицковица. Учет элементов парадигмы «тройной спирали», включая принципов партнерства (добровольный характер, взаимность, транспарентность, общественный контроль и справедливый характер распределения результатов партнерства с учетом социальных интересов), позволяет корректировать направления системной работы по управлению внешней социальной ответственностью субъектов социального партнерства и, прежде всего, научных организаций, в отношении которых концепция социальной ответственности в настоящий момент разработана достаточно слабо.

Литература

1. Шваб, К. Четвертая промышленная революция: пер. с англ. / Клаус Шваб. – М.: Э, 2016. – 209 с.
2. Салогуб А.М. Интеллектуальный капитал как детерминирующий фактор развития инновационной экономики / А.М. Салогуб // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. № 2. С. 232–243.
3. Студеникин Н. В. Цифровые технологии и новые возможности для КСО в России в контексте зеленой экономики, цифровой экономики и «шеринг экономики»//Государственно-частное партнерство. – 2017. – Т. 4. – №. 4. – С. 257–266.
4. Жолобова И. К., Шаповал Г. Н. Актуальные проблемы социальной и профессиональной ответственности ученого // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2016. – №. 1. – С. 17–21.
5. Ицковиц, Г. Тройная спираль: университеты-предприятия-государство: инновации в действии / Пер. с англ. под ред. А. Ф. Уварова. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2010. – 237 с.
6. Baier-Fuentes H., Guerrero M., Amorós J. E. Does triple helix collaboration matter for the early internationalisation of technology-based firms in emerging Economies? // Technological Forecasting and Social Change. – 2021. – Vol. 163. – P. 120439.
7. Hernández-Trasobares A., Murillo-Luna J. L. The effect of triple helix cooperation on business innovation: The case of Spain //Technological Forecasting and Social Change. – 2020. – Vol. 161. – P. 120296.
8. Lahi A., Dervishi A. Triple Helix, as an acceleration model of Sustainable Development Goals // European Journal of Economics and Business Studies. – 2019. – Vol. 5. – N. 2. – P. 101-105.
9. Руденко О. Н., Величко О. Б. Нефинансовая отчетность как инструмент реализации концепции социально ответственного бизнеса // Финансы и кредит. – 2017. – Т. 23. – №. 19 (739). – С. 1124–1130.

ПЕДАГОГИКА

ПОВЫШЕНИЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

Барахоева Ж. М.

Аннотация. *Развитие культуры речи студентов – одна из основных задач современного образования. Актуальность ее вызвана тем, что речевая культура – составная часть общей культуры человека. Она связана с культурой мышления, поведения, является определителем нравственности, оказывает большое влияние на эффективность общения и профессиональной деятельности. Однако не все студенты-первокурсники отвечают требованиям, выдвигаемым высшей школой: недостаточно сформированы речевые навыки и умения, наблюдается желание упростить язык, что приводит к резкому снижению речевой грамотности.*

Цель статьи заключается в исследовании проблемы речевой культуры студентов и в практическом применении методов эффективного повышения речевой компетенции: автором представлен фрагмент опытно-экспериментального обучения, где рассматриваются основные способы, направленные на развитие речевой культуры обучающихся. В исследовании использованы сравнительные методы, методы анализа, синтеза, наблюдения.

Ключевые слова: *культура речи, речевая грамотность, правильность речи, выразительность речи, экспериментальное обучение, речевая компетенция, формирующий этап, констатирующий этап, контрольный этап, навыки речи.*

INCREASING SPEECH CULTURE OF UNIVERSITY STUDENTS

Annotation. The development of the culture of students' speech is one of the main tasks of modern education. Its relevance is due to the fact that speech culture is an integral part of the general culture of a person. It is associated with the culture of thinking, behavior, is a determinant of morality, has a great influence on the effectiveness of communication and professional activity. However, not all first-year students meet the requirements put forward by higher education: speech skills and abilities are insufficiently formed, there is a desire to simplify the language, which leads to a sharp decrease in speech literacy.

The purpose of the article is to study the problem of students' speech culture and in the practical application of methods for effectively increasing speech competence: the author presents a fragment of experimental teaching, which considers the main methods aimed at developing the speech culture of students. The study used comparative methods, methods of analysis, synthesis, observation.

Key words: culture of speech, speech literacy, correctness of speech, expressiveness of speech, experimental teaching, speech competence, formative stage, ascertaining stage, control stage, speech skills.

По мнению исследователей, культура речи – это степень совершенства, достигнутая в овладении письменной и устной речью [2].

Один из факторов, влияющих на процесс формирования культуры речи, – СМИ. Публицистический стиль широко распространен и имеет большое влияние на представителей разных профессий и возрастов. Студенчество не стало исключением. В современных средствах массовой информации довольно часто можно услышать такие слова, как «прикол», «по кайфу», «по чесноку». Слова, словосочетания, речевые конструкции, которые звучат в СМИ, не всегда соответствуют нормам литературного языка. Однако они становятся предметом подражания молодежи. Также большим минусом является переориентация текстовых форм контроля и в вузе, и в школе на тестовые: обучающиеся путем простого угадывания отвечают на поставленный вопрос, что препятствует процессу развития логики, мышления, грамотности речи обучающихся.

Важный этап формирования культуры речи молодого человека – обучение в вузе. Студенты-первокурсники уже имеют определенный

уровень речевой культуры, полученный ими в школе. При условии, что школа сумела привить учащимся навыки правильной речи, для преподавателей вуза значительно упрощается задача: нет необходимости вносить изменения в учебные программы, соответственно, система работы со студентами не нуждается в корректировке, а значит, не затормаживается учебный процесс. Однако культура речи подразумевает не только следование нормам языка. Культура речи требует умения **найти точное средство для правильного оформления мысли, наиболее выразительное, и стилистически оправданное** [1; 5].

Для развития речевой культуры студентов огромную роль играют гуманитарные дисциплины, поскольку именно они способствуют эффективному овладению речевой компетенцией. На занятиях по данным учебным дисциплинам необходимо учитывать ряд условий:

- *самоанализ, самооценку студентов*. Используя данный метод, студенты имеют возможность оценивать себя, что является мощным мотиватором для самообразования;

- *организацию дискуссий*. Как показывают исследования, дискуссия активизирует самостоятельность суждений. У студентов появляется возможность высказывать в ходе дискуссий свою точку зрения, отстаивать ее. Таким образом, студенты оказываются включенными в процесс познания собственной деятельности, что и способствует формированию высокого уровня их интеллектуальной и личностной активности;

- *формирование у студентов навыков и умений правильно анализировать текст*. В процессе анализа и составления текста студенты должны следить за подбором слов и грамматических конструкций, контролировать предметно-смысловые связи. Также большое значение придается и внеучебной работе, нацеленной на расширение среды речевого общения: творческие кружки, студенческие конференции. То есть, имеется предположение о том, что процесс развития речевой компетенции студентов будет развиваться более эффективно, если методологической основой его будут выступать:

1. *Культурологический подход*, поскольку образование и культура – стороны единого процесса и их взаимодействие способствует усвоению и нового знания.

2. *Коммуникативно-деятельностный подход* [3]. Учебный процесс протекает при тесной коммуникации студентов и преподавателей. Преподаватель ориентируется в работе со студентами на модель «работа-диалог»: общение, игры, активизирующие коммуникативные возможности обучающихся. Основным видом при названном подходе выступает дискуссия. Здесь студенты учатся слушать и слышать себя и друг друга, аргументировать и защищать свою точку зрения, то есть включаются в поиск решения проблемы. Данный подход развивает у студентов:

- логическое мышление;

- умение вступать в диалог и вести его в нужном русле;

- монологическую речь;

- умение систематизировать полученные знания.

3. Текстоцентрический подход. Согласно этому подходу, текст выступает в качестве основного средства организации образовательного процесса, становясь главной единицей процесса обучения. В ходе развития и формирования речевой грамотности текст используется в качестве информации и образца, на основании которого создается свой текст [4].

Для доказательства выдвинутой гипотезы был проведен эксперимент среди студентов 1-го курса. Первый этап эксперимента – констатирующий, предполагал проведение диагностики качества знаний студентов по исследуемой теме: студенты должны были составить небольшой рассказ на тему: *«Бессердечность – это…»*. Большинство участников эксперимента допустило лексико-стилистические, лексико-морфологические ошибки. В текстах использовались однообразные синтаксические конструкции.

Также студентам было предложено выполнить следующие задания:

1. Произвести стилистический анализ текста;

2. Ответить на вопрос таким образом, чтобы ответ являлся фрагментом официального документа:

- из какого материла в этом ателье шьют одежду?

- законно ли заниматься коммерцией в метро?

- возможно ли получить копию документов без предъявления паспорта?

- так ли важен в общих образовательных учреждениях дресс-код для учащихся?

3. *Найти лексические ошибки во фрагментах из деловых бумаг, определить их характер. Отредактировать текст.*

4. Найти в тексте случаи ошибочного употребления сокращенных написаний;

5. Найти ошибки, допущенные автором заявления. Отредактировать текст документа. Объяснить расстановку знаков препинания.

Таблица №1

Результаты исследования первого этапа

№	Задание 1	Задание 2	Задание 3	Задание 4	Задание 5
1	+	0	0	+	+
2	0	+	+	0	0
3	0	+	+	0	0
4	0	0	+	0	0
5	0	0	+	+	+
6	0	+	0	+	+
7	0	+	0	+	0
8	0	0	+	0	0
9	0	0	+	0	0
10	0	0	0	+	0
11	0	+	0	+	0
12	0	0	0	0	0
13	0	0	+	+	0
14	0	0	0	0	0
15	0	0	+	0	0
16	+	0	+	0	0
17	0	0	+	+	+
18	0	0	0	+	+
19	0	0	0	+	0
20	0	0	+	0	0
21.	0	+	+	0	0
22	0	0	+	+	0
23	+	+	0	0	0

Следующий этап – формирующий или обучающий. На данном этапе студенты учились:

1*) составлять алгоритм;*

2) писать рецензию;

3) производить стилистический анализ текста;

4) составлять речевое высказывание;

5) выделять части текста;

6) подбирать к выделенным в тексте словам синонимы;

7) подбирать к выделенным в тексте словам омонимы;

8) выделять слова с прямым значением;

9) выделять слова с переносным значением;

10) определять стилистическую окрашенность слов и словосочетаний: бардак, тривиальный, денно и нощно, узник, внести свою лепту, очи...

На протяжении формирующего этапа обучающиеся имели возможность оценивать свои результаты. Весь учебный процесс был основан на взаимопонимании, взаимоуважении и в конечном итоге удалось создать модель обучения, которая оказалась продуктивной.

Также на занятиях были организованы и проведены дискуссии, на которых студенты учились правильно излагать свою точку зрения, аргументированно отстаивать ее или соглашаться с мнением оппонентов.

На завершающем (контрольном) этапе студенты выполняли упражнения и задания, аналогичные заданиям второго этапа эксперимента (формирующего).

Таблица №2

Результаты контрольного этапа эксперимента

№	Задание 1	Задание 2	Задание 3	Задание 4	Задание 5	Задание 6	Задание 7	Задание 8	Задание 9	Задание 10
1	+	+	0	+	+	+	+	+	+	+
2	0	+	0	0	+	+	+	+	+	+
3	+	+	+	+	+	+	0	0	+	+
4	+	+	+	+	0	0	+	+	+	0
5	+	0	+	+	+	+	+	+	0	0
6	0	0	+	+	+	+	+	+	+	+
7	+	+	+	+	0	0	+	+	+	+
8	+	0	+	0	0	+	+	+	0	+
9	+	+	+	0	0	+	+	+	+	+
10	+	+	0	0	0	+	+	+	+	+
11	+	0	0	0	+	+	+	+	+	+
12	0	0	+	+	+	+	+	+	+	+
13	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
14	0	0	0	+	+	+	+	+	+	+
15	+	+	0	+	+	0	0	+	+	0
16	0	0	+	+	0	+	+	+	+	0
17	+	+	0	0	0	+	+	+	+	+
18	+	0	0	+	+	+	0	0	+	0
19	0	0	0	+	+	+	+	+	+	0
20	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
21	+	0	0	0	+	+	+	+	+	+
22	0	0	+	+	+	+	+	+	+	+
23	+	+	0	0	+	+	+	+	+	+

В процессе сравнительного анализа результатов первого и последнего этапов эксперимента можно сделать вывод о том, что при систематическом выполнении упражнений и заданий, построенных на основе культурологического, коммуникативно-деятельностного, текстоцентрического подходов наблюдается положительная динамика в развитии речевой культуры среди студентов. Таким образом, можно утверждать, что выдвинутая гипотеза исследования получила свое экспериментальное подтверждение.

Литература

1. Головин Б.Н. Основы культурной речи. – М.: Высшая школа, 1988. – 320 с.
2. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд.5-е, испр. И доп. – Назрань: ООО «Пилигримм», 2016. – 486 с.
3. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова [и др.]. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.
4. Леонтьев, Д. А. Совместная деятельность, общение, взаимодействие (К обоснованию «педагогики сотрудничества») / Д. А. Леонтьев // Вестник высшей школы. – 1989. – № 11. – С. 44.
5. Скворцов Л.И. Экология слова, или Поговорим о культуре русской речи. – М.: Просвещение, 2009. – 208 с.

References

1. Golovin B.N. The basics of cultural speech. – M .: Higher school, 1988 .-- 320 p.
2. Zherebilo T.V. Dictionary of linguistic terms. Edition 5, rev. And add. – Nazran: LLC «Pilgrimm», 2010. – 486 p.
3. The culture of Russian speech: an encyclopedic dictionary-reference book / ed. L. Yu. Ivanova [and others]. – M .: Flinta: Nauka, 2003 .-- 840 p.
4. Leontiev, D. A. Joint activity, communication, interaction (To substantiate the «pedagogy of cooperation») / D. A. Leontiev // Bulletin of the higher school. – 1989. – No. 11. – P. 44.
5. Skvortsov L.I. Ecology of the word, or Let's talk about the culture of Russian speech. – M .: Education, 2009 .- 208 p.

СЛОВАРИ

МАТЕРИАЛЫ К «ТОЛКОВОМУ СЛОВАРЮ ИНГУШСКОГО ЯЗЫКА»
(предварительные публикации)

Киева З. Х.

Аннотация. В статье апробируются материалы к «Толковому словарю ингушского языка». Толкованию подвергается часть лексических единиц ингушского языка на букву «Л». Принципы составления толкового словаря разработаны на основе анализа теоретической базы составления существующих в языкознании толковых словарей. В структуру словарной статьи в разрабатываемом словаре входят следующие элементы: заголовочное слово, грамматические и стилистические пометы, объяснение их значений – толкования, примеры использования в данном значении слов и фразеологизмы.

Ключевые слова: ингушский язык, толковый словарь, словарная статья, лексическая единица, толкование, иллюстративный материал, фразеологическое выражение.

MATERIALS FOR THE «EXPLANATORY DICTIONARY OF THE INGUSH LANGUAGE»
(preliminary publications)

Annotation. The article ties the materials to the «Sensible dictionary of the Ingush language». The interpretation is subjected to part of the lexical units of the Ingush language per letter «l». The structure of the dictionary entry in the developed dictionary includes the following elements: the title word, grammatical and stylistic marks, an explanation of their meanings – interpretations and examples of the use of words in this meaning, phraseological units. The principles of compiling an explanatory dictionary of the Ingush language are developed on the basis of the analysis of the theoretical basis for compiling existing explanatory dictionaries in linguistics.

Key words: Ingush language, explanatory dictionary, dictionary entry, lexical unit, interpretation, illustrative material, phraseological expression.

ЛА[1], *ханд. (лов, лайнад, ловргда)*. ТIакхаьчача цхьан хIаманна (лазара, халонна, гIайгIанна, аьттув цахилара) сатоха. *Шелал ла. Унахо лов. Моцал лайнай.* ‖ Цхьанне аьннар е леладер сабарца такха низ кхача. *Харцо ла. Iазап лайнад. Цун бегаш ла хала да.* ‖ *масд.* **лар,** *д. -о. Наха дувцар л. Лазар ларах г1елвеннавар из.*

ЛА[2], *ханд. (лов, лайнад, ловргда)*. Цхьа хIама де уйла е безам хила; цхьа хIама чIоагIа хьашт долаш хила. *Даьх-наьнах бIаргтоха ла. Хьаьнала къахьегаш вахилга лов сона, лелилга лов сона* (Осмиев Хь.). ‖ МоллагIа хIама ха (довза) е кхоачашхилийта гIерта. *Деррига гучадалар ла. Лайнад юрто сай цIи яхар, цIаккха ца бовш тешам* (Плиев М.-С.) ‖ *масд.* **лар,** *д. -о. СалаIа л. Дукха х1ама ха л.*

ЛА[3], *цIерд. (да, да), -наш, д. -но.* Говра баргаш лозадарахи ловжарахи лорадеш, царна кIал хьастамашца тохаш дола барга кепе соттадаь сома аьшкан айра. *Говра ла хувца деза. Ланашта детта хьастамаш. Ды дIаэккхийтар цо, ланий зовне тата тIехьа а дуташ* (Кодзоев И.).

ЛАБА[1], *цIерд. (я, я), -ш, д. -о*. **1.** Керта тIа тулабеча гIирсах (кийнах, фуражках и кх.дI.а) хьажий тIа IотIаотташ хьаягIа чIоагIача хIамах яь ахгома хьисапе йола кечал. *ЙIаьха л. йола кий. БIаргашта л. IотIаэзар кIаьнко. IочутоIаяь тухкар зIамига лабаш йола фуражкаш* (Плиев М.-С.). **2.** ЦIенна е моллагIча гIишлонна чувоалача наIара хьатIахетта даь зIамиго отар; наIарах чувоаллача хьабагIа тхов, хьачувоагIар догIан хиво вошавергвоацаш. *Дегача аьшкаца кийчъяь л. ЦIен хьалхашка шера комсий л. яр. Уйчен лабана хьалххашка говр юхаэзар Бек-Хана* (Плиев М.-С.).

ЛАБА[2], *цIерд. (я, я), -ш, д. -о.* Кагий хIамашца мах беш арахьа йоалла йоккха йоаца гIишло. *Газеташ дохка л. Зизай* л.

ЛАБАНКХЕРА, *цIерд. (ба, да), -ий, д. -о.* Кора тIа е наIара тIа герга вIашкаена арасетта моттиг; кхера-моартол. *ГIишлон л. Боккха л. ЦIен л. хоза ба.*

ЛАГIА[1], *цIерд. (да, да), -ш, д. -о.* **1.** ТIавоалаш а кIалвоалаш а кога гIортор дола мугIарагIа урагIйолхача пхорагIа дIаядача арасеттача ардакхех, кхерах и. кх.дI. латта кечал. *ЦIен л. лакха да. Гонахьа лагIаш даьд.* **2.** Цу кечала доакъоех цаI. *КIалхара лагIа. ЛагIа тIа ког оттабе*. **3.** *ТIаийца м.* МоллагIа хIама дегIадара боарам, дарж. *Культура дегIаяра л. Болх кердача лагIа тIа баьннаб.*

ЛАГIА[2], *цIерд. (да, да), -ш, д. -о. Лингв.* Мисталли белгалдешай а дара куца куцдешай а дистара боарам гойта грамматически категори. *Дара куца куцдешай лакхера л. Белгалдешай дистара лагIаш.*

ЛАДАР, *цIерд.(да, да), -аш, д. -о.* **1.** Хийрача гIолла чууха хий е моллагIа кхыйола тIоадал. **Л.** соцаргда догIа сецача. *Ер аькхе ваха цIагIа воацаш цIи яйнаяр, йоачано л. чутеха* (Кодзоев И.). **2.** Хий, тIоадал чууха хийра (тиша, еха) моттиг, Iург, харш. *Л. дIадикъа деза. Л. дола моттиг гучаяьлар.*

ЛАДАРА[1], *белг.* **1.** ХIаман теркам боаца, гIулакх бе-башха доаца, бехктокхаме воаца; хьинар доаца, мела. *Л. дешархо. ГIулакха л. саг вар из.* **2.** *ТIаийца м.* Тешаме доаца, бе-башха доацаш хьадаь. *Л. болх. Л. хьал. Iа мишта хулийт из санна ледара гIулакх!* (Плиев М.-С.).

ЛАДАРА[2], *куцд*. Теркам боацаш, бе-башха доацаш, тешаме доацаш. *Дечоа л. ма хила. Цигачара моттиг л. йита йиш йолаш яц.* (Коазой I.).

ЛАДАРЛО, *цIерд*. *(я), (цхь. т. мара), д. -но.* Ший декхарашта терко йоацаш хилар, бехктокхаме ца хилар, гIулакх бе-башха доацаш хилар; эсалал, мелал. *Балха тIа л. гучаяьннай. Цхьаккха хIаман духьа хьайгара ледарло ялийта мегаргьяц* (Ведзижев А.).

ЛАДУВГIА[1], *ханд*. *(ладувгI, ладийгI*ад, ладувгIаргда). **1**. Дувцашдар, хоам е моллагIа оазаш хьахазийтар духьа уйла, теркам тIабахийта. *Юкъе а ца лелхаш л. Цхьаккха хIама ца тулийташ л. Iемабар нах*. (Ведзижев А.). **2**. Цхьанне хьехамга хьежжа хила, яхар де, теша, тIабахкачар амара мутIахьа хила. *Мехкадаь амарга л. Дезалхоша даьгеи наьнагеи ладувгI. ХIанзчул тIехьагIа сога ладувгIа деза Iа.* **3.** *Лор.* Чурча маьженаша (пехкаша, дего) болх мишта бу хьажа тахка. *Унахочун пехкашка л. Лоро йоккхача сага дегага ладийгIад.* ‖ *масд.* **ладувгIар**, *д. -о. Дикка ла. Къамаьл дара а ладувгIара а вIалла тIера саг вацар из.*

ЛАДУВГIА[2], *белг. (иллех, ашарах лаьца).* Адамий уйлаш, дегай хетамаш, цар бала, гIайгIа, безам и. кх.дI. гойта багах оала халкъа илли. *Л. илли ала. Къаьнара л. йиш.*

ЛАЗА, *ханд. (лаз, лезад, лазаргда).* **1.** ДегIа маьженашка е маьженга лазар хоадала. *Лерг л. доладелар. ДегIаца мел йола маьже лаз.* **2.** Моллаг1чунна саготде; къахета. *Къонгех дог л. Унахоех дог лазар лора.* ‖ *масд.* **лазар,** *д. -о. Царг л. Керта л. дижад. Лазара сатоха.*

ЛАЗАДАККХА, *ханд. (в, й, б), (лазадоаккх, лазадаькхад, лазадоаккхаргда).* Лазар ходалийта, лазадалийта; лазар хургдолча хьала т1а дига. *Молхаша л. мег. Халача белхо дегI лазадоаккх.* < **Лазадаха,** *ханд. дукх. х. кеп (лазадоах, лазадаьхад, лазадоахаргда). Л. ма г1ерта. Балано дог лазадоах.* ‖ *масд.* **лазадаккхар,** *д. -о. Кулг л. халахетаро дог л. кхерам ба.*

ЛАЗАДАЛА, *ханд. (в, й, б), (лазадоал, лазадаьннад, лазадаргда).* ДегIа маьженаш е маьже лаза йолаяла. *ЦIаьхха л. Царгаш вIашкатеIаярах лазадаьннад мочхал. ЙIовхалах корта лазабаьннаб.* < **Лазадувла,** *ханд. дукх. х. кеп (лазадувл, лазадийннад, лазадуврга). Каст-каста л. Йоачан эттача корта лазабувл.* ‖ *масд.* **лазадалар,** *д.-о. Баламаш л. Букъ л.*

ЛАЗАР, *цIерд.(да, да), -аш, д. -о.* Могашал талхар, цамагар, дегIа гIоарал дохар. *Д1а-юха дувла л. ХIара лазара ший молха эш. Лазаро хозал дIаэц сага тIера.* (Кодзоев И.).

ЛАЙ[1], *цIерд.(ва, я, ба), лаьш, д. лаьво.* Чулатта саг, Iунал оттаваь саг, ший лоIаме воаца саг; есар. *Лай а саг ва. Кхы хIаман духьа а дацар, паччахьа хана а юртадаь кучарал лела саг наха лай лоархIаш хилар мара* (Ведзижев А.). *Укхаза ма даггара къахьегаш лаьш бар* (Кодзоев И.).

ЛАЙ[2], *белг.* Лайх хьадаь е лайх хьахинна; лайх латта. *Л. аре. Л. гувнаш. Л. мунда. Къаьга хьежача маьлхе лепаш уллар бус дижача лай кIай истинг* (Боков А.). ♦ **Лай хий хиннад** – доацаш дIадаьннад.

ЛАЙСИ, *цIерд*. *(да, да), лайсеш, д. лайсе.* Пхьарий оатхал, фодеттарг. *Лайси дийттача, цIи йоккхагIа хул. Енай, кирпишкаш а енай, лайси а денад, – вагIачара хьалгIеттар Маслов.* (Ведзижев А.).

ЛАК[1], цIерд. *(да, да), -аш, д. -о.* **1.** Баген чеи кIаьда къамарги вIашагIхотта кхача Iохьаш йола моттиг; къамарга шод. *Л. долччара лаз. Цун пIелгаша сай лакаш вIашкаувзаш санна хетаделар сона* (Ведзижев А.). **2.** Екъача (садоахача) къамар-

га лакхера дакъа, оазаш хьахулаш дакъа лоацача къамаьла маьженех цаI. *Оазаш лака чу хьахул. Лака тIара оазаш.* ♦ **Лак лаца** – бе воаллаве, де хIама доацача хьале оттаве. **Лакаш хаддалца** – оаз дIаяллалца. **Лаках хьаккхал** – геттара кIезига даар. **Лакашка отта** – балийна дала, к1ордаде.

ЛАК², *цIерд. (да, да), -аш, д. -о.* **1.** Озайича, герз доалийташ йола цунах йоалла чоалх. *Шозза ювлача топа л. Сабар! Сабар! Л. ма оза!* (Осмиев Хь.). **2.** Моллаг1ча г1ирсах йоалла къувларга г1улакх кхоачашду оатхал. *Аьшкан л. Л. хьалтесса, яьшка хьайийлар цо.*

ЛАК³, *цIерд.(да, да), -аш, д. -о.* Локхаш, пIелгаш тIатеIадеш пандарах (роялах, пианинох и кх.дI.) оазаш йоаха оатхал. *Пандара л. Пианино лакаш тIагIолла говза лелар кулгаш.*

ЛАКХА[1], *ханд. (локх, лекхад, локхаргда).* **1.** Мукъамца ашара оазаш ала, илли ала; илли даккха. *Къаьнара илли лакха. Наг-нагахьа йиш локх, фата етт. Аз халхара йиш локхаргья хьона, хьо халхавоале* (Плиев М.-С.). **2.** *Музыкальни гIирсаца мукъам баккха, оаз яккха. Дахчан пандар л. Ма хоза локх цо из чIондарг. ТIорме чура хьаяькхха шедолг лекхар, йIаьхха тайжа оаз а яхийта* (Кодзоев И.). **< Лекха,** *ханд. дукх. х. кеп (лекх, лийкхад, лекхаргда). ГIалгIай иллеш л. Дукха лийкхаб цо пандар.* ‖ *масд. лакхар, д. -о. ГIайгIане йиш л. Пандар лакхаро самукъадоаккх.* ♦ **МуI лакха** – дер дайна лела. **Паьшк лекха** – оапаш бувца. **Шаьмали лекха** – ца доагIар дувца, дукха ле, даьсса хабар дувца. **Зурма лекха** – дукха ле, ца доаг1ар дувца, даьсса хабараш дувца.

ЛАКХА², *белг.* **1.** Лохера лакхе кхаччалца дIаьха, нийсса лакхера Iочу е урагIа дола. *Л. лоамаш. Л. гIов. Наькъа аьрда оагIорахьа багIа лакха кхор. Михо меллашха теркайора лакха баьцаш. Седкъашта кIал уж лакха михаш латт.* (Горчханов Б.) ‖ Гаьна лакхе дола. *Л. морхаш. Уж сийна сигаленаш ма л. я.* **2.** ХIаман юкъарча лакхала боарамал тIех боарам бола. *Л. кIоажув. Л. кхоссадалар.* **3.** *ТIаийца м.* Юкъарча боарамал тIех боарам бола. *Л. хьувкъам. Л. алапи. ХIанз маьхаш л. долчча хана йихьача пайданагIа дар* (Боков А.). **4.** *ТIаийца м.* ЛоархIам бола, доккха маIан дола. *Л. бехктокхам. Найц лакхача балха тIа ва.* **5.** *ТIаийца м.* ТIехдика, тIехбаьнна дегIадара боарам бола. *Л. культура. Л. говзал йола болхлой кийчбе.* 6. *ТIаийца м.* Айденна, кIоарга чулоацам бола. *Л. уйлаш. Л. кхетам. Л. дош.*

ЛАКХА³, *куцд.* **1.** Лохера хьал урагIа. *Байракх л. айе. КIаьнк л. кхоссалу. Кулгаш л. хьалъайде. Карт л. еттай.* ‖ Лаьттара хьал гаьнна урагIа. *Малх хIанз а л. латтар. Л. сигала гIарагIураш екар. Ши кхокха хул йижарех, л. – сигала уж гIовтт* (Хашагульгов А.). **2.** *ТIаийца м.* ТIехдика, лакхарча боараме. *ХIанз мо л. латталда шун сий, мехкадаьй! Тха, кхалнаьха бокъо, лакха латт укх коа* (Кодзоев И.).

ЛАКХАЛ, *цIерд. (я), д. -о.* МоллагIча хIаман лохера лакхе кхаччалца урагIа бола боарам, дIоахал. *ВIовна л. Лакхалга диллача, кIеззига цул лохагIа хетар из.*

ЛАКХАЛЕ, *цIерд. (я, я), -наш, д. -но.* **1.** Айенна моттиг; дукъ, лоам. *ТIавоалаш хала дале а, л. яькхача аттагIа хул* (Дахкильгов И.). *Iоа лоха а, дIа Эссал дехьарча лакхаленаш тIа а латтар маьлха сердал.* (Плиев М.-С). **2.** *ТIаийца м.* МоллагIа хIама дегIадара лакхагIа бола боарам. *Кхоллама л. Поэзес керда лакхаленаш яьхай.*

ЛАКХДАЛА, *ханд. (в, й, б), (лакхлу, лакхденнад, лакхлургда).* **1.** ДегI да, ше долчул лакхагIа хила, моллагIча лакхалга кхача. *КIа л. доладеннад. Шин бухьига тIа этгача, ше волчул дукха лакхлу Къарше* (Плиев М.-С.). **2.** *ТIаийца м.* Боарамга диллача, дуккагIа хила, айдала, алсамдала. *Алапи л. мег. Цу бус 39 градусага кхоачаш йIовхал лакхъелар Бийсолтийна. Дикка лакхлургба мехкдаьтта боарам.* **3.** *ТIаийца м.* Лакхача боарамга кхача, дегIада, тоадала. *Дешархой хIама хар а довзар а л. Мехка гIишлош йоттара гулакх лакхденнад.* **4.** *ТIаийца м.* Лакхехьарча гIулакхе дIатIаваха, даржа, белха тIа кхы а айвала. *Белгалвала, балха л. ловш дарий из? Хьа гIулакх-м лакхденнад. Президиуме ваьгIав* (Ведзижев А.). Къонача болхлочоа л. новкъостал де. **5.** *ТIаийца м.* Наха хьалхашка сийдала, наха лоархIаш, сийдеш хила. *Деналца а хьаькъалца а л. Бакъда хIанз трактора а доалде ховш из волга кхетадича, цхьаккха боарам а боацаш лакхвелар из юртахошта хьалхашка* (Ведзижев А.). ‖ *масд.* **лакхдалар,** *д. -о. Хьал-торо л. Регионе маьхаш л. дийцар вIашагIкхетаре.*

ЛАКХДЕ, *ханд. (ве, е, бе), (лакхду, лакхдаьд, лакхдергда).* **1.** Ше долчул лакхагIа де, айде. *Отар кхы а л. ЦIеной тхов л. ГIишлонхоша цIа лакхду.* **2.** *ТIаийца м.* Боарамга диллача, доккхагIа де, алсамдаккха. *Хьувкъам л. Торонга хьажжа л. йиш йолаш алапи а да* (Плиев М.-С.). **3.** *ТIаийца м.* Бехктокхамерча, лоархIам болча белха тIа хьожаве, гIулакхе, белха тIа айве. *Болхло л. лаьрхIа ва хьаким. «Дики дивизе» командира бокъо елар из лакхве* (Плиев М.-С.). **4.** *ТIаийца м.* Лакхача боа-

рамга даккха, дегIадоаладе, тоаде. *Дешара гIулакх л. Къахьегамца толам л. беза.* ‖ *масд.* **лакхдар,** *д. -о. Иман л. Говзал лакхъяр. Вай декхар тахан, кхоана мехждаьтта доаккхалга л. да* (Боков А.)

ЛАКХЕ, *цIерд. (я-я), д. -о.* **1.** МоллагIча хIаман тIера, лакхера дакъа. *ЦIеной л. Цу лакхен тIа цхьаннена мара моттиг яц.* **2.** Лаьттан т1ара хьал гаьнна йола моттиг; сигале. *Йийкха л. ДогIа сецар, йийкхар л.*

ЛАКХЕ, *куцд.* **1.** Лакхерча моттиге, лакхален тIа. *Юрт л. улл. Аьрзи лел л. Л. дагIа. Л. доаллача корилгах маьлха зIанараш чуяьхкар.* **2**. Кулгалхой, хьакимаш, тIабахка нах болча метте. *Л. соцам баьб. Л. дош дийцад. 3.* Хьалха хьоахадаьча мугIарашка е оагIонашка. *Л. хьажа. Л. ма аллара.*

ЛАКХЕДАККХА, *ханд. (в, й, б), (лакхедоакх, лакхедаьккхад, лакхедоаккхаргда).* Лакхера моттиг д1алацийта, лакхерча моттиге д1анийсдалийта, д1аоттаде. *Мел ца эшар л. Могаш воацар лакхеваькхар Махьмада.* (Плиев М.-С.). < **Лакхедаха,** *ханд. дукх. х. кеп (лакхедоах, лакхедаьхад, лакхедоахаргда). Х1ара дийнахьа л. Саг т1акхоачаргвоацаш, л.* ‖ *масд.* **лакхедаккхар,** *д. -о. Бер л. Лоаме т1аг1олла л.*

Литература

1. Бекова А.И., Дударов У.Б., Илиева Ф.М., Мальсагова Л.Д., Тариева Л.У. ГIалгIай-эрсий словарь (Ингушско-русский словарь). – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2009. – 984 с.
2. Коазой И.А. ГIалгIай метта ширача дешай дашхара дошлорг. – Наьсаре: Кеп, 2018. – 272 с.
3. Куркиев А.С. ГIалгIай-эрсий дошлорг (Ингушско-русский словарь). – Магас: Сердало, 2004. – 544 с.
4. Мальсагов З.К. Грамматика ингушского языка. Издание 2-е. – Грозный, Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1963. – 161 с.
5. Мерешков С.А. ГIалгIай этнографически лексика. – ИнгГУ, 2007. – 104 с.
6. Оздоев И.А. Русско-ингушский словарь (Эрсий-гIалгIай словарь) / Под ред. Ф.Г. Оздоевой, А.С. Куркиева. – М.: Русский язык, 1980. – 832 с.
7. Оздоев И.А., Мациев А.Г., Джамалханов З.Д. Ингушско-чеченско-русский словарь. – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1962. – 212 с.
8. Оздоева Ф.Г. Ингушско-русский фразеологический словарь. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 132 с.
9. Оздоева Ф.Г., Мальсагова Л.Д., Дахкильгов И.А., Танкиева Л.Х., Чапанов О.В., Патиев С.У. Краткий русско-ингушский словарь-справочник общественно-экономических терминов. – Назрань, 1998. – 78 с.

МАТЕРИАЛЫ К «ТОЛКОВОМУ СЛОВАРЮ ИНГУШСКОГО ЯЗЫКА»
(из опыта составления)

Хайрова Р. Р.

Аннотация. Представленный материал раскрывает принципы разработки планируемого толкового словаря ингушского языка как первого опыта составления лексикографической работы такого рода. В словарь включаются лексические единицы, употребляемые как в литературном языке, так и в разговорной речи; фразеологизмы; лексемы с терминологическим значением. Кроме того, даны толкования устаревших или стилистически ограниченных слов. Образцы словарных статей содержат следующие структурные компоненты: ингушское заглавное слово, грамматические и стилистические пометы, толкование значения слова, иллюстративный материал в виде словосочетаний и предложений, фразеологизм, в котором заглавное слово является ключевым.

Ключевые слова: толковый словарь, словарная статья, грамматические и стилистические пометы, терминологическое значение, фразеологизм, устаревшие слова.

Annotation. The presented material reveals the principles of development of the planned explanatory dictionary of the Ingush language as the first experience of compiling lexicographic work of this kind. The dictionary includes lexical units used both in literary language and in colloquial speech; phraseological units; lexemes with terminological meaning. In addition, there are interpretations of outdated or stylistically restricted words. Samples of dictionary articles contain the following structural components: Ingush capital word, grammatical and stylistic marks, interpretation of the meaning of the word, illustrative material in the form of phrases and sentences, phraseology, in which the capital word is the key.

Key words: explanatory dictionary, dictionary article, grammatical and stylistic marks, terminological meaning, phraseology, obsolete words.

Г1 – *г1алг1ай алфавита ялхлаг1а алап*.

Г1А[1], *ц1ерд. (ба), (цхь. т. мара), д.-но.* **1.** Д1алелача е удача хана хьалха, т1ехьа е оаг1орахьа цкъа ког ловзар, кога айра лаьтта, уй т1а и. кх. д1. 1ооттадеш. Шерра боаха г1а. Шорттига г1а боаккхаш йодар йоккха саг. **2.** Лелача хана шин кога к1ийленашта юкъера юкъ (д1оахал дуста боарам санна). Цхьа г1а хиллал. Ши-кхо г1а д1аховала. ♦ **Г1а боаккхаргбац –** г1оргдац, меттахьа даргдац; ма г1о, меттахьа ма дала.

Г1А[2], *ц1ерд. (да, да), -наш, д.-но.* Наб еча хана, набарах чуийнача хана духьалъотташ дола х1ама, сурт; г1анахьа гуш дар. Унзара г1а го. Дукха иллар из сомаваьлча, цу г1анах тамаш еш. ♦ **Г1отташ дайна г1а** – тамашне, кхычарех эргаш, кхетаве хала вола саг.

Г1А[3], *ц1ерд.* (да, *да), г1аьнаш, д. г1аьно*. **1.** Гаьний е кхыйолча баьцовг1ай фо а газ а д1акхачийтара г1улакх кхоачашду маьже. Баьццара г1а. Докъаденна г1аьнаш удадора михо. **2.** Гулд. Деррига г1аьнаш б1арчча цхьа х1ама йолаш санна. *1ажий гаьна г1а. Боалашта г1а техад.*

Г1АБА, *ц1ерд. (я, я), -ш, д.-о.* Г1озараш з1анарашца в1ашкадийза хьабаь лаьцачунна когех е кулгех тохаш бола аьшкан г1ирс. Г1. тоха. Есара г1абаш мелъеннаяр.

Г1АГ1, *ц1ерд. (да, да), -аш, д.-о.* Ширд. Лакхера дег1 шийлача герзах хьуладара лаьрх1а аьшкан г1озараш в1ашкадувзаш даь т1ема барзкъа; т1ема г1ирс. Деза г1. Г1аг1аш ширача хана леладаьд т1емахоша.

Г1АД[1], *ц1ерд. (да, да), -аш, д.-о.* **1.** Г1а, зиза, ч1онакаш хьахула баьцовг1ай лакха, сома юкъера дакъа; ч1ег1. Докъаденна г1. Г1. атта каглургдолаш дацар. **2.** Гулд. Хьажк1ай г1ад. Доакъара г1ад эца.

Г1АД[2], *ц1ерд. (да, да), -аш, д.-о.* Анат. Фоартагара юкъага кхаччалца дола сага дег1а дакъа. Шера г1. Деррига цун г1. эгаш санна хеталора велача хана.

Г1АД[3], *ц1ерд. (да, да), -аш, д.-о.* Хьадаьккха, шенг теха, пхьешаш д1ат1адохканза дола кхалнаьха коча дакъа. Й1аьхача коча г1. Тегархочун истола т1а уллар коча г1.

Г1АДАГ1ИЛГ, *ц1ерд. (да, да), -аш, д.-о.* Лаьг1о каст-каста дег1ах фуннаг1а д1ахьекхаларо лу ходалар (дукхаг1йолча хана беламца ийна хул). Г1. ма даккха. Кога г1адаг1илгаш даха.

Г1АДАМ, *ц1ерд. (да, да), -аш, д.-о.* Хьажк1а г1ад. Лакха, сома г1. Г1адамаш хьакха даьлча, ворда т1а деттар.

Г1АДДАХА[1], *ханд. (в, й, б), (г1аддода, г1аддахад, г1адг1оргда).* Дог г1оздала, цхьа дега-г1оз хиларца, самукъадала, раьза хила. Боарам боацаш г1. Да-нана ц1акхаьча г1аддахад бераш. < **Г1адъаха,** ханд. дукх. х. кеп. *(г1адъух,* г1адъихад, г1адъухаргда). Ви1ий толамашта г1. Сага тоам хилча г1адъухар воккха саг. ‖ масд. г1аддахар, д.-о. Дувцилга доацаш г1. Г1аддахаро лазар дайдир цун.

Г1АДДАХА[2], *куцд.* Дог г1оздаьнна, самукъадаьнна; раьза долаш. Г1. хьайзар адам. Г1. т1аэца хьаьший.

Г1АДДИГА, *ханд. (в, й, б), (г1аддуг, г1аддигад, г1аддугаргда).* Моллаг1чунна дика хетар де; самукъадаккха, дог г1оздаккха. Да-нана г1. Совг1аташа г1адйигай йи1иг. ‖ масд. г1аддигар, д.-о. Г1озача кхаъо г1. Унахо г1адвигарах маьл хургба.

Г1АДЖ // Г1АЖ, *ц1ерд. (я, я), -амаш, д.-о.* **1.** Гаьнах баькхха, кагий ткъовронаш д1аяха ц1енбаь сома саьрг е биткъа бекъа. Й1аьха г1. Нажа хенах яькхха г1. ч1оаг1а хул. **2.** Лелача хана лаьттах г1ортаяь бе йоаллаю е кхыча г1улакха лаьрхх1а тоаяь 1аса. Турса г1. Г1. лувзаш воаг1ар воккха саг. Бильярдах ловза г1адж. ♦ **Г1адж теха вира нахча –** дохадаь д1адаькхха г1улакх. ♦ Г1адж кхоссал мара – геттара юхе. ♦ Г1аджа хьаьший – кхайканза баьхка хьаьший; пайда баргбоаца, тешаме боаца новкъостий. ♦ **Г1адж 1еттача санна дола (б1аргаш, баге) –** сов з1амига хоза доаца б1аргаш, баге. ♦ Г1аджаца кхетаде – етташ, лозадеш аьннар дайта.

Г1АДЪЮКЪ, *ц1ерд. (я, я), г1адйовкъамаш, д. -о.* **1.** Дег1а г1ада юккъера готта дакъа; т1ехкарашке йола моттиг. Йиткъа г1. Г1адъюкъах ц1е т1ехкар долла. **2.** Коча е кхыдолча барзкъа юкъ йолччара дакъа. Коча г1. Полтув г1. йолччара чутега.

Г1АЖ, *ц1ерд. (я, я), -аш, д. -о.* Акха а коа т1ара а хула, й1аьха фоарт йола наьк деш дола доккха оалхазар. Ма1а г1. Г1ажаш наьк деш яр. ‖ Цу оалхазара дулх, цох кийчдаь даар. Г1. кхаолла. Ц1ера т1а кийчъяь г1. ‖ белг. г1ажа // г1ажий. Г1. бедарий г1айба. Г1. 1ул. ♦ **Г1ажах 1аха енначa боабашка хиннар –** ший г1улакх доацар, шийна карахдаргдоацар хьат1аийцача хулар. ♦ **Г1ажаш лехка –** оапаш бувца.

ГІАЖАРОЙ, *цІерд. (ба), д. -ша.* Керттера баха моттиг Азербайджане йола тюркски метташ ледеча тоаба чудоагІа къам; цу къаман нах. Дукха гІ. бар тха институте. ‖ гІажаро, *(ва, я),* д.-чо. Даь доттагІа вар из гІ. Тха вагоне нийсъелар къона гІ. ‖ белг. гІажарой. ГІ. барзкъаш. ГІ. кхача.

Г1АЗГ1УМКИЙ, *ц1ерд. (ба), д. -ша.* Хьалха денз Селий мехка дахаш долча къамех ца1; цу къаман нах. *Г1.бовза.* ‖ г1азг1умке, *(ва, я),* д.-чо. Г1. вар са доттаг1а. ‖ белг. г1азг1умкий. Г1.ашараш. Г1. литература.

Г1АЗКХИЙ, *ц1ерд. (ба), д. -ша.* Эрсашта а цхьаццадолча кхыча къамашта юкъе а д1аяьржа, эрсий мотт бувца этнически тоабаш; цу тоабашта чубоаг1а нах. Г1. Баьхаб цу юрта хьалха. ‖ г1азкхе, *(ва, я),* д.-чо. Денал дола г1. Лорал деш йола г1. ‖ белг. г1азкхий. Г1. лаьтташ. Г1. иллиалархой тоаба.

Г1АЙ[1], *ц1ерд. (да, да), -наш, д. -но.* Тховна йистош в1ашаг1кхетача моттиге йоачан чуяргйоацаш лакхе т1аг1олла д1абулла ардакхах е аьшках баь г1ирс. Дахчан г1. Тховна г1. хувца деза.

Г1АЙ[2], ц1ерд. *(да, да), -наш, д. -но.* Кхаш е лаьтташ къоастадеш дола юкъера доазув. *Г1. укхаза г1олла дода. Кхашта юкъе г1. де.*

Г1АЙБА[1], *ц1ерд. (ба, да), -ш, д.-о.* Еррига оаг1онаш д1атийга, тханах, бедарех, боамбех е кхыча к1аьдача х1амах биза вижа уллаш керта к1ал уллабу метта поарталцара г1ирс; иштта 1оховча хана к1ал а бехк. К1аьда г1. Унахочун керта к1ал г1. билла.

Г1АЙБА[2], *ц1ерд. (ба, да), -ш, д.-о.* Шин пенах г1ортабаь, ч1оаг1баь, д1оахалла д1абилла тхов, уй, т1ий хьаллоацаш бола б1оаг1а. Тховна г1. Г1айбаш кийчдир г1ишлонхочо.

Г1АЙГ1А, *ц1ерд. (я), (цхь. т. мара), д.-о.* **1.** Дег т1ара сагото, бала. *Д1аяргйоаца* г1. Г1. ма е. **2.** Саготдайташ, дега хало еш дола х1ама; хатар, бохам. Ц1аьхха кхаьча г1. Массаза а берий г1. йора нанас. **3.** Моллаг1а а саготдайташ, бала бахьаш дола х1ама. Во кхийна дезал йоккха г1. я. Йоккха г1. яр мехка лаьтта хьал.

Г1АЙГ1АНЕ[1], *белг.* Шийна чухь бала, саго-то йола; дега 1аткъа, сагота. Г1айг1ане бер. Г1. илли ала.

Г1АЙГ1АНЕ[1], *куцд.* Сагото, бала шийна чухь болга хьахьокхаш; бохам баьнна, сагота. Г1. ваха ваг1ар из. Г1. хьежар цун доккха б1аргаш.

Г1АЙРЕ, *ц1ерд. (я, я), -наш, д. -но.* Гобаькхха хий (фордаш, океанаш, 1амаш и.кх.д1.) долаш юкъе улла лаьттан дакъа, хий геттара лакхделча а, хи т1а б1аргагуш. Йоккха г1. «Жожаг1атен г1айренаш» яха книжка.

Г1АЛ, *ц1ерд. (ба, да), -аш, д. -о.* Ши барг бола нух хьекхаду саьрчий тайпа чудода, х1аьта саьл доккхаг1а дола дийнат; ма1ачун шера боккха бахьа хьисапера кур хул. Г1. тенна аькха да. Хьун къухь йолчча латтар г1. ‖ белг. г1алий. Г1. кур гучабаьлар гьнашт юкъера. Г1. баргаш.

Г1АЛА, *ц1ерд. (я, я), -ш, д.-ево.* **1.** *Ист.* Кхерах йотташ хинна лакха, готта, йиъсаьна 2-3 г1ат йолаш в1аштаръяь нах бахара лаьрх1а г1ишло, ц1а; цу кепара моллаг1а г1ишло. *Б1аь шу совг1а лаьтта г1. Лоаман юрташка дукха я г1алаш.* **2.** *Т1аийца м.* Моллаг1чоа накъавоалаш, г1оновкъостал деш, тешшаме новкъост, доттаг1а хинна д1аотташ вола саг. *Дика во1 – г1., во во1 – бала. (Кица).* **3.** Нах баха моттиг, дикка дег1аена промышленни, боахама, культура инфраструктура йолаш; шахьар. *Магас къона г1. я. Г1. диденгара хозлуш, тоалуш йоаг1а.* ‖ *белг.* **г1алий.** *Г1. бухь. Г1. корилг.*

Г1АЛАРТ, *ц1ерд. (да, да), -аш, д. -о.* **1.** Гаьнна д1ахьажача гуш йолча моллаг1ча х1аман харц сурт духьалъоттар. Шаьрача ара отта г1. Г1алартах цецдала. **2.** Харц сурт; бокъонца доацаш дар, хетаденнар; духьалдена моллаг1ча сага е х1аман сурт; б1алг1а. Из г1. хиннадар. Г1ларто атта унзарваккха тарлу моллаг1а а.

Г1АЛАТ, *ц1ерд. (да, да), -аш, д. -о.* **1.** Деш долча х1аманна, уйлашта, г1улакхашта юкъера харцахьдар, нийсадоацар; кхоачамбоацар. Лоадам боаца г1. Ший г1алата мук1арло е. **2.** Йоазонца баьча балха юкъе харцахьа даьр; дош харцахьа яздар. *Грамматически г1. Г1алаташ к1езига дар диктанташ т1а.* 3. *Т1аийца м.* Моллаг1а карг1даьнна во, тоам боаца х1ама; бехке хилар. Цаховш даьнна г1. Хьайгара г1. гуча ма далийталахь!

Г1АЛАТДАЛА, х*анд. (в, й, б), (г1алатдоал, г1алатдаьннад, г1алатдаргда).* **1.** Моллаг1а х1ама харцахьа де, нийсача наькъ т1ара вала; уйлашца, дувцачунца г1алат хила; харц хила. Дикка уйла ца ярах г1. Цкъа-шозза г1алатдаьннад из. **2.** Т1аийца м. Во, тоам боаца х1ама карагг1дала, харцъэккха; тувлале. Цаховш г1. Сабаре ца хуле, г1алатдаргда. < **Г1алатдувла,** ханд. дукх. х. кеп. *(г1алатдувл, г1алатдийннад, г1алатдуврга)*. Каст-каста г1. Яздеча хана г1алатдувл бер. ‖ масд. г1алатдалар, д.-о. Жоп луча хана г1. Г1алатдалаго сатем боабаьбар з1амигача сага.

Г1АЛГ1АЙ, *ц1ерд. (ба), д. -ша.* Нахски тоаба чудода Къилбаседа Кавказе Г1алг1ай мехка даха къам; цу къаман нах. Сий дола г1. Г1. 1алаьмате д1аьхий истори долаш къам да. ‖ г1алг1а, *(ва, я),* д.-чо. Яхь йола г1. Эггара хозаг1а яр г1. ‖ белг. г1алг1ай. Г1. къонахий массаза денал долаш хиннаб. Г1. паччахьалкхен университет.

Г1АЛГ1АЗКХИЙ, *ц1ерд*. (ба), д. -ша. Станице бахаш бола г1азкхий. Г1. баха хайшар цу метте. ‖ г1алг1азкхе, *(ва, я),* д.-чо. Кадай г1. Г1. яр тха хьехархо.‖ белг. г1алг1азкхий. Г1. ц1енош. Г1. оаламаш.

Г1АЛКХА, *ц1ерд. (я, я), -ш, д. -о.* Лерга духьах чакхбаькхха хозалла лергах уллабу кхалнаьха г1ирс. Дотох яь г1. Жовхьара к1игаш чуовттадаь г1алкхаш.

Г1АЛМАКХИЙ, *ц1ерд. (ба), д. -ша.* Ойратски тоаба чудода Г1алмакхой мехка даха моалой къам; цу къаман нах. Г1. бахар лоалахха. Г1. дукхаг1бараш эрсий мотт лебеш ба. ‖ г1алмакхе, *(ва, я),* д.-чо. Г1.- студент дика дешаш ва. Г1. хоза кийчъеннаяр. ‖ белг. г1алмакхой. Г1. мотт 1омабе. Г1. дешархой.

Г1АМ, *ц1ерд. (да, да), -аш, д. -о.* **1.** Фолькл. Багахбувцамо дувцачох, харц низаца тайна наха зуламаш леладеш йола (лазар тохаш, йокъал оттийташ, доахан х1алакдеш и. кх. д1.) г1амал уха кхалсаг; бозбуачал леладер; иштта сага хьисап хийце, моллаг1ча кхыча садоаллача х1аман амат хьат1аэца могар. Къиза г1. Г1амах лаьца фаьлг. **2.** Т1аийца м. Къам. Барт бетта, во, бирса, сабар доаца кхалсаг.

Г1АМА[1], *ц1ерд. (да, да), -аш, д. -о.* Ирача герза аьшкан дакъа. Шалта г1. Урса г1. ирде.

Г1АМА[2], *ц1ерд. (я, я), -аш, д. -о.* Ширд. Герго баь з1амига аьла хол е ялатий каний ц1ов. З1амига г1. Кхай т1а г1амаш яр гуш.

Г1АМАГ1А, *ц1ерд. (я, я), -аш, д. -а.* **1.** Бот. Юкъе доккха генарг доалла 1ажаг1а-ц1е бос бола мерза сом лу сомий га. Г1. дика летаяр укх шера. Г1амг1ана хий тоха. **2.** Цу гаьно луш бола сом; цу гаьна т1арча сомех ца1. Кхаьча г1. Г1амаг1ах царг тоха. **3.** Цу гаьнах даьккха дахча е хьу. Г1. ч1оаг1а хул. Г1амаг1ах яь на1араш. ‖ белг. г1амаг1ай. Г1. генаргаш. Г1. бешамаш лелае.

Г1АМАЛ, *ц1ерд. (да), (цхь. т. мара),* д. -о. Харцтешарий кхетамах, цхьаболча наха харцнизаца сага зулам де а, бозбуачалца из ший ло1амах вохаве а, толхаве а магар. Г1. аха.

Г1АНАХЬА, *куцд*. Тхьайса уллача хана, набаро д1аозаваь йоаккхача хана. Г1. духьалъаха. Г1. дела къежар бер.

Г1АНД, *ц1ерд. (да, да), -аш, д. -о.* Саг 1охара лаьрх1а букъ тоха моттиг а йоаллаш бола ц1аг1а

лоаттаеча поарталацара г1ирс. Дахчан г1. Истола гонахьа лакха г1андаш латтар.

Г1АНДГ1ИЛГ, *ц1ерд. (я, я), -аш, д. -о.* Зоол. Нийса ткъамилгаши мекхилгаши дола 1аьржа е мора бос бола чоапилг; цхьаццадола тайпаш нах бахача фусамашка а нийслу. 1аьржа г1. Г1андг1илгаш чехка д1аярж.

Г1АНДЖАЛГ1А, *ц1ерд. (да, да), -аш, д. -а.* Говра нувра т1ехьашка доахка охкаш, наькъа кхухьа гали е кхыйола х1ама царех д1айийхка д1аяхьа аьттув хургболаш. *Г1. тоаде. Г1анджалг1ах* д1ач1оаг1бе т1орми.

Г1АП[1], *ц1ерд. (я, я), -аш, д. -о.* Шахьара е юрта гонахьа пен оттабеш, й1аьхача хана лаьрх1а т1ема духьала еш хинна г1ишло-ч1оаг1але. Буро к1алхара г1. Ширача замах яь хинна г1. х1анз а латташ я. ‖ белг. г1апа. Г1. пена лакхал. Г1. хаьхо.

Г1АП[2], *ц1ерд. (я, я), -аш, д. -о.* Патронаш чуехка з1амига кисилгаш дола т1ехкара хьисапе юкъах хьоарчабаь лелабу г1ирс. *Т1ехдика яь г1. Т1емахочун г1. йоассаелар.*

Г1АП-КОВ, *ц1ерд. (да, да), -наш, д. -но.* Ширача хана гонахьа г1ап хинна, т1ема духьала яь г1ишло-ч1оаг1але хинна моттиг, шахьар. Эбарга-Юртара г1.-к. Тха юрта хинна г1.-к. тохкаш ба археологаш.

Г1АППАРБИЙ, *ц1ерд. (ва, ба), -аш, д. -ечо.* Ширд. Г1апа т1арча, т1ема духьала яьча ч1оаг1ален т1арча эскара е хаьхой баьчча. *Къаьна г1. Г1. г1аппархошца дагаваьлар.*

Г1АППАРХО[1], *ц1ерд. (ва, ба), -й, д.-чо.* Г1апа т1а г1улакхе вола т1емахо, эскархо. Къонахчал дола г1. Г1аппархоша кхетаче йир.

Г1АППАРХО[2], *ц1ерд. (ва, я, ба), д. -чо.* Г1аппархой тайпах саг. *Г1. ва со. Г1аппархой в1ашаг1кхийтар.* ‖ белг. г1аппархой. Г1. ковнаш дукха дар цу юрта. Г1. тайпа викал.

Г1АР, *ц1ерд. (я, я), -аш, д. -о.* **1.** В1ашагlъийнача, къоаста ца луча тайп-тайпарча оазех латта тата е лер. Низткъа мара хьа ца хоза г1. Хьехархо классе чуваьлча, г1. тийра. **2.** Къам. В1аши баге леяр; ц1ог1а; дов; барт беттар. Ц1аьхха яьнна г1. Арара хьачухозача г1аро сомадаькхар бер. **3.** Лингв. Ашара пхаьнаша дакъа ца лоацаш, бага хьахула къамаьла оаз. Къора оазаш алхха г1арах латт. ♦ **Г1ар-тата доацаш –** сатийна, г1ар ца еш, барттайна.

Г1АРАГ1УРА, *ц1ерд. (я, я), -ш, д. -а.* Нийса з1оки, й1аьха фоарти, диткъа д1аьха когаши дола 1а даккха д1а-юха уха доккха ушалашка хула оалхазар. К1ай г1. Г1араг1ураш д1аяхай. ‖ белг. г1араг1ура // г1араг1урий. Г1. 1ул. Г1. б1енаш. ♦ **Г1араг1ура санна ураг1вахав –** геттара лакхвеннав, дег1 денад.

Г1АРАКХО, *ц1ерд. (в, й, б), д. -чо.* Г1аракхой тайпах саг. *Г1. вар из. Г1аракхой тха вежарий ба.* ‖ белг. г1аракхой. Г1. г1ала. Г1. дезал.

Г1АРБАШ[1], *ц1ерд. (я, я), -ш, д. -о.* Фолькл. Багахбувцама турпалхо – харц низаца тайна, ийрча, унзара кхалсаг; г1ам. Г1. г1алг1ай фаьлгий турпалхо я.

Г1АРБАШ[2], *ц1ерд. (я, я), -ш, д. -о.* Хьал долча, б1аьхийча наха чулатташ хинна кхалсаг; лай кхалсаг. Къона г1. Г1. д1аяхийта еза.

Г1АРГ1А, *ц1ерд. (ба, да), -ш, д. -а.* **1.** Оатаяларах е тедарах маькхах хьакъаьста, геттара з1амига цун дакъилг. Маькха г1. Г1арг1аш хьалохьае. **2.** *Т1аийца м.* Геттара к1езига долча х1амах оал. Цхьа г1. миссел.

Г1АРКХАМ, *ц1ерд. (б, д), -аш, д. -о.* Лоаца тха дола кхакха. Сулув даь г1. Г1аркхамаш хьачуийдар.

ГІАРМАХОЙ, *цІерд. (ба), д. -ша.* Историе чухь Крыме цхьанкхийтта, хьалха денз Крымски ах-гІайрен тІа дахаш хьадоагІа тюркски къам; цу къаман нах. ДукхагІбола гІ. бусалба ди лелабеш ба. ‖ гІармахо, *(ва, я),* д.-чо. ГІ. вар царех цаІ. ‖ белг. гІармахой. ГІ. истори.

Г1АТ, *ц1ерд. (я, я), -аш, д. -о.* В1аштlаръяьча г1ишлон цхьан лакхалах д1оахалла д1аулла дакъа. Итт г1ат йола г1ишло. Шоллаг1ча г1ата т1а хьалт1авала.

Г1АРЧ1, *айд.* Моллаг1а х1ама каглуш доала е озавенна дег1 мукъадоаккхача хана т1ехкаша ду тата. «Г1.» даьнна ежар ткъовро. «Г1.» даьлар т1ехкашка. ♦ **Г1арч1 аьнна –** геттара дика**.** ♦ **Г1арч1 аьнна саг –** денал дола, хьинаре саг.

ГІАТТА, *ханд. (гІотт, гІеттад, гІоттаргда).* **1.** Когаш тІа ураотта; даггІачара хьалъайле. Сиха гІ. ГІанда тІара гІ. **2.** Сомадаьнна, ше илла моттиг йита. *Іуррехьа гІ. Іуйра ламаза ханнахьа гІотт со.* **3.** ДаггІачара е латтачара айле, лакхенгахьа ласта, урагІагІо. Ткъам бийнача оалхазара гІ. магацар. Шиъ даьлча гІотт фекема. **4.** Гурматах дІа-хьа даржаш хьалъайле, урагІъаха. Мух хьакхарах дом гІеттаб. **5.** ТІаийца м. Эттача хьала е кхыча хІаманна раьза ца хилар гойташ а, шоай бокъо яккхар духьа а вІашагІкхийтта, цхьана духьале е. Адам гІ. мег. Къам ший бокъо яккха гІеттад. < **ГІетта,** ханд. дукх. х. кеп. *(гІетт, гІийттад, гІеттаргда).* Ханнахьа гІ. КІур гІетт турбашкара. ‖ масд. гІаттар, д.-о. ТІехьагІо гІ. Лаккха гІ.

Г1АШ, *куцд*. Машенаца е кхыча транспортаца доацаш, ший когашца; когаш доахаш. Г1. никъ бе. Тоъал гаьна г1. даха дезаргда.

Г1АШЛО, *ц1ерд. (ва, я, ба), -й, д.-чо.* Ший когашца водаш вола саг; г1аш никъ беш вола саг. К1аьдвенна г1. Г1ашлошта никъ бита. ‖ белг. г1ашлой. Г1. тоаба. Г1.т1ий. ♦ **Г1ашло дошлочун новкъост вац –** хьайх тарачунца (хьаькъалца, таро хиларца и. кх. д1.) леладе г1улакх.

Г1АШЪЮКЪ, *ц1ерд. (я, я), г1ашйовкъаш, д.-о.* Анат. Чена к1алхара дакъеи хаи в1ашаг1ъоттачара чукхийтта моттиг. Г1. к1езига човхаяьй. Г1ашъюкъо лазар дора.

Г1АЬ, *белг. (Сагах лаьца)*. Кура, сонта; шийх доаккхал деш. Г1аь саг ва оалар цох массане.

Г1АЬБАРТИЙ, *ц1ерд. б, д. -ша.* Аьдаг1ий тоаба чудода Къилбаседа Кавказе Г1аьбартой-Балкхарой мехка даха къам; цу къаман нах. Г1.дукха бах цига. Г1аьбартой болча хьоашалг1а г1о. ‖ г1аьбарте, *(ва, я),* д.-чо. Доттаг1а-г1. Г1. йовза. ‖ белг. г1аьбартий. Г1. халкъа илли. Г1. бераш.

Г1АЬЛЕ, *ц1ерд. (я, я), -наш, д. -но.* Озаш дола корчадаь тхьамкий г1а; тхьамках йиза озаш йола диткъача каьхатах яь турбилг. Йиа г1. Г1. – унахц1енон моастаг1а.

Г1АЬЛЕН[1], *белг.* Г1аьлех даь, шийна чухь г1аьли долаш. *Г1. чопилгаш. Г1. 1агаш.*

Г1АЬЛЕН[2], *белг.* Г1аьленца дувзаденна, г1аьленах доалла; г1аьле хьаяра лаьрх1а. Г1. к1ур. Г1.гилза.

Г1АЬЛИ, *ц1ерд. (да), (цхь. т. мара), д.-е.* К1аьда, тувсалуш а атта лалаш а дола дото-к1айча бесса металл; химически элемент. Г1. даккха. Г1аьлеца лотораш ду.

Г1АЬЛЕНАШТУВСАРГ, *ц1ерд. (я, я), -аш, д. -о.* Г1аьле озача хана тхьамках юхе юса чил 1очуегаяра а г1аьлен юхкаш чутувсара а лаьрх1а пхьег1а. Дотох яь г1. Г1. латтар истола т1а.

ГІАЬМ, *цІерд. (я, я), -аш, д. -о*. Шодаца кхоза-диъазза хьаэццал бола аьла е чан боарам; кхаьбиъ паркхах латта аьла е чан боарам. Цхьа гІ. йол йилла жена. ГІ. паркхал йоккхагІа хул.

ГІАЬН, *цІерд. (я, я), -аш, д. -о.* **1.** Бот. Геттара дикача тайпах лоархІа чІоагІа дахча дола, доккхий гІаьнаш а шаьра коаст а йола лакха га. Баьццара йийрза гІ. Наькъа юххе гІолла ягІар гІаьнаш. **2.** Цу гаьнах даькхха дахча. ТІаьда гІ. ГІ. юстара уллар.

ГІАЬР, *цІерд. (я, я), -аш, д.-о.* **1.** Эбаргий, къуй е кхыча юкъарча зуламе гІулакха е нах бовхара духьа вІашагІкхийттача наьха тоаба; зуламхой ординг. Еррига гІ. йохае. ГІаьрах дІа ма кхета. **2.** Къам. Наха ца деза, цар мога ца ду цхьацца гІулакхаш леладу наьха тоаба. Уж-м бокъонца йола гІ. я! ‖ белг. гІаьра. ГІ. гІулакхаш. ГІ. ординг.

ГІАЬРАЛ, *цІерд. (д), (цхь. т. мара), д. -о.* ГІаьрхоша къоал деш, нах боабеш, бовхаш иштта кхыдола зуламе гІулакхаш леладар; гІаьрхой лелара кеп. ГІ. ма леладе. ГІаьралца къовсам лоаттабе.

ГІАЬРТАЛ, *цІерд. (д, д), -аш, д. -о.* Ах метрал совгІа лакха а доккха а дегІ, долаш, дІаьха ткъамаши, Іочухьайза зІоки, баьде, кІай, цІе бос хула бедари йола кхыдола садоалла хІамаш дуа оалхазар. ЦІе-кІай гІ. ГІаьрталаш атта караІамац.

ГІАЬХЬА[1], *белг.* **1.** Хила доаггІача бесса, кхоачамбоацараш доаца; ма дезза (барзкъех, кога гІирсах и. кх.дІ. лаьца); хила деззача боараме. ГІ. барзкъа. ГІ. лакхдалар. **2.** Толхаданза; маьрша, сакхат данза. ГІ. кулг аьрдиг дар заІапхочун. ГІ. хІамаш йита чухьнахьа.

ГІАЬХЬА[2], *куцд*. **1.** Хила ма деззара; мегаш (барзкъех, кога гІирсах и. кх.дІ. лаьца). Коч гІ. хилар йишийна. Иккаш гІ. яц, теІа я. **2.** Хила деззача боарамах; сатохалургдолаш, лоалургдолаш. ГІ. шийла хий. ГІ. бІаьха никъ. **3.** Толхадаь доацаш; чов а сакхат а ца деш диса; маьрша. ЦІен цхьа пен мара гІ. бисабацар. ГІ. цІавийрзар из тІем тІара.

ГІАЬХХЬА[3], *куцд*. Хила деззача хана; доаггІача; эшшача метте. ГІ. вена хьакхаьчар новкъост. ГІ. берригаш гулбеннача хана къамаьл де.

ГІАЬХЬА-МАЬРША, куцд. Зе-зулам доацаш; чов хинна е сакхат хина доацаш. *ГІ.-м. хила. ГІ.-м. цІенах кхеталва!*

ГІЕЛІАЛ, *цІерд. я (цхь. т. мара), д.-о.* Іазап озийташ, кортамукъале ехкаш е ший лоІамах воаккхаш моллагІчунга бала бахьаш хилар; низ бар. *ГІ. ловргьяц цхьанне а.*

ГІЕЛДАЛА, *ханд. (в, б, й) (гІеллу,* гІелденнад, гІеллургда). МоллагІча бахьанах (лазарах, лаьрххІа, моцалах и. кх. дІ.) ше хьалха хинначул гІийлагІа хьахила; дегІа дозал лохдала. КІезига гІ. мегаргда. Лазар кхийттача денз гІелвеннав из. ‖ масд. **гІелдалар,** д.-о. Бежана гІ. ГІелваларо гойтар цо эза хало.

ГІЕЛДЕ, *ханд. (в, й, б) (гІелду, гІелдаьд, гІелдергда).* Ше хинначул гІийлагІа хьаде; дегІа дозал Іолохде. Цу молхо гІ. тарлу. Доакъар ца хиларо гІелдаьд доахан. ‖ масд. **гІелдар,** д.-о. Кхача д1а ца луш, гІ. К1езига гІ. дег1а пайдана хургда.

ГІИБУХЕ // ГІИНБУХЕ, *цІерд. (я), (цхь. т. мара.), д. -но.* **1.** Дунен йиъ оагІонех цаІ; къулбехьенна духьалара оагІув. *ГІ. карта тІа хьахьок-*

ха. **2.** Из дунен оагIув йолчахьа ула моттиг (паччахьалкхе, мохк и. кх. дI.). ГI. йолчахьа массаза шийла хул. **3.** Даиман шелал латта дунен оагIув. *ГI. кхаьчар из.* ‖ белг. **гIибухера // гIинбухера.** ГI. шелал. ГI. форд.

ГIИБУХЕ-МАЛХБОАЛЕ, *цIерд. (я), (цхь. т. мара), д. -но.* 1. ГIибухеннеи малхбоаленнеи юкъера лостам (оагIув). ГI.-м. ювца. **2.** Из оагIув йолчахьа ула моттиг, паччахьалкхе, лаьтташ и. кх. дI. ГI.-м. йолчахьа улл Чинхой мохк. ‖ белг. гIибухенмалхбоалехьара. ГI.-м. мух. ГI.-м. хаоттам.

ГIИБУХЕ-МАЛХБУЗЕ, *цIерд. (я), (цхь. т. мара), д. -но.* **1.** ГIибухеннеи малхбузеннеи юкъера лостам (оагIув). Эрсий мехка гI.-м. **2.** Из оагIув йолчахьа улла моттиг, паччахьалкхе, лаьтташ и. кх. дI. ГI.-м. йовза. ‖ белг. гIибухенмалхбузехьара. ГI.-м. нах. ГI.-м. лаьтташ.

ГIИЙБАТ, *цIерд. (да, да), -аш, д. -о.* Динца дувз. Саг сийдоацача воаккхаш, из бIехвеш цох лаьца дувца къайлагIара хабараш, йоахарий; ишта моллагIча духьала воацача сагах лаьца дувца во къамаьл. ГIийбат доккха къа да. ГIийбатех лоравала веза бусалба саг.

ГIИЙЛА[1], *белг.* **1.** Йиткъа дегIа маьженаш йола; дерста доаца (сагах а цун маьженех а лаьца). ГI. лакха йоI. Ший гIийлача кулгашца тха хьувзар нане. **2.** ДегIа дозала боарам ший хила безачул кIезигагIа бола; чоажош чукхийтта; дегIаца дарстар доаца (дийнатех лаьца). ГI. бежан. ГI., меца борз. 3. Дулха маза биткъа бола, хьоанал а мухь а ца йоалла. ГI. дулх. ГI. москал. ♦ Дакъа санна гIийла – чIоагIа гIелденна, гIоарол дайна. ♦ ЗIар санна гIийла – тIехкашка даха, чIоагIа гIийла.

ГIИЙЛА[2], *белг.* Шийна чухь сагото, бала болга дIахойташ дола; къахетийташ дола; гIайгIане, миска. *ГI. оаз. ГI. узамаш дора доарахочо.* ♦ ГIийла паькъар – миска, къадола саг.

ГIИЙЛА[3], *куцд.* ГIайгIа, сагото йолаш; къахетаргдолаш; чIоагIа миска. ГI. делха. ГI. увгIар чов хинна жIали. ♦ ГIийла шийна сискал юаш – вахарца ца къувсаш, миска воаллаш.

Литература

1. Бекова А.И., Дударов У.Б., Илиева Ф.М., Мальсагова Л.Д., Тариева Л.У. Г1алг1ай-эрсий словарь (Ингушско-русский словарь). – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2009. – 984 с.
2. Коазой И. Г1алг1ай метта ширача дешай дашхара дошлорг. – Наьсаре: Кеп, 2018. – 272 с.
3. Куркиев А.С. Г1алг1ай-эрсий дошлорг (Ингушско-русский словарь). – Магас: Сердало, 2004. – 544 с.
4. Мальсагов З.К. Грамматика ингушского языка. Издание 2-ое. – Грозный, Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1963. – 161 с.
5. Оздоев И.А. Г1алг1ай метта орфографически дошлорг. – Магас: Сердало, 2003. – 416 с.
6. Оздоева Ф.Г. Ингушско-русский фразеологический словарь. – Нальчик: «Эль-Фа», 2003. – 132 с.

РЕЦЕНЗИИ

ОБ ИСТОРИИ ГОРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ. КНИГА Т. МАТИЕВА «ГОРСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РЕВОЛЮЦИЯХ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (1917-1921)»

(Назрань, 2020. 402 с.)

Патиев Я. С.

По моему личному мнению, в последние годы по разным причинам на федеральном уровне мало выходило научных трудов наших ученых. Одни невозможно было издать, другие не дотягивали до нужного уровня. К сожалению, второй причины было больше…

Вышедшая недавно под грифом Ингушского НИИ ГН им. Ч.Э. Ахриева и Ингушского госуниверситета монография кандидата исторических наук Тимура Матиева «Горское национальное движение в революциях и гражданской войне на Северном Кавказе (1917-1921)» (Назрань, 2020, 402 с. 500 экз.) относится к числу научных трудов федерального уровня.

Параллельно заметим, что это не первая работа Т. Матиева такого уровня. В Москве в 2016 г. в популярной серии «На линии фронта. Правда о войне» вышла монография нашего ученого «Малгобекский бастион. 2000 экз. 415 с.» о Малгобекской оборонительной операции сентября-октября 1942 г.

Новая книга Тимура Матиева посвящена образованию государственности Северного Кавказа в 1917-1924 г. Прежде эта тема освещалась лишь «пунктирно» с соответствующей духу времени оценкой как сепаратистская попытка «горской буржуазии» северо-кавказских народов добиться независимости. По логике партийной пропаганды и лидеры Горской Республики «работали» то на Турцию, то на Германию. Стоит только вспомнить насквозь тенденциозную работу партийного конъюнктурщика Кониева Ю.И. «Национально-государственное строительство на Тереке. Орджоникидзе, 1969, 98 с.».

В вышедших в 2000-х г. работах М. Вачагаева[1], А. Даудова и Д. Месхидзе[2], Ю. Карпова[3], Т. Музаева[4], Л. Дзаховой[5], В. Дзидзоева[6] в той или иной плоскости рассказывалось или в целом о Горской Республике или об отдельных аспектах ее деятельности (Л. Дзаховой, например). При всех достоинствах этих работ, одни, естественно, основное внимание уделяли общим вопросам образования, недолгого становления и распада Горской Республики, другие акцентировали свое внимание на стремлении подчеркнуть исключительно позитивную роль своего этноса в этом процессе.

Это только часть работ на эту тему, хорошо известных автору настоящей рецензии. Есть и другие работы других исследователей. Но Т. Матиев дает детальный обзор литературы на тему, большинство из которой автор отштудировал и дал свою выверенную оценку. Достаточно широко и дозированно использована мемуарная литература, периодическая печать того времени, как отечественная, так и эмигрантская. Отсюда и предельная по объему и географическому охвату источниковая база книги (около 600 единиц).

Как правило, ингушский сегмент Горской Республики бывал недостаточно освещен, хотя роль представляющих Ингушетию лидеров национального движения часто была лидирующей. Это такие яркие представители ингушской горской и военной интеллигенции, как братья Висан-Гирей и Магомед Джабагиевы, Керим Гойгов, Магомед Ханиев, генералы императорской России Тонт Укуров, Сосланбек Бекбузаров и Сафарбек Мальсагов, и другие. Работа Т. Матиева и восполняет этот пробел.

---

[1] Союз горцев Северного Кавказа и Горская Республика. 1917-1920. М., 2018, 350 с.

[2] Национальная государственность горских народов Северного Кавказа. (1917-1924). СПбГУ. 2009, 220 с.

[3] Национальная политика советского государства на Северо-Кавказской периферии в 20-30-е гг. XX в. СПб, 2017, 400 с.

[4] Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917-март 1918 года. 2-е изд. испр. и доп. Нальчик, 2012, 608 с. илл.

[5] Горская Республика в восстановительный период: экономика и социальная политика. Владикавказ, 2003, 160 с.

[6] От союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана до Горской АССР (1917-1924 гг.) Владикавказ, 2003, 212 с.

Хронологически последовательно и логически выстраивает ученый картину образования и распада Горской Республики, просуществовавшей в 1917-1921 г. Работа предваряется глубоким анализом социально-экономической и общественно-политической ситуации в регионе с начала XX века, широким освещением исторического фона, предшествовавшего этому явлению, начиная с 1905 года. В первую очередь, это «отзвук» горских обществ на первую русскую революцию 1905-1907 г. и Первую Мировую войну 1916-1918 г. К чести автора следует отнести и тот факт, что он приводит и полярное мнение других ученых, не отметая их безапелляционно: пусть читатель рассудит сам.

Слова Т. Матиева о том, что один из исследователей последнего времени Т. Музаев отошел от «советской традиции изложения исторического материала» и берет на вооружение новый подход в изучении событий и явлений исторического процесса на Северном Кавказе» можно отнести и к самому автору рецензируемой нами книги.

Если некоторые другие работы затрагивали только сам процесс образования и распада Горской Республики, то Т. Матиев широко представил предшествующую этим событиям обстановку.

К достоинству работы автора нужно отнести и выводы, которые делает ученый после освещения того или иного большого «эпизода» из жизни Горской Республики.

Разумеется, такие тезисы были невозможны в годы партийной диктатуры в нашей стране. Как верно отмечает Т. Матиев, к главнейшей причине, которая позволила большевикам достичь успеха, к «беспринципности», присущей любой тоталитарной партии, «можно добавить и систему», позволяющую давать любые обещания, не заботясь об их выполнении по приходу к власти». Так оно и было в истории.

Приводимые Т. Матиевым данные по земельному голоду ингушей в сравнении с другими этносами ложатся в обоснование активного участия ингушей как в деле образования Горской автономии, так и в победе Советской власти на Северном Кавказе.

Достаточно большое внимание уделяется в монографии и «мусульманскому фактору» того времени, который часто являлся триггером многих общественных процессов в регионе. И в данном случае автор посылает в сегодняшний день посыл: исламские народы объединяются «лишь потому, что объединён враг». Отсутствие последнего как раз и не может дать позитива. И поэтому еще на первом съезде в мае 1917 г. «появились признаки того, что единство во всех вопросах – дело труднодостижимое». И этот тезис по-прежнему актуален и вспоминается, когда слышишь трибунные призывы к единству как раз от тех, кто сам не способен на это на практике.

Большое внимание уделяет автор национальному вопросу, этому решающему фактору, как в образовании Горской Республики, так и в распаде вожделенного национально-государственного образования горцев и казаков Северного Кавказа. Об этом красноречиво говорит и неудачное формирование органов местной горской исполнительной власти сразу после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г.

По справедливому мнению Т. Матиева, союз горцев и казаков был «временным и непрочным». От себя добавим только слово «априорно», тем более что оно и «подразумевается» в контексте. Отсюда и скорый распад национально-государственного образования горцев и казаков Северного Кавказа.

Автор показывает и объясняет природу и причину сложившихся противоречий не только между разными этническими группами – организаторами Горской республики, но и внутри этих групп и даже между братьями, Магомедом и Висан-Гиреем Джабагиевыми, например.

Детально рассмотрены автором и заведомо обреченные на провал попытки лидеров Горской Республики объявить независимость своего национально-государственного образования с последующим выходом из состава России. Хотя это и было «самозащитной реакцией» горских народов и «идея горской солидарности…была рождена самой жизнью – общностью исторических судеб горских народов, неразрывно связывающими их культурными, экономическими, политическими связями».

Верность тезиса, что политика – это искусство возможного, показала и практика уже советской автономии горских народов под тем же названием «Горская Республика» 1920-1924 г.

Убедительно показана и роль Джабагиевых, Укурова, Ахриева, Саутиева, Мальсагова, Бекбузарова, Гарданова и других деятелей 1920-х г. И главное – не в ущерб роли представителей всех других народов региона, что часто допускается

иными авторами в освещении тем, охватывающих ключевые темы и затрагивающих историю полиэтнического региона.

Говоря о роли ингушей и ингушского народа, автор приводит и сакральное мнение эмигрантской газеты «Вольный горец», высказанное через два года после распада республики: «Казалось, что в мире нет свободнее народа, чем ингуши. Ингушетия представляла собой маленькую, почти самостоятельную, свободную демократическую республику /.../; народ был доволен своим положением и существовавшей властью». Какое потенциальное значение имело это мнение, показала история.

В книге дан «безадресный» отпор и тем, что в последние годы старался принизить роль ингушей в подавлении августовского мятежа белоказаков и осетинского офицерского корпуса 1918 г. во Владикавказе. Это же определение можно применить и к проблеме т.н. расказачивания, также являющейся предметом фальсификаций и тенденциозного подхода в работах некоторых исследователей и политиков, начиная с 1990-х г.

Убедительна и критика деятельности лидеров Горской Республики, в т. ч. и В-Г. Джабагиева.

И тут совершенно прав ученый, когда пишет, что «Трагедия умеренного лагеря, включившего виднейших деятелей горской интеллектуальной элиты того времени – В-Г. Джабагиева, П. Коцева, Г. Баммата, Р. Капланова и др.» в полной мере может быть охарактеризована и как трагедия горского национального движения как такового – его наиболее умеренной, здравомыслящей и прогрессивной части».

Выводы Т. Матиева продиктованы не простым наитием или стремлением вписаться в новые стереотипы. Подчеркивая и объясняя «общность исторических судеб горских народов», ученый полемизирует с устоявшимися тезисами о причинах и последствиях образования Горской Республики (например, что Февральская революция 1917 г. была «крестной матерью» Горской Республики»). Вместе с тем, Т. Матиев избежал и «соблазна идеализировать или демонизировать образ горского национального движения»

В целом, описанная Т. Матиевым история несостоявшейся «единой автономии» народов Северного Кавказа поучительна на фоне изредка идей, выдаваемых сидящими за пределами своей страны и оторванными от реалий сегодняшнего дня аналитиками и экспертами.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ ВИСИН-ГИРЕЯ ХАСАНОВИЧА ТАНКИЕВА

22 июля сего года исполняется 80 лет известному ученому-историку, педагогу и общественному деятелю Республики Ингушетия Танкиеву Висин-Гирею Хасановичу.

Свою трудовую деятельность в стенах научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева Висин-Гирей Хасанович начал в 2010 года в должности ведущего научного сотрудника отдела истории Ингушетии.

Он родился в селении Шолхи Пригородного района. В 1960 г. поступил в Чечено-Ингушский педагогический институт. Два года работал учителем. В 1967 году экстерном окончил Ставропольское военное училище связи. В 1970 г. поступил и в 1974 году с отличием окончил военно-педагогический факультет Военно-политической академии им. В. И. Ленина в Москве.

С 1974 по 1993 год проходил службу в Харьковском высшем военном командно-инженерном училище ракетных войск им. Маршала Советского Союза Н. И. Крылова. Прошел все ступени и завершил деятельность в этом учебном заведении в должности начальника кафедры училища. Работал и в Харьковском военном университете.

В 1980 г. в Харьковском государственном университете защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. В 1982 году получил ученое звание доцента. Полковник запаса.

Удачное сочетание учебной, научно-исследовательской и общественной работы обеспечило широкую известность В.-Г. Х. Танкиеву.

После образования Республики Ингушетия он работал помощником-советником Президента РИ, министром по делам печати и информации РИ, был проректором по учебной и научной работе Института экономики и правоведения в г. Назрань.

Круг научных интересов В.-Г. Х. Танкиева весьма широк и разнообразен: военная история; конституционно-правовые основы деятельности органов государственной власти Российской Федерации и зарубежных стран; проблемы развития высшего образования в Российской Федерации; международное гуманитарное право; история Ингушетии. Опубликовал более 200 работ, в том числе «Возникновение конфликтных ситуаций в воинских коллективах и пути их предупреждения»; «Ракетный щит Родины»; «Навечно в строю. Очерки о героях Советского Союза, навечно зачисленных в списки ракетных частей»; «Международное гуманитарное право». Опубликовал книгу «Миг генерала Осканова».

Регулярно участвует в международных, всероссийских, региональных и республиканских конференциях, где выступает с интересными докладами и сообщениями.

В-Г. Х. Танкиев принимает активное участие в общественной работе: является членом Общественной палаты Республики Ингушетия, экспертом Регионального отделения Общероссийского народного фронта в Республике Ингушетия, членом штаба сторонников «Единой России», членом экспертной группы при Главе РИ, членом комиссии по аттестации при Народном Собрании Республики Ингушетия и ряда других общественных организаций.

Трудовые успехи В.-Г. Х. Танкиева отмечены грамотами и знаками отличия разного уровня, в том числе «Благодарностью» Президента России В. В. Путина.

Сегодня, в год своего юбилея, Висин-Гирей активно продолжает научную деятельность, пишет статьи и книги, помогает молодым ученым. В.-Г. Х. Танкиев является примером для своих учеников и коллег.

Висин-Гирей Хасанович, желаем Вам успехов в Вашем непростом деле, надежных единомышленников, крепкого семейного тыла! Пусть не иссякает источник Вашей энергии и жизненной силы! Новых научных и творческих достижений, крепкого здоровья и счастья Вам!

Ваши коллеги

НАШИ АВТОРЫ

Агиева Лемка Тугановна – кандидат философских наук, ученый секретарь Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, г. Магас.

Акиева Петимат Хасолтовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Ингушетии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин «ИМЦ».

Арапханова Лейла Якубовна – кандидат политических наук, зав. отделом социально-политических исследований Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, доцент кафедры истории Ингушского государственного университета, г. Магас.

Арсельгова Марина Адамовна – научный сотрудник отдела социально-политических исследований Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, г. Магас.

Барахоева Жанна Мустафаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и методики начального образования Ингушского государственного университета, г. Магас. E-mail: zhanna.barakhoeva@mail.ru (тел. 8 928 917 14 37)

Бекова Мадина Руслановна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры «Ингушская литература и фольклор», Ингушского государственного университета, г. Магас, Россия; e-mail: madina.bekowa@yandex.ru

Биттирова Тамара Шамсудиновна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела ингушского фольклора и литературы Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева (Россия, Магас), ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН» (Россия, Нальчик). Эл. адрес: tbittir@mail.ru

Галаева Жарайдат Батыровна – студентка 2 курса магистратуры Ингушского государственного университета, г. Магас

Горчханова Лейла Залимхановна – студентка IV курса исторического факультета Ингушского государственного университета (Россия, Магас).

Горюшина Евгения Михайловна – Южный научный центр Российской академии наук, научный сотрудник (Россия, Ростов-на-Дону), esherder@gmail.com

Долгиева Марем Белановна – кандидат исторических наук, профессор кафедры Ингушского государственного университета, зав. отделом истории Ингушетии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, г. Магас.

Дударов Абдул-Мажит Муратович – кандидат исторических наук, заслуженный деятель науки РИ, старший научный сотрудник отдела истории Ингушетии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, г. Магас.

Евлоева Аза Мухтаровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела ингушского фольклора и литературы Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, доцент кафедры «Ингушская литература и фольклор» ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет», г. Магас.

Исламова Любовь Яхьяевна – аспирант Ингушского государственного университета, Магас.

Исламова Макка Яхьяевна – аспирант Ингушского государственного университета, Магас.

Кариева Фариза Абдулмажитовна – заведующий отделом научной пропаганды, рекламы и издательской деятельности ГКУ «Джейрахско-Ассинский государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник».

Кодзоев Нурдин Даутович – заведующий сектором культурно-исторического наследия Ингушетии отдела истории Ингушетии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева, г. Магас.

Костоев Зураб Исропилович – научный сотрудник отдела социально-политических исследований ИнгНИИ им. Ч. Э. Ахриева, г. Магас.

Киева Зуфира Хаджибикаровна – доктор филологических наук, зав. отделом ингушского языка Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, доцент кафедры ПМНО Ингушского государственного университета, г. Магас.

Кулбужева Мадина Османовна – магистрант кафедры «Ингушская литература и фольклор» Ингушского государственного университета, г. Магас, Россия; e-mail: 6762713@mail.ru

Мартазанова Ханифа Магамедовна – доктор филологических наук, профессор кафедры «Ингушская литература и фольклор», зав. кафедрой «Ингушская литература и фольклор», Ингушского государственного университета, г. Магас, Россия; e-mail: hanifa_m@mail.ru

Патиев Якуб Султанович – старший научный сотрудник отдела ингушского фольклора и литературы Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, г. Магас.

Сагов Руслан Закреивич – старший научный сотрудник отдела ингушской этнологии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева, г. Магас.

Садулаева Тамара Борисовна – научный сотрудник отдела социально-политических исследований Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. E-mail: tamara.sadulaeva@yandex.ru

Салогуб Анжела Михайловна – доктор социологических наук, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права Пятигорского государственного университета. E-mail: salogubam@yandex.ru

Сефербеков Руслан Ибрагимович – доктор исторических наук, профессор Дагестанского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала.

Хадзиева Айна Ахметовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела ингушского фольклора и литературы Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, доцент кафедры «Русская и зарубежная литература» ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет», г. Магас.

Хайрова Роза Резвановна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела ингушского языка Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева, г. Магас.

Ялхароева Марем Ахметовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела ингушского фольклора и литературы Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Обращаемся к авторам статей, желающим разместить свои публикации в журнале «Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им Ч. Э. Ахриева», входящем в базу данных РИНЦ, с напоминанием о необходимости сдавать в редколлегию журнала, кроме текстов статей, следующую информацию, согласно требованиям РИНЦ, на русском и английском языках:

1) ФИО автора (авторов) полностью;
2) название статьи;
3) аннотация статьи;
4) ключевые слова (не менее 5 слов);
5) название учреждения и название кафедры, где Вы работаете; Если вы работаете в двух или нескольких местах и желаете закрепить статью и за другими организациями, можете указать другие учреждения;
6) город и страну.
7) Обязательно укажите адрес электронной почты и контактный телефон.

Пристатейные библиографические ссылки необходимо оформлять в соответствии **с ГОСТ Р 7.0.5 2008 «Библиографическая ссылка».**

Будем рады сотрудничеству с Вами!
Редколлегия.

Научное издание

ВЕСТНИК
ИНГУШСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК им. Ч.Э. АХРИЕВА

№ 1 – 2021

Журнал
«Вестник Ингушского научно-исследовательского института
гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева»
входит в базу данных РИНЦ

Дизайн и верстка: Кодзоев М.Я.

Сдано в набор 01.06.2021 г.
Подписано в печать 10.06.2021 г.
Формат 30х42/4. Бумага офсетная – 65 г/м^2.
Гарнитура «Times». Печать трафаретная.
Физ. печ. л. 20,75. Усл.-печ. л. 10,4.
Тираж – 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «КЕП»
386102, Республика Ингушетия, г. Назрань, ул. Чеченская, 5.
E-mail: piligrim-K@list.ru